

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Пыхарев Филипп Геннадьевич

Эмигрантский период в жизни и творчестве Льва Тихомирова

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Научный руководитель:

кандидат исторических наук

доцент

Ф.А. Гайда

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Вехи политической биографии Тихомирова в эмигрантский период	24
§ 1. Попытки возрождения партии (1881-1883).....	24
§ 2. Утрата надежд и поиск новых путей (1884-1886).	43
§ 3. Новые взгляды (1887-1888).	68
Глава 2. Европа и европейский круг общения Тихомирова.	100
§ 1. Окружение Тихомирова в женеvский период (1882-1883).	100
§ 2. Париж. Новые знакомства (1883-1888).	109
§ 3. Наблюдение и восприятие Европы Львом Тихомировым.	136
Глава 3. Мировоззренческая эволюция Тихомирова.	150
§ 1. Идеvная эволюция.....	150
§ 2. Семья и религиозные искания. Оценки эволюции Тихомирова его окружением.....	171
Заключение.	190
Источники	196
Литература.....	199

Введение

Предмет и актуальность исследования. История не знает сослагательных наклонений. Однако, в то же время не вызывает сомнения тот факт, что явления и события, имевшие место в прошлом, зачастую находят своё отражение и преломление в настоящем и будущем: подчас по истечении значительного периода времени, в иных исторических обстоятельствах и оттого не вполне ожидаемо для современников. В задачи историка входит как раз увидеть те первопричины, которые определили развитие последующих исторических событий. Так, например, в истории нашей страны в XX в. есть яркие примеры того, как прогрессистская социалистическая идеология становилась основой для утверждения государственности с жесткой политической иерархией.

Личность Льва Тихомирова рисует перед историком один из вариантов развития общественно-политической мысли русской радикальной интеллигенции поколения 70-х гг. XIX в. Однако, несмотря на ту энергию и количество сил, которые приложил Тихомиров, его идеи, за единичными исключениями, не получили широкого признания и распространения в период его жизни. Будучи членом Исполнительного комитета «Народной Воли», позже главным редактором заграничного издания партии, Тихомиров считал себя одиноким в идейном отношении. Зарекомендовав себя в монархической публицистике, получив признание и опеку таких деятелей, как обер-прокурор К.П. Победоносцев, премьер-министр П.А. Столыпин, он считал себя чужим в консервативных кругах. Достигнув предельного положения для монархического публициста – получив поддержку самого императора, став главным редактором «Московских ведомостей» –

Тихомиров в 1914 г. добровольно покинул редакторское кресло, считая себя не в силах переломить развитие губительных для страны тенденций. Пройдя вехи эволюции от народника до монархиста, Тихомиров остался загадкой для своих современников. Подводя в 1917 г. итоги своей деятельности, Лев Александрович заключал: «Я ухожу с сознанием, что искренне хотел блага народу, России, человечеству. Я служил этому благу честно и старательно. Но мои идеи, мои представления об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством... В итоге – я отрезанный ломоть от жизни. Жизнь уже не для меня»¹.

Эмигрантский период является переломным в жизни и творчестве Льва Тихомирова. Так, оценивая роль политических столиц в его жизни, Тихомиров писал в 1918 г.: «Ни один из городов, Ни Москва, ни Петербург, не имел такого глубокого влияния на мою внутреннюю эволюцию, как Париж»². В эмиграции произошло политическое, личное, идейное и религиозное становление Тихомирова. Поэтому изучение этого периода представляется наиболее важным для понимания его последующей эволюции.

Цель и задачи исследования. Целью данного исследования является изучение жизни и идейной эволюции Льва Тихомирова в эмигрантский период.

В диссертации ставятся следующие исследовательские задачи:

- 1) проанализировать эволюцию Тихомирова в качестве политического деятеля и публициста;
- 2) рассмотреть влияние на него Европы и европейского круга общения;

---

¹ Дневник Л.А. Тихомирова 1915-1917 гг. Сост. А.В. Репников. М., 2008. С. 358.

² Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 403.

3) исследовать развитие его социально-политических и религиозных взглядов: показать их взаимосвязь и ее характер.

Объектом данного исследования являются Лев Тихомиров, его семья, личное окружение и общественно-политическая среда.

Предметом данного исследования является личностная и идейная эволюция Льва Тихомирова, рассматриваемая в контексте влияния на него круга общения, социально-политической обстановки за границей и семейно-бытовых условий.

Хронологические рамки определяются временем пребывания Л.А. Тихомирова за границей (август 1882 г. – январь 1889 г.).

Научная новизна исследования состоит в компаративном изучении различных сфер жизни Тихомирова в эмигрантский период – политической, социальной, семейной, религиозной – и выявлении наиболее значимых факторов в эволюции его взглядов.

Методология исследования. В работе использован принцип историзма. Личность Льва Тихомирова анализируется в связи с конкретно-историческими условиями пребывания за границей: исследуется окружение Тихомирова, география проживания и социально-политическая обстановка в странах, где он пребывал. Для решения поставленных в работе задач также применён компаративный метод, предполагающий вычленение различных сфер жизни Тихомирова (политической, религиозной, семейной) и их сравнительный анализ с целью выявления их значения для эволюции его личности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основные контуры социально-политических взглядов Л.А. Тихомирова сложились накануне эмиграции и последующий период уже сильно не менялись: Тихомиров оставался

сторонником сильной власти, государственной регуляции экономических отношений, унитарного (не федеративного) государства, психологической, а не экономической основы общества. Изменялось лишь представление об инструменте воплощения в жизнь подобных принципов – политической власти в стране.

2. В процессе наблюдения политических реалий во Франции Л.А. Тихомиров пришёл к выводу о губительности двух западных политических альтернатив, воспринятых на веру русской интеллигенцией: революции и парламентаризме.

3. Под влиянием философии Ж.-Ж. Руссо и французской социологической школы у Л.А. Тихомирова сложилось собственное представление о монархической власти в России как единственно законной власти в стране, являющейся результатом «исторической воли народа» и потому способной стать главным «орудием прогресса».

4. Разочаровавшись в революционных методах борьбы, Л.А. Тихомиров не расстался с привычной для него ролью идеолога: первые годы объектом приложения его сил является «Народная Воля», последующие – некая проектируемая им «широкая национальная партия», объединяющая все прогрессивные элементы русского общества, которая позже получит продолжение в идее новых сословий (в том числе сословия журналистов, сословия рабочих и проч.), стоящих на службе государства.

5. Новая партия в представлении Л.А. Тихомирова теряет самостоятельное, оппозиционно-политическое значение, принимая подчинённое в отношении к самодержавной власти положение.

6. В ближайшем окружении Л.А. Тихомирову не удалось найти единомышленников. Кризис «Народной воли» совпадал для Тихомирова, как главного идеолога партии, с личным мировоззренческим кризисом. С кризисом партийным умирало в некотором смысле детище самого Тихомирова, которое он выращивал в своей публицистике. Для прочих же членов партии идеи «Народной воли» имели меньшее значение, чем её практическая деятельность, и они скорее были склонны видеть причины неудач во внешних обстоятельствах, нежели в самой идеологии. Соратники в эмиграции, зная об изменениях во взглядах Тихомирова, не вступали с ним в открытую полемику. В окружении Тихомирова предпочитали замалчивать его «новые» идеи из опасения «пагубного» влияния старого народовольца на революционную молодёжь. Следствием этого искусственного замалчивания стал тот коллапс, который возник после публикации открытого отречения Тихомирова («Почему я перестал быть революционером»). Ответного открытого признания в том, что долгое время взгляды Тихомирова замалчивались, от эмигрантов, как известно, не последовало. Вместо честной полемики в революционных кругах получили ход версии о сумасшествии Тихомирова или его политической ничтожности («никогда не был революционером»). Зачастую первой версии придерживались те, кто в той или иной степени уважал нравственность и честность Тихомирова, второй – те, кто изначально завидовал его положению в партии.

7. Приход Л.А. Тихомирова к вере в эмигрантский период связан с его личной жизнью и влияния на развитие социально-политических взглядов в этот период практически не оказывал. Религиозность Тихомирова не носила в этот период какой-либо идейный характер: говорить о сложившемся в этот

период православном мировоззрении Тихомирова невозможно точно так же, как и говорить о какой-либо целостной монархической доктрине. Выведение новых политических взглядов Тихомирова из религиозного мировоззрения представляется необоснованным.

Степень изученности темы. Не смотря на то, что первая литература о Тихомирове в виде публицистики и мемуаров появилась уже непосредственно в момент его эволюции, мы не вносим её в историографию, поскольку, на наш взгляд, большинство этих произведений ставили перед собой не исследовательские, а оценочные задачи. Воспоминания и статьи людей, близко знавших Льва Александровича, мы рассматриваем в обзоре источников. Поэтому первый период тихомировской историографии, на наш взгляд, правильней связывать с работами историков-марксистов 30-х гг. XX в. (таких как В.И. Невский³, Е.А. Мороховец⁴, Н.А. Бухбиндер⁵, С.Н. Валк⁶, Б.И. Николаевский⁷). Эволюция взглядов Тихомирова рассматривается данными исследователями в контексте перспектив развития «Народной воли». В поле зрения данных историков попадала деятельность Тихомирова в 1880-е гг. Оценивая эволюцию Тихомирова вправо, историки вслед за Плехановым и другими членами группы «Освобождения труда» (П.Б. Аксельродом, Л.Г. Дейчем, В.И. Засулич) указывали на идейную близость народовольцев и либералов. В данной интерпретации взгляды Тихомирова, вполне закономерно приняли консервативный характер.

---

³ Невский В.И. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930.

⁴ Мороховец Е.А. Рецензия на книгу «Воспоминания Л.Тихомирова» // Историк-марксист. 1927. Т. 9. С. 281-283.

⁵ Бухбиндер Н.А. Из жизни Тихомирова (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. М., 1928. № 12.

⁶ Валк С.Н. Рецензия на книгу «Воспоминания Л. Тихомирова» // Пролетарская революция. 1927. Кн. 8/9. С. 429-434.

⁷ Николаевский Б.И. О «Воспоминаниях Л.Тихомирова» // Каторга и ссылка. М., 1928. № 1. С. 174-178.

В отечественной историографии (конец 1950-х – начало 1980-х гг.) после длительного перерыва начинается активное изучение революционной эпохи 1870-1880-х гг. Отдельно эволюция Тихомирова как феномен революционного движения не рассматривалась, однако изучался первый период его деятельности в контексте изучения развития «Народной воли» в целом. При этом, в работах М.Г. Седого⁸, В.А. Твардовской⁹, Н.А. Троицкого¹⁰ взгляды Тихомирова рассматривались как оформление идей А.Д. Михайлова и А.И. Желябова. В частности, В.А. Твардовская утверждает, что Тихомиров занял особое место в революционном издании, «потому что сам никаких ярко выраженных убеждений не имел», но умел «уловить главенствующую точку зрения в революционной среде»¹¹.

Специальное изучение жизни и мировоззрения Тихомирова началось лишь с середины 1980-х гг. В 1987 г. историк В.Н. Костылёв защитил кандидатскую диссертацию «Лев Тихомиров на службе царизма». Впервые было замечено, что наследие Тихомирова незаслуженно забыто в СССР, между тем, как труды Тихомирова позволяют говорить о нём, «как о едва ли не самом крупном (после Каткова) публицисте и идеологе самодержавия»¹². Исследование Костылёва ограничено периодом конца. 80-х XIX в.– 1914 гг. Среди причины эволюции Тихомирова Костылёв выделяет как общую социально-политическую обстановку конца 1880-х гг., так и особенности склада характера самого Льва Александровича. При этом оценка деятельности Тихомирова в монархическом лагере в данном исследовании достаточно схематична и страдает некоторой предвзятостью. В то же время можно согласиться с исследователем С.В. Чесноковым, не без основания

---

⁸ Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.

⁹ Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983.

¹⁰ Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882 гг. М., 1978; *его же*, Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895 гг. М., 1979; *его же*, «Народная воля» перед царским судом (1880-1894). М., 1883; *его же*, Первые из блестящей плеяды. Саратов, 1991.

¹¹ Твардовская В.А. Ук. соч. С. 97.

¹² Костылёв В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 1986. С. 2.

полагавшим, что Костылёв ставил перед собой задачу воссоздать «ленинский подход» в оценке эволюции Тихомирова, «что было обосновано, поскольку в полном собрании сочинений Ленина имеется всего одно, притом не существенное упоминание имени Тихомирова (хотя присутствуют также и анонимные упоминания в газете «Искра»)¹³.

Таким образом, в советскую эпоху внимание к жизни и деятельности Тихомирова было достаточно скудным. В 1990-е гг. интерес к личности Льва Тихомирова, напротив, весьма возрос. Большинство работ о Тихомирове носило общий ознакомительный характер¹⁴. Вместе с тем, достаточно подробный анализ причин отхода Тихомирова от революционного движения проделан в работе Г.С. Кана. На наш взгляд, Г.С. Кан вполне обоснованно допускает, что «человек замкнутый, никого к своей душе близко не подпускавший, Л.А. Тихомиров не мог быть в полной мере глубоко понят кем-либо из окружающих его людей». «На некоторых же мемуаристов, - продолжает исследователь, - переход Л.А. Тихомирова от народовольческих взглядов к монархическим произвёл столь неблагоприятное впечатление, что они вообще потеряли способность сколько-нибудь объективно судить о его личности». Достаточно высоко оценивая творческий потенциал Тихомирова, в то же время автор считает, что «славянофильское почвенничество» было воспринято последним «весьма догматично и схематично и сковывало его творческие устремления»¹⁵. К слову сказать, «догматизм», на который указывает Кан, имеет глубокие корни, уходящие в революционное прошлое. Так, например, народовец Я. Стефанович указывает, что «никто не

---

¹³ Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре. Автореф. дис. ... к. и. н. Нижний Новгород, 2005. С. 5.

¹⁴ Напр.: Исаев И.А. Превращения монархической идеи // Родина. 1993. № 1. С. 14-19; Парамонов Б.О. О ненужности покаяния // Звезда. 1994. № 2. С. 199-206; Белов В. Незамеченная книга // Наш современник. 1997. № 1. С. 192-195.

¹⁵ Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 108, 114.

относился с такой болезненной подозрительностью ко всяким новшествам, посягавшим на эти традиции, как Лев Тихомиров»¹⁶.

В 1990-е гг. получила развитие и «апологетическая» линия в исследовании творчества Тихомирова. В нем, прошедшем путь «от семейной религиозности – к безверию и революции – к политическому монархизму и патриотизму – и, наконец, к странничеству на земле, к Царству не от мира сего» зачастую даже видят «зеркало русской революции»¹⁷. Определяющая роль в эволюции Тихомирова нередко отводится религиозному аспекту. «Л.А. Тихомиров был прежде всего христианским и православным мыслителем, что очень важно для понимания его системы взглядов на государство и Верховную Власть», – пишет исследователь М.Б. Смолин¹⁸. Однако с такой слишком обобщающей характеристикой мы не поймём ни личных особенностей человека, ни той эпохи, в которую он жил. В среде апологетов Тихомирова большое внимание, как правило, уделяется не истории эволюции его взглядов, а самой монархической доктрине, в которой пытаются увидеть ключ к разрешению наиболее острых современных российских проблем. Тихомирова видят основателем «действительно самобытной, вдохновляемой научными целями, а не политико-идеологическими интенциями государственно-правовой науки»¹⁹. В данном представлении Тихомиров предстает как учёный, нетитулованный академик в области права, политологии и истории, а не идеолог и политический деятель. Уместным в данном случае представляется замечание историка С.В. Чеснокова: «В 1990–е ... появилось новое искушение – «канонизировать» Тихомирова. Наиболее ярко подобные попытки видны в традиции издания трудов Л.А. Тихомирова М.Б. Смолиным. Однако, другие исследователи, такие как С.М. Сергеев и

---

¹⁶ Стефанович Я.В. Дневник карийца. СПб., 1906. С. 58.

¹⁷ Карпец В.И. Зеркало русской революции // Путь. 1994. № 1.

¹⁸ Смолин М.Б. От Бога все его труды. Вступ. ст. // Лев Тихомиров. Тени прошлого. М., 2000. С. 9.

¹⁹ Верещагин В.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. Ростов-на-Дону, 2003. С. 3.

С.В. Фомин, считают, что не стоит делать из Л.А. Тихомирова нового Маркса, тем более, что излишне идеализированный образ Тихомирова-монархиста способен обернуться прямой противоположностью...»²⁰.

Целостную картину религиозной эволюции Тихомирова попытался дать исследователь М.В. Шерстюк. Проанализировав жизнь и творчество Тихомирова, автор делает вывод о том, что «все его [Тихомирова – Ф.П.] государственно-монархические идеи, нашедшие наиболее полное выражение в «Монархической государственности», базировались на философской основе, краеугольным камнем которой было православие»²¹. Однако даже сам Тихомиров начинает свою основную книгу о монархии не с основ веры, а с психологических основ власти и общества, почерпнутых им ещё в эмигрантский период у французской органической школы. Для Тихомирова, на наш взгляд, была очень важна рациональная (естественная) основа власти, нежели её «надмирная», иррациональная составляющая.

Независимо от того, как указанные авторы отнеслись к монархическому периоду деятельности Тихомирова, они основывались на тезисе о его принципиальном идейном отличии от периода революционного. Однако в историографии существует и иная точка зрения. Особого внимания заслуживает статья А.В. Ремнева, содержащая анализ мировоззренческих установок Льва Тихомирова. Исследователь указывает на «целый ряд народнических положений», которые Тихомиров «после некоторой трансформации, придав им консервативно-религиозную окраску, ... перенёс в свою монархическую теорию»²². Среди этих положений у Ремнёва можно выделить два: 1) вера народников в «общественный идеал» была заменена Тихомировым новой верой; 2) надежды на общину как ячейку будущего

---

²⁰ Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре конца XIX – XX в. Автореф. дис. ... к.и.н. Нижний Новгород, 2005. С. 17.

²¹ Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2010. С. 33.

²² Ремнев А.В. Крестный путь Тихомирова // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 118.

общества Тихомировым были преобразованы в учение о сословно-корпоративном устройстве монархической государственности²³. Не смотря на справедливость основных выводов автора, всё-таки эта статья носит больше обзорный характер и многие факторы жизни Льва Александровича в этой работе не исследовались или рассматривались достаточно сжато (например, его активное участие в делах «Народной воли» с 1882 по 1884 гг.).

Более развёрнутый анализ предпосылок эволюции Тихомирова проводит в своей диссертации исследователь С.В. Чесноков¹. Если, в частности, М.Б. Смолин считает Тихомирова-монархиста «духовным наследником» Н.Я. Данилевского, И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, К.Н. Леонтьева²⁴, то историк С.В. Чесноков исходит из противоположной посылки: Тихомиров – наследник не консервативной, а революционной мысли. Обращая внимание, на одну из последних книг Тихомирова «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира», историк отмечает: «Такую книгу никогда бы не смог написать не революционер, ибо именно интерес к апокалипсису крайне характерен для любого утопического, хилиастического учения. Революция собственно и есть профанированный, «проигранный» Апокалипсис («Се творю все новое!», «последние станут первыми» и пр.), а соответственно революционер и, в особенности, террорист будет самым последовательным проводником возрожденских принципов антропоцентризма и человеческой автономии – узурпируя право Верховной власти судить и карать»²⁵. В Тихомирове Чесноков видит даже не «революционера-монархиста», подобно эмигрантскому исследователю В.А.

---

²³ Там же. С. 119.

²⁴ Смолин М.Б. Ук. соч. С. 10.

²⁵ Чесноков С.В. Около Тихомирова. Нижний Новгород, 1998. С. 9.

Маевскому²⁶, а «монархиста от народной воли» («Солоневича до Солоневича»)²⁷.

Исследователь А.Р. Ефименко провёл анализ влияния, оказанного Ж.-Ж. Руссо на развитие нового мировоззрения Тихомирова. Именно в учении об общественном договоре автор справедливо видит ключ к разгадке эволюции Тихомирова от «Народной Воли» к «монархизму». Наиболее важный аспект, указывающий на преемственность идей Тихомирова-революционера и монархиста, заключен, по мнению Ефименко, в вопросе участия нации в политическом действии. И именно в этом отношении доктрина Руссо очень пригодилась Тихомирову: «Для правильного существования Верховной власти, для её гармоничного взаимодействия с правительством и народом необходимо участие нации в суверене, нужно проявление «общей воли». «В обязательном соглашении всех ... заключается роль Верховной Власти, *Souverain*, его «всенародного духа» (или как Руссо выражается «воли»), который один умеет понять общенациональный интерес», - отмечает исследователь. Ефименко также выделяет ряд других базовых закономерностей концепции монархической государственности, заимствованных Тихомировым у Руссо: 1) «идея о существовании прямой связи между наилучшим типом правления и размерами государства»; 2) разделение *Souverain* (Верховная Власть) и *Gouvernement* (исполнительная власть), их атрибутов и роли; 3) идея суверена как «коллективного существа»; 4) сосредоточенность на абсолютном (идеальном) праве; 5) критика принципа партийности, подменяющего понятие об «общей воле» «волей всех»²⁸.

---

²⁶ Маевский В.А. Революционер-монархист. Памяти Л. Тихомирова. Белград – Нови-Сад, 1934.

²⁷ Чесноков С.В. Около Тихомирова. Нижний Новгород, 1998. С. 23.

²⁸ Ефименко А.Р. Учение Ж.-Ж. Руссо в философско-государственной концепции Л.А. Тихомирова // Историко-философская персоналия: методологические аспекты. М., 1999. С. 11, 16.

Эволюция Тихомирова-монархиста в свете его социалистического прошлого рассматривалась в статьях А.В. Репникова²⁹. Особое место в историографии занимает книга А.В. Репникова и О.А. Милевского³⁰, вышедшая в 2011 г. Впервые была предпринята попытка написания целостной исторической биографии Льва Александровича. При этом авторам удалось показать эволюцию мировоззрения Тихомирова в контексте важнейших событий эпохи. Другим достоинством книги является беспристрастность авторов к жизненным поворотам данного политического деятеля. Исследование основано на внушительном количестве исторических источников, как опубликованных, так и архивных, фактурно представлены порой крайне противоречивые оценки – как исторических свидетелей, так и последующих исследователей. В то же время целый ряд мнений авторов представляется достаточно спорным. Так подчас приводятся мнения мемуаристов порой без должной критической оценки и учёта всех возможных субъективных факторов, которые могли оказывать на них свое влияние. Весьма спорным представляется вывод о трусости Тихомирова³¹, руководившей его поступками. Как показано в самом исследовании, Тихомиров, в отличие от большинства своих товарищей, был человеком рефлексивным: его сомнения в тех или иных предприятиях часто воспринимались окружающими как малодушие. Однако, в то же время он был человеком идеи, и в тот момент, когда он был уверен в своих взглядах, он готов был терпеть любые испытания, чтобы воплотить их в жизнь³².

---

²⁹ Репников А.В. Оценка социалистической перспективы в работах Л.А. Тихомирова // Общественная мысль и политические деятели России XIX и XX веков. Материалы конференции. 16-17 апреля 1996 г. Смоленск, 1996. С. 37-39; *его же*, Л.А. Тихомиров о «заслугах и ошибках социализма» // Провинция России: тенденции, факторы и перспективы социокультурной динамики. Материалы круглого стола «Регионы России» III Международной Кодратьевской конференции. М. – Кострома, 1998. С. 131-133; *его же*, Лев Тихомиров о социализме // Подмосковная правда. 1999. № 1. С. 3.

³⁰ Милевский О.А., Репников А.В. Две жизни Тихомирова. М., 2011.

³¹ Там же. С. 180.

³² Достаточно лишь указать на то, что этот человек нашёл в себе личное мужество признать то, что он ошибался большую часть жизни и совершил большое количество преступлений перед совестью, за что был готов понести серьёзное наказание, о чём

Сомнительным также представляется вывод авторов о скарденности и некотором корыстолюбии Тихомирова: как отмечают сами авторы, в момент, когда Тихомиров перестаёт верить в возможность изменения правительственной политики, он оставляет доходное место главного редактора «Московских ведомостей». Постоянное акцентирование авторов на особенностях характера героя (в частности его непомерной амбициозности³³) представляется следствием недостаточно критического восприятия оценок, данных мемуаристами – бывшими соратниками Тихомирова: многие эти «особенности», в действительности являются характерными чертами целого поколения интеллигенции тех лет, а не индивидуальными чертами Тихомирова. В целом же работа представляет собой серьёзное подспорье для углублённого изучения различных сторон жизни Тихомирова.

В 1930-ые гг. интерес к творчеству Тихомирова обозначился в эмигрантских кругах. Интерес вызывала, прежде всего, монархическая доктрина Льва Александровича. В.А. Маевский указывал на близость идей Тихомирова фашистской теории и даже называл его «отцом русского фашизма»³⁴.

Фигура Тихомирова привлекала и зарубежных историков – как на западе, так и на востоке. Американский историк Кирил Тидмарш считал, что «идеи политического насилия и тоталитаризма» свойственны как публицистике Тихомирова в «Вестнике Народной воли», так и его статьям в

свидетельствует запись в его дневнике за 24 октября 1888 г.: «Если государь не считает возможным меня простить, - ipso facto он считает меня подлежащим наказанию. Признавая себя подданным, я не могу не подчиниться воле царя. Остаётся, значит, лишь отдаться в руки русской администрации: явиться в Россию и – пусть арестуют. Но что делать с семьёй? Я полагаю, попрошу для них позволения возвратиться в Россию, и тогда пусть Катя с Сашей едут к матери, а я отдаюсь в руки консульства» (Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 313).

³³ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Тихомирова. М., 2011. С. 192.

³⁴ См.: Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма. Автореф. дис. ... к. и. н. М., 1986. С. 7.

«Московских ведомостях», откуда делался вывод о близости Тихомирова к фашистским идеям³⁵. В поле зрения Тидмарша, однако, попали только политические и государственные идеи Льва Александровича. В 1974 г. американский исследователь Фон Дюан Хардести защитил диссертацию «Лев А. Тихомиров и автократический принцип: исследование его консервативной философии»³⁶. В работе главным образом исследуется книга Тихомирова «Монархическая Государственность» и взгляды Тихомирова с начала 90-х гг. XIX в. по 1912 г.

Первым исследованием, посвящённым анализу мировоззрения позднего Тихомирова, стала работа японского историка Харуки Вада³⁷. В 1986 г. вышла его статья «Lev Tikhomirov: His Thought in his years, 1913-1923». На русском языке статья была опубликована в 1999 г. Автор анализирует эволюцию Тихомирова в последние годы его работы в «Московских ведомостях» и после выхода в отставку в 1914 г. На основании дневниковых записей Тихомирова историк приходит к выводу о том, что «Тихомиров на самом деле положительно воспринял крах российского абсолютизма и победу Февральской революции». Во всех «эволюциях» Тихомирова Вада видит «единое убеждение в том, что лишь сильная власть спасёт Россию»³⁸. Несмотря на то, что автор явно пренебрегает религиозными аспектами в мировоззрении Тихомирова и преувеличивает постулирование значения сильной власти в его взглядах (например, даже делает вывод о том, что Лев Александрович считал возможным для спасения России убийство Николая II), в выводах историка есть большая доля истины.

---

³⁵ Tidmarch K. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // Russian Review. Vol. 20. 1961. № 1. P. 49.

³⁶ Hardesty Von Duane. Lev J. Tikhomirov and the Autocratie Principle: A Study of His Conservative Thoughts. Ph. D. Dissertation. Ohio State University. 1974.

³⁷ Wada H. Lev Tikhomirov: His Thought in his years, 1913 - 1923 // Annals of the Institute of Social Science. University of Tokyo. 1986. № 28.

³⁸ Вада Харуки. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913-1923) // Россия как проблема всемирной истории. М., 1999. С. 137, 139, 157.

В целом, в литературе, посвящённой Льву Тихомирову, акценты исследователей сводятся к оценке его идейного наследия и политической деятельности. Поэтому среди исследователей есть как ярко выраженные апологеты, так и достаточно страстные критики. Напротив, в монографии А.В. Репникова и О.А. Милевского была предпринята попытка представить Тихомирова как целостную личность, формирующаяся в определённом историческом контексте. Однако, несмотря на фундаментальность данного исследования, образ Тихомирова вышел достаточно эклектичным, есть существенные несостыковки в оценках тех или иных сторон жизни героя (личной и политической, семейной и религиозной), из-за чего возникает ощущение некоторой несогласованности различных этапов его эволюции. Вместе с тем, чтобы показать Тихомирова как целостную историческую личность, необходим именно синтез различных сторон жизни этого человека.

Источники по теме. Источники, проливающие свет на развитие взглядов Л.А. Тихомирова в эмигрантский период, представлены пятью группами: 1) личными дневниками Тихомирова; 2) его воспоминаниями; 3) личными письмами; 4) публицистикой; 5) мемуарами его современников, письмами и публикациями его соратников.

Главное содержание архива Тихомирова, хранящегося в его личном фонде в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 634), составляют двадцать семь тетрадей *личного дневника*, охватывающих время от 1870-х гг. до октября 1917 г. Впервые дневниковые записи за 1883-1895 гг. были опубликованы в книге «Воспоминания Льва Тихомирова». В 1930-х гг. в «Красном Архиве» выходили дневники Тихомирова за 1904-1912 гг.³⁹. Однако, нужно учитывать, что данные публикации были выполнены с

---

³⁹ 25 лет назад (Из дневника Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 1-5; Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6; Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1935. Т. 5-6; Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1-2.

сокращениями. Публикация дневников Л.А. Тихомирова продолжилась в 2000-ые гг.

Дневник Лев Александрович начал вести в августе 1883 г. Наиболее важным источником для исследования настоящей темы являются записи первой тетради дневника. «Дневник № 1» охватывает период с августа 1883 по 21 января 1889 г. Это заграничный период жизни, время постепенного отхода Тихомирова от революционной идеологии, подачи прошения царю и возвращения в Россию после амнистии. Жизнь Тихомирова в начале этого периода была все еще тесно связана с «Народной Волей». Партия переживала кризис, который совпал с личным кризисом Льва Александровича. На страницы дневника автор заносит сведения как об удачах и неудачах «Народной Воли», так и о состоянии быта своей семьи, денежных проблемах и своих духовных переживаниях. В этом дневнике отражены самые трудные моменты в жизни Тихомирова.

Мемуарное наследие Л.А. Тихомирова отличается многообразием. «Воспоминания» писались значительно позднее описываемых событий – в 1894-1896 гг., притом Тихомировым-монархистом. Эти записи рассеяны в тетрадях № 24, 25, 26 и 27.

Мемуары Тихомирова начали публиковаться уже в советский период. Отдельной книгой вышел очерк «Плеханов и его друзья»⁴⁰. Воспоминания Тихомирова публиковались в журналах «Красный Архив», «Каторга и ссылка»⁴¹. В своих мемуарах автор, с одной стороны, старается спасти от забвения память своих бывших соратников, многие из которых к тому времени покинули земную жизнь и к которым у него сохранились добрые чувства. С другой – Тихомиров пытается понять и осмыслить свой собственный путь и эволюцию своих взглядов. Воспоминания Тихомирова

---

⁴⁰ Тихомиров Л.А. Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. М., 1925

⁴¹ Из архива Л.Тихомирова // Красный Архив. 1924. Т. 6; Тихомиров Л. Тени прошлого. Степан Халтурин // Каторга и ссылка. 1926. № 4; Воспоминания Льва Тихомирова. М.-Л., 1927; Неизданные записки Л.Тихомирова // Красный Архив. 1928. Т. 4

пропитаны чувством сожаления о людях, обладавших большими талантами, но ошибившихся в пути их реализации.

Отдельная мемуарная рукопись, известная как «Тени прошлого», написана Тихомировым на склоне лет в 1918 г. в Сергиевом Посаде. В повествовании события семейной жизни чередуются с сюжетами о русских и зарубежных общественных деятелях. Здесь представлены характеристики революционеров А.Д. Михайлова, С.Л. Перовской, С.Н. Халтурина, Г.В. Плеханова, «тени прошлого» революционной и консервативной Франции, причём интересно то, что в этом важном источнике характеристики окружения Тихомирова уже более мягкие и доброжелательные.

К мемуарным источникам можно отнести и произведение «Заговорщики и полиция»⁴², написанное Тихомировым в 1887 г. в Женеве – уже после того, как Тихомиров заявил о своём официальном выходе из партии «Народная Воля». Книга была написана на основании партийных архивов и личных воспоминаний. Помимо общего изложения событийной канвы из жизни революционеров в произведении уже заметно разочарование автора в силах русских революционеров, а также присутствует указание на необходимость реформирования их идейных установок.

Важным источником, отражающим внутренний мир Тихомирова, являются его *письма* к С.М. Кравчинскому⁴³, Г.А. Лопатину⁴⁴, О.А. Новиковой⁴⁵, Е.Н. Оловенниковой⁴⁶, В.К. Плеве, И.В. Толстому⁴⁷, Чайковскому⁴⁸.

---

⁴² Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция. М., 1930.

⁴³ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1158. Оп. 1. Д. 451. Л. 4.

⁴⁴ Сухомлин В.И. Из эпохи упадка «Народной воли» // Каторга и ссылка. М., 1926. № 7/8. С. 97.

⁴⁵ Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 107-109; РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746.

⁴⁶ Архив П.Л. Лаврова. Бостон, 1974. Т. 2.

⁴⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003.

⁴⁸ Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. С. 378.

Публицистика Льва Тихомирова за 1880-е гг. содержится в газетах «Народная Воля», «Вестник Народной Воли», «Дело», «Московские ведомости».

Сравнивая степень объективности данных источников, можно отметить следующее. С одной стороны, дневники содержат внутренние переживания и сомнения в отношении тех принципов, которые в тот или иной период своей жизни защищал Лев Тихомиров. Его отношение к революционным идеям, «Народной воле», а потом к монархической идее и консервативным деятелям было более сложным, нежели декларировалось в публицистических статьях, написанных в тот же период времени. В то же время нельзя сказать, что эти два вида источников (публицистика и дневники) сильно разобщены. Анализ источников не вызывает сомнений, что идейная честность является краеугольным камнем как для публицистики, так и для дневников Тихомирова. Скорее всего, он, как человек рассудительный и очень осторожный, старался максимально проверить свои идеи прежде, чем делать окончательные выводы. Мемуарные источники и письма Тихомирова также пропитаны основными мировоззренческими позициями автора. С точки зрения анализа основных идей Тихомирова это сильно сближает мемуары и переписку с его публицистикой. Эта идейная перекличка дневников, мемуаров и публицистики даёт возможность проследить развитие взглядов Тихомирова на свою миссию в качестве общественного деятеля сначала в контексте народничества и позже – монархической теории.

Источниками, отражающими восприятие идей Тихомирова окружением, являются *мемуары его современников, письма и публикации его соратников*. Среди них нужно выделить публикации и открытые письма П.Л. Лаврова⁴⁹, Г.В. Плеханова, С.Н. Рusanова⁵⁰, Э.А. Серебрякова⁵¹, безымянные

---

⁴⁹ По поводу одного предисловия. Париж, 1888. См. также: Лавров П.Л. Письмо товарищам в Россию. Женева, 1888.

⁵⁰ Рusanов Н.С. Революция или эволюция? Париж, 1888.

публикации в «Русском вестнике»⁵², воспоминания А.Н. Баха⁵³, Д. Кузьмина (Е.Е. Колосова)⁵⁴, О.С. Любатович⁵⁵, Н.А. Морозова⁵⁶, С.Н. Русанова⁵⁷, Я.В. Стефановича⁵⁸, В.И. Сухомлина⁵⁹, В.Н. Фигнер⁶⁰, письма В.И. Засулич⁶¹, А.П. Прибылевой-Корбы⁶², П.И. Рачковского⁶³, А.Ф. Филиппова⁶⁴.

В целом, источниковая база позволяет решить сформулированные в исследовании задачи.

Практическая значимость исследования. Изучение трудов и жизни Льва Тихомирова в эмигрантский период вносит вклад в понимание идейной эволюции этой значимой личности, а также является частью исследования более широкой тематики, рассматривающего проблемы и особенности развития общественно-политической мысли России на рубеже XIX-XX веков. Основные выводы исследования могут быть использованы при подготовке общих и специальных учебных курсов по истории России XIX – начала XX вв.

Структура работы. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

---

⁵¹ Серебряков Э.А. Открытое письмо Льву Тихомирову (автору «Почему я перестал быть революционером»). Женева, 1888.

⁵² Русский вестник. 1888. № 9, 11.

⁵³ Бах А.Н. Записки народовольца. М.-Л., 1929.

⁵⁴ Кузьмин Д. (Колосов Е.Е.) Народовольческая журналистика. М., 1930.

⁵⁵ Любатович О.С. Далёкое и недавнее. М, 1930.

⁵⁶ Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1961.

⁵⁷ Русанов С.Н. В эмиграции. М., 1929.

⁵⁸ Стефанович Я.В. Дневник карийца. СПб., 1906.

⁵⁹ Сухомлин В.И. Из эпохи упадка «Народной воли» // Каторга и ссылка. М., 1926. № 7/8.

⁶⁰ Фигнер В.Н. Запечатленный труд М., 1964; См. также: Фигнер В.Н. По поводу записок Л. Тихомирова // Лев Тихомиров Воспоминания. М., 2003.

⁶¹ Группа «Освобождение труда». Вып. 1. М., 1923, С. 206.

⁶² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 104об.

⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69. Лл. 15-16.

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 797. Л. 1об.

Глава 1. Вехи политической биографии Тихомирова в эмигрантский период

§ 1. Попытки возрождения партии (1881-1883).

Даже будучи членом Исполнительного комитета партии «Народная воля», Тихомиров, прежде всего, оставался человеком рефлексии. И надо сказать именно это качество сделало его одним из основных идеологов партии. В разработке программы он не просто выражал тенденции времени и стремления современников, он был занят критическим анализом всего происходящего, в том числе критикой отдельных направлений деятельности своих соратников по партии, которые он сам отчасти и порождал. В этом, на наш взгляд, состоит частичное объяснение сотрудничества Тихомирова в легальной демократической публицистике. В 1881 г. Тихомиров начинает сотрудничество с журналом «Дело», чему удивлялись его соратники по партии такие, как например, Русанов, отметивший: «Главным образом поражало, что Тихомиров писал в «Деле»... где выдвигалась не узко якобинская, а широко-общественная точка зрения. И я не мог путём свести воедино взгляды сотрудника «Дела» И. Кольцова (Л.Тихомирова) и взгляды одного из руководителей «Народной воли»⁶⁵. На страницах этого демократического издания, под псевдонимом С.Кольцова Тихомиров выступал в течение 1881 г.

Позже (в 1906 г.) Лев Александрович напишет в письме Бурцеву: «Когда я хочу увидеть, в чём разница между мной и товарищами, то я постоянно убеждаюсь: не во мнениях, не в идеалах (менее всего), не даже в способах действия, а в том, что я давно стал жить с людьми вообще. В течение жизни всё более вставал на общечеловеческую почву, а они,

---

⁶⁵ Цит. по: Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Тихомирова. М., 2011. С. 126.

товарищи, замыкались в свой кружок, всё более съеживающийся»⁶⁶. Впоследствии Тихомиров так охарактеризует своё состояние в начале 80-х гг.: «Когда-то я приветствовал появление этой партии, я ей отдал все силы. Я тогда еще был революционером, но уже понимал необходимость созидания, без которого не бывает здоровых движений. В новом движении мне чудилось нечто созидательное, элементы которого я старался к нему прививать по мере своего понимания. Так, верой и правдой, по совести и убеждению, прослужил я почти до конца 1880 года. Тут я – и не я один – стал чувствовать, что в этом движении нет творящей силы. 1881 год я пережил весь уже с чисто формальной «верностью знамени»⁶⁷.

Взгляды Тихомирова находились в постоянной динамике. Непрерывную мыслительную работу Тихомирова отмечали многие соратники Тихомирова, неслучайно прозвавшие его в партии «стариком». Сам факт эмиграции в Европу Тихомиров объясняет «желанием написать свои воспоминания о пережитом», т.е. ещё раз проанализировать, проверить правильность своих установок, в которых он начал сомневаться после убийства императора. «Я в это время чувствовал себя в недоумении. Россия здорова – таково было моё впечатление; страна полна жизненной силы – но почему же чахнет революционное движение, это, как говорили мне мои теории, высшее проявление роста страны?»⁶⁸ - вспоминал он о том времени.

И, тем не менее, в конце 1881 г. Тихомиров принимает непосредственное участие в написании известного письма Исполнительного комитета заграничным товарищам. Не смотря на то, что это документ в некотором смысле коллективного творчества, как установила экспертиза, письмо было составлено именно рукой Тихомирова. Анализ письма ИК принципиально важен для понимания мировоззренческих установок

---

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 75. Оп. 1. Д. 32.

⁶⁷ Почему я перестал быть революционером? // Россия и демократия. М., 2007. С. 29.

⁶⁸ Там же.

Тихомирова накануне его бегства сначала по России, а потом за границу. Если, в общем и целом, выделить тезисы письма, то оно отстаивает четыре принципа:

1. **Государственный переворот.** Главной задачей партии указывается государственный переворот. Все остальные аспекты деятельности должны быть направлены на это. Подзадачей в данном отношении выступает построение мощной организации. «Итак, наша цель — государственный переворот. Его нужно сделать. Отсюда вытекает вопрос организационный, самый важный из всех, без которого народовольство — фарс. Ведь смысл нашего существования в захвате власти (нами, повторяю, или чернорабочей массой, это все равно), в перевороте, который может быть только насильственным, а стало быть, требует силы и силы и еще силы. Собираение, развитие, организация активной силы составляют, значит, главнейшую нашу задачу. Этой цели подчиняется у нас все: программа, тактика, все интересы, все вопросы. Все, что мы делаем, делаем только для этого»⁶⁹.

Террору отводится служебное значение в соответствии с официально утверждённой программой партии.

2. **Отрицание федерализма.** В письме декларируется фактическое отрицание федерализма для России в пользу больших государственных союзов. Независимость допускается только для Польши: «Мы, собственно говоря, не федералисты. Нам кажется, что большие государственные союзы выгоднее малых. Чем больше народ, тем он сильнее, независимее, тем удобнее ему самостоятельно развиваться. Сверх того, необходимость правильного госуд[арственного] хозяйства стоит в полном противоречии с существованием слишком мелких госуд[арственных] единиц. Область,

---

⁶⁹ Письмо Исполнительного комитета – заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х годов XIX века (сборник документов и материалов в двух томах, под редакцией С.С. Волка). М.-Л., 1965. Т. 2. С. 316.

составляющая один экономический район, поступила бы очень глупо, разделившись на несколько государств по национальностям. Но с развитием культуры со временем весь земной шар составит один экон[омический] район, и поэтому наши идеалы вовсе не рисуют нам раздробление, напр[имер] России. Тем не менее излишне прибавлять, что определение своей принадлежности к тому или другому государству зависит всецело от самого народа. Принцип "Нар [одной] воли" несовместим с насильственным подавлением национальностей, особенно таких, как напр [имер] Польша, которых историческое прошлое заставляет стремиться к независимости. Итак, мы не препятствуем кому бы то ни было отделяться, но нельзя не заметить, что вопрос этот до такой степени неразре[шим] (кроме Польши), до такой степени сочиненный, что и говорить о нем не стоит в сущности»⁷⁰.

3. **Централизм.** Принципиально отстаивается централизм, т.е. выборы в партию сверху: «Централизация, дисциплина, выборы сверху (т. е. пополнение группы высшего порядка членами группы низшего порядка путем выбора первого, а не последнего) — вот основы нашей организации»⁷¹.

4. **Государственность.** Утверждается основополагающая роль государственной власти в проведении государственного переворота и социально-экономических реформ: «Мы по убеждениям и суждениям государственники, то есть признаём за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность. Это сила, а потому она должна быть умно организована. Поэтому мы обращаем на неё такое внимание, как на организацию экономических отношений. Революция совершится только тогда, когда власть будет в хороших руках, посему мы стремимся захватить её, так

---

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

как народ пока раб тысячи условий и всё равно её не удержит. Если бы государственный переворот дал нам власть, то мы бы её не выпустили, пока не поставили народ прочно на ноги»⁷².

После анализа этого письма ИК становится понятно, что имел в виду Тихомиров, когда в 1888 г. в Прошении о помиловании, ссылаясь на свой «национализм» и свои «убеждения в необходимости твёрдой власти»⁷³ в 1881 г.

Зимой 1882 г. Тихомиров, обеспокоенный постоянной слезжкой, решил «спасаться бегством в глубине России» и отправился вместе с женой в Казань через Нижний Новгород. Уединённое пребывание в Казани вдали от революционной деятельности «дало толчок множеству дум», которые «требовали решения». Здесь, по словам Тихомирова, созрело решение ехать за границу, чтобы «пересмотреть всё, чему веровал»⁷⁴.

Последней статьёй, отправленной в «Дело» перед отъездом за границу, стала его работа «Общественность в природе», которую сам Тихомиров считал одной из лучших⁷⁵. Не случайно многие мысли из этой работы были впоследствии использованы в книге «Монархическая государственность». В своей статье Тихомиров исследует основы человеческого общества. В противовес органической теории Спенсера Тихомиров утверждает, что «каждая попытка приложить к обществу биологический способ организации погибает измором, т.е. ведёт общество к разложению, слабости и смерти». Тихомиров развивает представление о том, что «личность, и только одна личность лежит в основе общества», и именно поэтому члены общества «по природе равны между собой». Именно поэтому «сила общества тесно связана с силой личности, в нашем человеческом смысле, и перед всякой попыткой

---

⁷² Там же. С. 320-321.

⁷³ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С.302.

⁷⁴ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 309.

⁷⁵ Две жизни Тихомирова. Репников А.В., Милевский О.А. М., 2011. С. 126.

совместной жизни становится задача; выработать такой тип организации, в основе которого волей неволей должно лежать развитие личности»⁷⁶.

Анализируя статью, нетрудно заметить использование Тихомировым отдельных её положений для обоснования своей теории эволюционного развития общества, окончательное оформление которой произошло лишь в 1888 г. Выводы статьи во многом нашли воплощение и в личной позиции автора, развиваемой в эмигрантский период. Необходимость развития самостоятельной личности, причём даже тогда, когда это противостоит партийной программе – это один из тезисов, который Тихомиров отстаивал перед бывшими соратниками в 1888 г.

Итак, покидая дорогое Отечество, Тихомиров имел достаточно определённые взгляды, которые надеялся развивать и дальше в условиях, как он легковерно рассчитывал, более способствующих интеллектуальному и нравственному развитию. В общем и целом, его мировоззрение накануне отъезда можно определить следующим образом:

1. Он был явным государственнымником, полагая, что только сильная государственная власть способна к реформам. Осуществление этой власти должно было произойти путём революционного государственного переворота, как только у партии хватит на это сил. Террор играет роль лишь подчинённую в зависимости от того, насколько он эффективен для осуществления государственного переворота.

2. Придерживался унитарных взглядов в отношении России и её народов, считая, что только большие народы способны самостоятельно развиваться. Малые народы должны объединяться под эгидой больших государственных союзов.

---

⁷⁶ Кольцов И. Общественность в природе // Дело. 1882. № 12. С. 65, 66, 67, 69.

3. Отрицал принцип выборности снизу вверх, *но только в партии, а не в государстве в целом*. Свидетельства о том, что Тихомиров отрицал в этот период западные формы демократии, нет. Кроме того, он считал, что окончательное решение о власти должен принять Земской собор.

4. В социальном отношении одной из основных задач Тихомиров видит создание такого строя, в котором именно человеческая личность получит максимальное развитие.

«Это единственная эпоха, когда кружковщина, заедающая вообще всю живую силу в наших quasипартиях, могла меня связать и полонить»⁷⁷, - напишет Тихомиров в своей брошюре «Почему я перестал быть революционером» про период эмиграции.

В августе 1882 г. Тихомиров приезжает в Женеву, тогдашний центр обитания российской эмиграции. Он списывается с руководителем редакции журнала «Дело» Шелгуновым и получает возможность продолжить свою публицистическую деятельность, вынося на публику размышления по общественным и культурным вопросам. Получив тем самым, как казалось, достаточно хороший и постоянный заработок, Тихомиров, однако практически сразу столкнулся с тем, что удалённость от России препятствовала получению материалов. Этим может объясняться такой эпизод в начале 1883 г., как просьба Тихомирова подписываться именем Русанова, чтобы публиковаться в журнале «Нева»⁷⁸. В марте 1883 г. Тихомиров обращается в письме к Оловенниковой: «Пожалуйста, пришлите мне работу. Ей-богу, я теряю жалование. Здесь ни черта нет, и справиться негде... Что за проклятая трущоба эта Женева»⁷⁹.

---

⁷⁷ Почему я перестал быть революционером? // Россия и демократия. М., 2007. С. 30.

⁷⁸ Русанов Н.С. В эмиграции. М., 1929. С.107-108

⁷⁹ Лавров П.Л. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 102.

Именно отсутствие материала для разработки политической тематики подтолкнуло Тихомирова заняться анализом публицистики и литературной критикой. С декабря 1882 по январь 1884 гг. вышло 5 статей Тихомирова:

Кольцов И. Современное положение публицистики // Дело. 1882. №

Кольцов И. Шатанья политической мысли // Дело. 1883. № 3

И.Х. Московская беллетристика // Дело. 1883. № 7.

И.Х. Ренан о евреях // Дело. 1883. №5.

Григорьев К.М. И.С. Тургенев // Дело. 1884. № 1

Сотрудничество же в иностранной прессе было для Тихомирова затруднительно в связи, с одной стороны, со слабым знанием языков, с другой – отсутствием связей и знакомств (впрочем, как и для большинства вновь прибывших эмигрантов). Так, Тихомиров вспоминает, что в его окружении, «серьёзные знакомства были только у Элпидина, Жуковского (Николая Васильевича) и Эльсница»⁸⁰.

Таким образом, возможности легальной деятельности были для Тихомирова достаточно ограниченными. Нужно учитывать, что, кроме того, участие в легальной публицистике не предоставляло Тихомирову и малой доли того политического влияния, к которому он был приучен, являясь членом Исполнительного комитета «Народной воли».

В ноябре 1882 г. через Неонилу Михайловну Салову Тихомиров получил известие о том, что в Париж для свидания с ним приезжает литературный критик Н.Я. Николадзе, имеющий предложение к Исполнительному комитету «Народной воли»⁸¹. Дело состояло в попытке представителей Священной дружины, образованной после цареубийства, а

---

⁸⁰ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 331.

⁸¹ Неизданные записки Л. Тихомирова [Сообщ. В.В. Максаков] // Красный архив. 1928. Т. 4. С. 154.

именно И.В. Воронцова-Дашкова, в преддверии коронации заключить договор с революционерами о прекращении террора в обмен на уступки власти в социальной политике. Тихомирову как представителю Исполнительного комитета предстояло выдвинуть условия, на которых народовольцы согласились бы прекратить террор, тем более, что реальных сил на него у партии уже совершенно не было. Переговоры состоялись в декабре 1882 г. Предварительные условия достигнутого соглашения состояли в целом из двух пунктов:

1. «Немедленное освобождение кого-нибудь одного важного политического преступника»⁸². Тихомиров особенно надеялся на освобождение своего лучшего друга А.Д. Михайлова;

2. «Внесение «влиятельными лицами» какой-либо крупной суммы денег, например миллиона рублей, какому-либо благонадёжному третьему лицу в Париже с тем, чтобы эти деньги возвращались «влиятельным лицам» по исполнению ими обещаний или передавались исполнительному комитету в случае неисполнения обещаний»⁸³.

Переговоры эти ни к чему не привели. В том же декабре 1882 г. предатель Дегаев, выдал полиции всю ничтожность положения партии, после чего ни о каких уступках со стороны правительства не могло идти и речи. Однако, результатом переговоров стало то, что Тихомирову понадобилось «возобновить связи с Россией, чтобы снова найти «революционеров» и иметь возможность влиять на них для исполнения договора». «Положение редактора органа партии было, конечно, самое удобное для того, чтобы знать русские кружки и влиять на них, - вспоминает Тихомиров. - Что «центра» нет или что он нуль, не имеющий влияния, - я это

---

⁸² Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 375.

⁸³ Там же. С. 375.

знал, и поэтому необходимо было самому иметь непосредственное влияние на кружки»⁸⁴.

Следуя логике Тихомирова, отражённой в его воспоминаниях, именно силой этих обстоятельств, он оказался очередной раз втянут в политику партии, не смотря на то, что неоднократно собирался отстраниться от дел⁸⁵. «Немного месяцев суждено мне было пожить соответственно моим предположениям, то есть в отдалении от политической деятельности, - вспоминает Тихомиров. - Обстоятельства сильнее человека, и прошлое налагает на нас такие обязательства, которым мы не в состоянии противиться»⁸⁶. Однако, сила обстоятельств, на которую Тихомиров ссылается в своих воспоминаниях, не определяла, на наш взгляд, главного мотива, влияющего на те или иные решения Тихомирова. Внешние обстоятельства служат лишь декорациями, в которых действует историческая личность, они лишь подчёркивают, служат формой для воплощения внутренних интенций человека.

Глубинные причины нужно искать в мировоззренческих позициях Тихомирова. Много позже, критикуя взгляды революционной интеллигенции, в публицистике и воспоминаниях, Тихомиров пишет об отсутствии у молодёжи самостоятельности мысли, её политической незрелости, неразвитости в целом, с одной стороны, и непомерном самомнении – с другой⁸⁷. Неудивительно, что тоже самомнение и связанное с ним желание «оказывать влияние», оставалось свойственно и Тихомирову, но *ни только как человеку с определённым складом характера* (на чём

---

⁸⁴ Там же. С. 194.

⁸⁵ Напомним, что уже в конце лета 1880 г. Тихомиров добился от товарищей полной отпускной, чтобы вернуться к частной жизни, после этого, однако, участвует в написании нашумевших программных писем от имени ИК Александру III, заграничным товарищам.

⁸⁶ Л.А. Тихомиров Тени прошлого. М., 2000. С. 360.

⁸⁷ Почему я перестал быть революционером? // Россия и демократия. М., 2007. С. 40-41.

заостряют внимание ряд исследователей⁸⁸), а как представителю того класса революционной интеллигенции, который сам Тихомиров подвергал жестокой, но вполне обоснованной критике. Эта духовная (а не только интеллектуальная) принадлежность к революционной интеллигенции во многом объясняет его внутреннее разногласие, состоящее в желании отойти от дел, но при этом всё-таки «оказывать влияние». При этом было очевидно, что единственным средством влияния для Льва Александровича в тот момент времени была только та партия, к действиям которой в последнее время он относился весьма критически.

В эмиграции ещё со времени письма ИК П.Л. Лаврову от 14(26) декабря 1881 г. активно обсуждался вопрос о создании нелегального заграничного печатного органа, который должны были возглавить Лавров и Степняк-Кравчинский⁸⁹. Тихомиров, оказавшись в эмигрантских кругах, тоже проявил интерес к участию в данном органе, о чём свидетельствует его письмо Лаврову от 27 ноября 1882 г.: «Я лично желал бы тоже послужить для этого дела. К несчастью, я не имею до сих пор никакого формального отношения к журналу... Теперь мне не остаётся ничего другого, как просить редакцию дать мне у себя какое-либо место»⁹⁰.

---

⁸⁸ «Во многом началу идейного перерождения Тихомирова способствовал и психологический тип его личности. О чрезвычайно большом самомнении и эгоцентризме Льва Александровича неоднократно упоминалось выше, но на эти особенности накладывалось отсутствие в характере бойцовских качеств и неумение «держать удар». Стремление играть важную историческую роль и возможности соответствовать столь трудной миссии в характере Тихомирова расходились диаметрально. Поэтому был чрезвычайно хорош, когда его окружали действительно неординарные личности, пионеры, не знавшие сомнений, - таковым, например, представляется его народовольческое окружение в России. Вот в такой ситуации он вполне соответствовал высоте положения, чётко и талантливо формулировал в печати идеи «великого ИК» и дополняя их собственными оригинальными мыслями» (Две жизни Тихомирова. Репников А.В., Милевский О.А. М., 2011. С. 192) – нужно отметить, что желание отойти от дел явилось ещё до ареста Михайлова, и даже более того сам Михайлов ещё отговаривал Тихомирова от принятия такого решения, о чём сообщают нам сами авторы монографии.

⁸⁹ Революционное народничество 70-х годов XIX века (сборник документов и материалов в двух томах, под редакцией С.С. Волка). М.-Л., 1965. Т. 2. С. 322.

⁹⁰ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 568. Л. 27.

Участие в «Вестнике Народной воли», который был подконтролен революционной цензуре, о чём, естественно, хорошо знал Тихомиров, было первым нарушением его собственного желания уклониться от дел партии. Каковы причины такого поворота в позиции Тихомирова? Помимо выше указанных осложнений связанных с работой в легальных печатных органах, тому способствовали и внешние обстоятельства, складывавшиеся в 1882 г. «В след за провалом переговоров с Николадзе в Париже, «как нельзя кстати, на революционной сцене вновь появляется народоволец В.Голдовский (В.Йохельсон) с деньгами и идеей издать «Календарь Народной воли», тем самым поставив вопрос о выпуске постоянного печатного органа народовольцев за границей»⁹¹. Как бы то ни было, Тихомиров, одухотворённый идеей восстановить репутацию организации, полностью погрузился в подготовку издания, о чём свидетельствует полицейская справка этого периода: «Л.Тихомиров приложил все свои силы к поднятию совершенно тогда увядшей революционной литературы»⁹².

На первых порах было необходимо определить состав редакции. Процесс этот занял практически 8 месяцев (конец декабря 1882 – август 1883 гг.)! Проблема была в том, что эмиграция того времени представляла собой достаточно разрозненные в идейном отношении группы. Из крупных представителей «Народной воли», имевших при этом опыт редакторской деятельности, был, фактически, только Тихомиров. Соответственно предстояло солидаризироваться с людьми слова, не имеющими отношения к партии. Таких кандидатов было трое: Степняк-Кравчинский, Лавров, Плеханов. При обсуждении проекта печатного органа сразу встал ребром вопрос идейной основе.

Степняк-Кравчинский отказался войти в состав редакции в связи с конфликтом, возникшим в рядах политических эмигрантов по поводу статьи

---

⁹¹ Милевский О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул, 2004. С. 167.

⁹² ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 134. Л. 13.

Драгомонова «Итальянская книга о русских революционерах» в «Вольном слове» (№ 42 от 1 августа 1882 г.), содержащей резкую критику народовольчества. Основная часть эмигрантов объявила бойкот Драгомонову, но Кравчинский в бойкоте не участвовал. На собрании редакции «Вестника» в Женеве, Кравчинскому было поставлено условие, что он может войти в состав редакции только при условии разрыва отношений с Драгомоновым, и Степняк-Кравчинский отказался. Историк Вахрушев полагает, что истинная причина отказа Степняка-Кравчинского состоит в непринятии им централизма народовольцев, и именно в этом он поддерживал Драгомонова⁹³.

С Лавровым, которого Тихомиров позже характеризовал, как «прирождённого синкретиста»⁹⁴ удалось найти общую почву на основе социализма. Тихомирову удалось убедить Петра Лавровича, «что народовольцы тоже социалисты». Позже Тихомиров не без юмора вспоминал о нём: «Для него все были как-то одинаковы: все люди, все мыслят. Но одни служат социализму и прогрессу, а другие – реакции. Первые – это свои, близкие; вторые – враги». Гораздо сложнее вопрос решался с Плехановым, которого непременно хотел привлечь к изданию Лавров. Тихомиров вспоминал, что «Лаврову хотелось если уж примкнуть к народовольчеству, то не одному, а с другими социалистами, то есть с кружком Плеханова»⁹⁵. Однако, если Лавров готов был синтезировать различные взгляды под эгидой социализма, то Плеханов рассчитывал проводить свою линию в редакции «Вестника Народной воли». После переговоров в Женеве, Тихомиров сообщал Лаврову: «Я старался поставить на вид, что народовольчество, как известный фазис развития революционного движения и мысли, имело, несомненно, известные основы и принципы, что, может быть (и с этим я согласен), не вполне выразило собственную формулу, но, что, было бы

---

⁹³ Вахрушев И.С. Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873-1886 годов. Саратов, 1980. С. 189.

⁹⁴ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 383.

⁹⁵ Там же. С. 383, 385.

крайне странно отказывать ему даже в принципах, журнал, конечно, должен развиваться дальше и формулировать эти принципы, потому-то он и должен быть народовольческим. Но всем этим господам не нравится само слово «народовольцы»⁹⁶.

Камнем преткновения стал вопрос о слиянии группы Плеханова и «Народной воли» летом 1883 г., когда приближался срок выхода первого издания «Вестника». Интересно в этом отношении мнение исследователей О.А. Милевского и А.В. Репникова: «Ввиду приближения срока выхода издания фракция Плеханова настаивала на официальном объявлении о слиянии двух групп с изложением принципов нового объединения <...> Получалось, что используя кризисное положение партии, которое к тому времени сомнение не вызывало, но при этом опираясь на огромный авторитет той же «Народной воли» среди русского и европейского революционного движения, а соответственно и на деньги, которые будут даваться под её имя, «плехановцы» смогут через народовольческий орган проводить, по сути, антинародовольческие идеи, да ещё при этом вести внутри фракционную борьбу <...> Поэтому-то на переговорах о слиянии Тихомиров использовал пункт устава «Народной воли», который запрещал приём целой группы. Фракция должна сначала самораспуститься, а уже затем на индивидуальной основе должен был состояться приём в организацию»⁹⁷.

Реакцией на переговоры стало то, что к своей статье «Социализм и политическая борьба», уже допущенной к публикации в «Вестнике Народной воли», Плеханов добавил резко критическое историческое предисловие. Раздосадованный этими событиями, в своём письме Оловенниковой в августе 1883 г. Тихомиров пишет: «В оценке народовольства и мотивов разрыва «Земли и Воли» Жорж прямо клеветает на нас, делает не историю, а повторяет те глупости, которые ещё имели оправдание в порыве ссоры в тот

---

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 568. Л. 24.

⁹⁷ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Тихомирова. М., 2011. С. 153.

момент, но теперь – просто неприличны (напр. Насчёт того, что народовольцы делали всякие уступки либералам, уговаривали рабочих не быть недовольными против своих эксплуататоров и т.д.). И мы всё это будем печатать». Здесь же Тихомиров, жалуется Оловенниковой на тот круг людей в целом, с которыми приходится работать, и на Лаврова в частности: «Хорош П.Л., нечего сказать. Все они тут – больше чем чужие нам, хотя все готовы были преклоняться тогда, когда считали нас силой. Сожалею вообще, что мы всю эту историю затеяли. Своих людей нет, а они, здешние, способны только провалить нас, как провалили себя»⁹⁸.

Завершающим аккордом в конфликте в тоже августе 1883 г. народовольцев и группы Плеханова стала история с письмом Стефановича, адресованным Дейчу, перехваченными народовольцами в России ввиду подозрения его в предательстве. Сначала произошла стычка Дейча с ничего не подозревавшим об этом Тихомировым, который чуть ли не грозился революционным судом и непрозрачно намекал убить Тихомирова⁹⁹. Объявив о своей непричастности к этой истории, Тихомиров в тоже время выступил добровольным посредником. Он постарался максимально сгладить конфликт: взял отсрочку, чтобы разобраться во всём, получил письмо, которое изначально было отправлено Оловенниковой в Париж, и передал его Плеханову. Бурное выяснение отношений произошло с Плехановым в конце августа 1883 г., когда Тихомиров, по просьбе товарищей, просил от последнего расписку в получении письма¹⁰⁰.

Таким образом, Тихомиров, прямо отказывающийся от участия в делах партии, продолжал защищать её честь в глазах оппонентов. В этом эпизоде проявилась выдержка и тактичность Тихомирова, свойственные ему не просто как рядовому члену партии, а её ответственному руководителю,

---

⁹⁸ Лавров П.Л. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 106.

⁹⁹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 197.

¹⁰⁰ Дейч Л.Г. О сближении и разрыве с народовольцами // Пролетарская революция. 1923. № 8. С.50-51.

сохраняющего сдержанность при нападках на себя лично, но проявляющего активность, когда этого требует честь соратников. В дневнике от 25 августа Тихомиров отметит: «Видя их глупость и желая их предохранить от скандала, падающего на их головы, а через это и на всех, - я не сдержался и употребил все старания, чтобы они дали мне срок справиться»¹⁰¹.

Результатом окончательного разрыва отношений с группой Плеханова стало объявление 12 сентября о создании группы «Освобождения труда» и её печатного органа - «Библиотеки современного социализма». Так произошло размежевание группы Тихомирова (в которую входила Оловенникова и Лавров) и группы Плеханова. Временный союз с Лавровым был достигнут, поскольку не требовал серьёзных уступок со стороны Тихомирова. В этих спорах сам Тихомиров выступил как настоящий лидер и отстаивал дальнейшее развитие в журнале народовольческого пафоса.

Вторым эпизодом, показавшим то, что Тихомиров продолжает выполнять роль лидера «Народной воли», стали переговоры о совместной с польской партией «Пролетариат», проходившие весной 1883 г. Как известно, результатом этих переговоров явилось то, что партия признала подчинённое положение в отношении «Народной воли»: «...установили, что «Пролетариат» нигде не может принимать крупных террористических актов или попыток восстания без разрешения «Народной воли». Интересна характеристика переговоров, оставленная Тихомировым в своих воспоминаниях, рисующая национальные приоритеты в обеих партиях: «Переговоры эти были довольно курьёзны в том отношении, что и мы, и поляки были в действительности большими патриотами и каждая сторона старалась эксплуатировать интернациональную идею в свою пользу. Нужно было определить, в каких местностях должен действовать «Пролетариат» и в каких «Народная воля», и вот поднялась торговля за города и территории.

---

¹⁰¹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 197-198.

Поляки сначала хотели захватить себе Киев на том основании, что у них там есть кружки – а не всё ли равно, кто будет действовать?»¹⁰²

Тихомиров отчётливо понимает, что его влияние из-за границы очень слабое, а тактику партии надо менять. А оставшиеся на свободе в России революционеры только провоцировали истощение своих и без того малых рядов. Заветы Тихомирова, сформулированные в письме ИК – заграничным товарищам, о том, что главная задача времени – собирание и сил и построение мощной организации, оставались без внимания. Молодые народовольцы всё больше склоняются к террору. Тихомиров пишет Оловенниковой в этот период: «Там, в России, очевидно, - мальчишка на мальчишке, и я глубоко уверен, что если их не переберут сразу, то через полгода репутация организации окончательно погибнет»¹⁰³.

В начале 1883 г. в России начитаются массовые аресты, которые порождали слухи о предательстве в центре партии. 10 февраля 1883 г. прямо на улице в Харькове была арестована Веры Фигнер: о предательстве заговорили открыто. 28 марта-5 апреля 1883 г. проходил нашумевший процесс 17-ти, по которому судились М. Ф. Грачевский, Ю. Н. Богданович, А. П. Корба (Прибылева-Корба), Я. В. Стефанович, П. А. Теллалов и др. В мае 1883 г., по всей видимости, уже ожидая близящееся разоблачение, в Париж для встречи с Тихомировым приехал Сергей Дегаев. Тихомиров следующим образом сообщает о данном эпизоде: «В это время – было начало 1883 года, может быть, в марте, не могу припомнить, - явился ко мне неожиданный посетитель – Сергей Васильевич Дегаев. Я очень обрадовался. Понятно, что я считал его честным революционером». Дальше Тихомиров, по его словам, начал расспрашивать различные подробности, в итоге Дегаев стал путаться в логике своего рассказа и в решил сознаться. «Так началась

---

¹⁰² Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 428-429.

¹⁰³ Лавров П.Л. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 97.

его кошмарная правда...»- сообщает Тихомиров¹⁰⁴. В результате, между Тихомировым и Дегаевым состоялась тайная от всех (кроме Ошаниной-Полонской) сделка, по которой последний должен был прекратить аресты революционеров и убить Судейкина. Взамен Тихомиров дал обещание сохранить ему жизнь и помочь скрыться. Убийство Судейкина было совершено с подачи Дегаева 16 декабря 1883 г. народовольцами Н.С. Стародворским и В.П. Конашевичем. После этого Тихомиров сдержал обещание: с помощью народовольцев и партии «Пролетариат» Дегаева переправили в Париж.

Интересно то, что о предательстве Сергея Дегаева стало известно революционерам-южанам в сентябре 1883 г., о чём приехала известить Льва Александровича революционерка Тетельман. Причём приезд Тетельман совпал с повторным приездом Дегаева за границу. Тихомирову пришлось второй раз обличить Дегаева перед Тетельман, ведь в противном случае ему пришлось бы признаться, что он уже знает о предательстве, что неизбежно вызвало бы бурю возмущения в революционных рядах. Дегаева судили в Париже третейским судом зимой 1884 г. На суде Дегаев рассказал о заговоре против графа Д.Толстого, разработанном им и Судейкиным. В состав суда входили Тихомиров, Г.А. Лопатин, В.А. Караулов. После суда народовольцы выполнили обещания, данные Дегаеву. По решению заграничного центра Тихомиров сопровождал семью Дегаева в Лондон, откуда они отправились на пароходе в Южную Америку.

В Англии Тихомиров встречается с Н.В. Чайковским, знакомым ему ещё со времён кружка «чайковцев». О Чайковском Тихомиров всю жизнь хранил самые тёплые воспоминания и поэтому он был весьма рад снова увидеться с ним. В своих воспоминаниях Тихомиров потом отметит, что, не смотря, что сам «всё резче становился на революционный путь», он «до конца оставался чайковцем». Чайковский, «навсегда остался одним из

---

¹⁰⁴ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 387, 390.

приятных воспоминаний прошлого» для Льва Александровича. Объяснением тому служили как личность учителя («умён, образован, общителен, очень симпатичен»), так и его взгляды, по которым он «на весь век остался – неисправимейшим идеалистом. Ничто не могло разубедить его веру в человека как существо, кроющее в себе задатки всех добродетелей»¹⁰⁵.

Для самого Льва Александровича общение со своим первым учителем оказалось очень полезным. В беседах с Николаем Васильевичем были затронуты многие волнующие Тихомирова в этот период времени вопросы, в частности особенности буржуазного строя Англии. Позже Тихомиров отметит в своих воспоминаниях: «Мы собирались делать государственные перевороты, переделывать социальный строй, а в действительности не имели понятия ни о государственном, ни о социальном строе. Я был в этом отношении скорее лучше, чем хуже большинства, а всё-таки, конечно, брался в революции не за своё дело. Потом я, перейдя с конспиративных квартир на широкую реальную жизнь, увидел и узнал, пожалуй, и побольше Чайковского, но тогда рассказы его были для меня откровением»¹⁰⁶.

То болезненное состояние партии, которое Тихомиров давно наблюдал, он всё-таки пытается не выносить наружу, всё ещё надеясь возродить репутацию организации. Этим может объясняться достаточно рискованное решение не сообщать о дегаевской истории соратникам по партии в России. Были, конечно, для такого поведения Тихомирова и объективные причины, связанные с тактическими соображениями: так Тихомиров боялся поспешных решений товарищей, что могло привести к потере возможности убить Судейкина и спасти многих революционеров в России от ареста. О Дегаеве решено было не сообщать даже Герману Лопатину, которого Тихомиров искренне уважал и который был отправлен летом 1883 г. в Россию для устройства нового центра «Народной воли» в России. Это

---

¹⁰⁵ Там же. С. 454-455.

¹⁰⁶ Там же. С. 456.

положение делало позицию Тихомирова достаточно уязвимой, чем, очевидно, пользовался Дегаев, выторговывая себе лучшие условия. Об этом свидетельствует их переписка. В письме Тихомирову Дегаев указывает: «Вы знаете и верите, что я не в последний раз был революционером, а потому не портите моих планов, иначе я буду защищаться и хоть, например, что и другие постольку же виноваты в «знании и недонесении», как я в совершении поступка. Забудьте меня до того времени, когда я сам о себе не напомню опять. Или, если для вас необходимо публично возмущаться, то делайте это так, чтобы немного политики было в факте, а не просто злодейство»¹⁰⁷.

Таким образом, в первые годы эмиграции Тихомиров, не смотря на многочисленные оговорки, не сдавал своих позиций лидера партии, члена Исполнительного комитета. В самые важные моменты для «Народной воли» Лев Александрович всю ответственность за судьбу партии берёт только на себя, иногда единолично принимая рискованные решения.

§ 2. Утрата надежд и поиск новых путей (1884-1886).

По возвращении из Англии Тихомиров готовит выход второго выпуска «Вестника Народной воли», в котором была потом опубликована статья «В мире мерзости и запустения». В статье раскрывался механизм дерзкой кампании Судейкина, и давалась партийная оценка происшедшему. Статья была выполнена в пропагандистском духе и с учётом революционной цензуры, заканчиваясь пафосно-мрачными предсказаниями в адрес русского правительства: «Лучше же не смущайте себя тревогами, правители России. Всё равно, вам не спасти себя. Для того, чтобы это сделать, вы бы должны были сами сжечь всё, чему поклонялись, и поклониться всему, что сжигаете,

---

¹⁰⁷ Лавров П.Л. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 154-155.

вы бы должны были стать революционерами. Но вы не хотите революции, не хотите притока новых сил, новой жизни. Так ждите же, пока вас по кускам расклюют Судейкины, и не будьте в претензии, ибо, где будет труп, - там соберутся орлы»¹⁰⁸. Резонёрский тон статьи направлен на отвлечение внимания от болезненного состояния самой революционной среды, проявившегося в «дегаевской истории». Сам Тихомиров вряд ли был таким революционным ортодоксом в этот период времени, как следует из текста самой статьи. «В моё мирозерцание он (Дегаев – авт.) внёс в своё время очень ценный вклад, - напишет Тихомиров впоследствии. - Он дал мне живой, истерзавший меня образчик того страшного нравственного и даже умственного унижения, к которому приводят революционно-террористические заговоры»¹⁰⁹.

Дегаевская история вызвала шквал возмущения в народовольческих группах в России. «Вся молодёжь, - писал Якубович в своих воспоминаниях от 18 мая 1885 г., - а в том числе и я, ждали какого-нибудь ясного и энергичного слова от комитета и о Дегаеве, и вообще о революционном деле, находящемся в последние полтора года в каком-то странном двусмысленном положении. А поверенные центра не могли или не хотели ничего сказать ясно не только о будущем, но и о прошедшем. Это раздражало такого человека, как я, а отсюда та преступная вражда, которую я повёл впоследствии в таких широких размерах с комитетом»¹¹⁰. В результате в российских кружках возникает оппозиция заграничному центру. В марте 1884 г. оппозиционное движение оформляется в «Молодую партию «Народная воля», во главе которой встал поэт Якубович. Главными требованиями молодых народовольцев были внести изменения в программу организации от 1879 г., добавив пункты не только о политическом, но и

---

¹⁰⁸ Вестник Народной воли. Женева, 1884. № 2. С. 231.

¹⁰⁹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000, С. 447.

¹¹⁰ Шебалин М.П. Ключки воспоминаний. М., 1935. С. 161.

«аграрном и фабричном терроре», кроме того предлагалось усилить самостоятельность местных групп¹¹¹.

В феврале 1884 г. состоялся съезд народовольцев в Париже. Был избран центр, состоящий из Тихомирова, Е.Н. Оловенниковой, Г.Ф.Чернявской, Г.А.Лопатина, В.И. Сухомлина, Н.М. Саловой, В.А. Караулова и А.Н. Кашинцева. По решению съезда за границей должна работать только «делегация ИК» во главе с Тихомировым и Ошаниной, в России - остальные члены центра¹¹². Дух заседаний в Париже хорошо передают воспоминания Сухомлина: «На этих различных заседаниях подробно обсуждался злободневный факт образования оппозиции, возникшей среди питерских деятелей ИК... ИК обвинялся в том, что не сообщил своевременно работникам на местах о двойственной роли, которую в течение полугода перед убийством Судейкина играл Дегаев, и не уведомил о предстоящей казни первого, вследствие чего многие товарищи, находившиеся под наблюдением, были схвачены жандармерией врасплох, тогда как, вовремя предупреждённые, они могли бы принять меры против своего ареста. Духом оппозиции особенно была охвачена молодёжь, во главе которой стоял даровитый поэт Якубович»¹¹³.

В плане организационных задач, парижским съездом были приняты следующие решения. «Первейшей задачей этого обновлённого ИК было выяснение наличного партийного актива путём строгой персональной проверки... распределение его по территориям России для основания, организации и оживления местных групп; пока же намечен был предварительный список кандидатов, в который вошли: П.Ф. Якубович, Бах, С.А. Иванов, К.А. Степурин, Караулов, А.Н. Кашинцев, М.П. Овчинников...

---

¹¹¹ Валк С.Н. Молодая партия «Народной воли» // Проблемы марксизма. Л., 1930. № 1. С. 95-119.

¹¹² Валк С.Н. Распорядительная комиссия и Молодая партия "Народной воли" // Каторга и ссылка. М., 1931. С. 117.

¹¹³ Сухомлин В.И. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1988. С. 67.

Другими ближайшими задачами ИК были: 1) устройство центральной типографии для выпуска очередного № 10 номера «Народной воли»... 2) организация, независимо от местных групп, на строго конспиративных началах, террористического акта против министра внутренних дел Д.А. Толстого, что должно было поднять подорванный дегаевщиной престиж партии»¹¹⁴.

Центр партии «Народная воля» в России был практически разрушен, сильно пошатнула авторитет партии «дегаевщина» - всё это требовало энергичных действий людей, с одной стороны, талантливых, с другой – самоотверженных. Лев Александрович прекрасно понимал, что руководить деятельностью партии из заграницы невозможно. Для урегулирования отношений с «молодыми народовольцами» была сформирована и отправлена в Россию Распорядительная комиссия, в состав которой вошли Г.А. Лопатин, Н.М. Салова и В.И. Сухомлин. 11 марта 1884 г. состоялся приезд в Россию распорядительной комиссии для переговоров с «Молодой партией «Народной воли». Самыми главными пунктами прений между Лопатиным и «молодыми народовольцами» были вопрос об «аграрном и фабричном терроре» и автономии местных групп.

Взгляд Тихомирова на цели и задачи Распорядительной комиссии очень хорошо характеризует его письмо Лопатину от 10 (22) мая 1884 г. Тихомиров писал: «Относительно же себя повторяю, что из-за границы не беру на себя никаких организационных дел; не могу даже согласиться, чтобы меня в том подозревали. На меня из России и то валят, что вздумают, о чём я даже понятия не имею, ещё со времени Верочки. Но в настоящее время у меня на руках журнал. Какое он может иметь влияние, если меня будут считать шарлатаном, корчащим из себя генерала, желающим крутить партией из-за границы. Серьёзно прошу вас принять меры, чтобы в России мне не приписывали этой роли. Возвращаюсь к другому пункту. Вы, друзья, теперь

---

¹¹⁴ Там же. С. 431-432.

видите Россию и можете убедиться, что для широкой организационной работы в ней нет материала. А там, где она возможна только мелкая подготовительная деятельность, достаточно небольших частных кружков. Они даже сильнее, менее заметны шпионам и лучше воспитывают людей. Лучше маленькая, даже личная фирма, да ваша, которую бы никто не смел назвать самозванщиной. Серьёзно советую не надрывать и не скандалиться, стремясь к невозможному. Не отнимайте своих сил от того, что осуществимо. А не хотите мериться с мелочами, уезжайте и ждите лучших времён. Я предлагаю сделать следующее: пусть образуется частный кружок народной партии с каким-нибудь названием, ну хотя бы «Союз Народной воли». Пусть объявит некоторых своих членов, заявит своё *profession de foi*, ведёт дело от своего имени. Это мой последний совет. Если не годится, я умолкаю совсем. Буду только литературной работой заниматься»¹¹⁵. Впоследствии своей брошюре Лев Александрович раскрывает свои взгляды на тот момент времени, очевидно, ссылаясь на майское письмо Лопатину: «Я увидел, что они делают не то, что нужно. Что нужно — этого я не мог почуять из-за границы, но настоятельно советовал Г. Лопатину искать новых путей, так как старые, на которых он стоял, очевидно негодны. Когда я увидал, что он и его товарищи не умеют или не хотят сойти со старых путей, я (летом 1884 года, числа не помню) письменно отнял у Г. Лопатина право считать меня членом их кружка и просил больше не пользоваться моим именем»¹¹⁶. Как видно, в этом письме Тихомиров, вновь отрешивается от своей роли в деятельности партии, хотя собственно «дегаевская история» и вытекающие из неё последствия были завязаны на решениях самого Льва Александровича, за которые он ни раз был впоследствии осуждён своими же соратниками. Да и сами его наставления Лопатину о том, как народолюбцам в России следует вести дела (создавать крупные или маленькие кружки,

---

¹¹⁵ Сухомлин В.И. Из эпохи упадка «Народной воли» // Каторга и ссылка. М., 1926. № 7/8. С. 97.

¹¹⁶ Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером? // Россия и демократия. М., 2007. С. 30

ждать лучших времён для активной революционной деятельности или нет), есть ни что иное, как вмешательство в действия революционеров в России, от которого он сам же отрекся.

Прекращение деятельности «Молодой партии» произошло лишь в июне 1883 г. В сентябре 1884 г. вышел № 10 «Народной воли» с передовицами Тихомирова. Первая статья была посвящена «дегаевской истории». Вторая - развивала взгляд, высказанный ещё в письме Исполнительного комитета заграничным товарищам о том, что основные усилия должны быть направлены на подготовку государственного переворота¹¹⁷. Особое внимание в статье Тихомиров уделил отрицанию попытки включения в программу партии фабричного и аграрного террора. Такие методы борьбы Тихомиров считал, отвлекающими от главных целей организации, называя «делом частной мести», участвовать в котором «для партии – позор, это всенародное признание своей политической бессодержательности»¹¹⁸. Вместе с тем, сам Тихомиров, ознакомившись с 10-ым номером «Народной воли» в октябре 1884 г., остался крайне недоволен его содержанием: «... я увидел, что мои советы россиянам не выступать под знаменем Исполн. Комитета остались совершенно бесплодны. В № 10 целый ряд заявлений Исп. Комитета. Сердце сжимается при мысли, что эти высокие ноты и широкие планы приведут их к неизбежному фиаско. Вместо уничтожения Исп. Комитета – они его раздули...»¹¹⁹.

В России события происходили неутешительные. 14-28 сентября 1884 г. в Петербурге прошёл процесс 14-ти. Центральным лицом процесса была В. Н. Фигнер — последний (в России) член Исполнительного комитета "Народной воли". Вместе с ней судились 6 членов народовольческой военной организации (Н. М. Рогачёв, М. Ю. Ашенбреннер, А. П. Штромберг, Н. Д.

---

¹¹⁷ Литература партии «Народная воля». М., 1931. С. 218.

¹¹⁸ Там же. С. 220.

¹¹⁹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 228.

Похитонов, А. П. Тиханович, И. П. Ювачев), Л. А. Волкенштейн и др. Главным обвинением было участие в террористических актах "Народной воли". Материалом для обвинения служили предательские показания С. П. Дегаева. 6 октября 1884 г. года был арестован Герман Лопатин. Тихомиров узнаёт об этих событиях в октябре, о чём свидетельствует его запись в дневнике: «На другой же день, сегодня т.е.в «Justice» есть телеграмма, что арестован давно разыскиваемый Лопатин, а в «Temps», что в Петербурге открыт заговор против жизни царя, взята типография и многочисленные аресты...». «Крах петербургский, по-видимому, самый отчаянный, - отмечает Тихомиров тогда же. - Пишу статью и спрашиваю себя: зачем? Что делать?»¹²⁰

В то время, как в России дела совершались вопреки планам Тихомирова, Лев Александрович продолжает развивать свои политические взгляды на страницах «Вестника Народной воли». В апреле 1884 г. в № 2 «Вестника Народной воли» появляется статья Тихомирова «Чего нам ждать от революции». В статье Тихомиров, анализируя судьбы русского капитализма и задачи революционной партии в новых экономических условиях, фактически, излагает свою социально-политическую концепцию на тот момент времени. Статья в целом направлена против социал-демократической идеи, постулирующей неизбежность буржуазного этапа развития для России на её пути к социализму. Тихомиров указывает на неразвитость в России буржуазии, что создаёт возможность, минуя развитие капиталистических отношений, перейти к социализму. Лев Александрович акцентирует внимание на отличном от Европы пути России в плане социально-экономического развития. «Мы действительно не видим причин, почему бы организация национального производства при обрисованных условиях не могла у нас развиваться совершенно иным путём, чем это было

---

¹²⁰ Там же. С. 228-229.

сделано капитализмом в Европе»¹²¹. Позже эта мысль была развита Тихомировым в статье «Запросы времени» «Вестника» № 4, где указывалось, что «идея социализма в России появилась неслучайно и не принесена ветром... Наш социализм не есть продукт только развития «капиталистического производства»¹²². Автор указывает на особую роль государства в организации экономических отношений в России. Неслучайно в своих воспоминаниях Тихомиров писал: «Мой социализм, в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности»¹²³. Из этой особой роли государственных институтов складывалась идея о необходимости государственного переворота путём захвата власти революционной партией и реализации до созыва Учредительного собрания экономических преобразований Временным правительством. На пути преобразований экономических отношений Тихомиров рассматривает две задачи: 1) решение аграрного вопроса «в смысле принадлежности земли государству и пользования ею только трудящимися»; 2) организация национального производства таким образом, что «сама предприимчивость людей из буржуазного слоя принуждена будет... обратиться на служению народа, на организацию его собственного производства»¹²⁴.

Статья «Чего нам ждать от революции?» стала первой открытой атакой Тихомирова в адрес марксизма, чем и вызвала волну критики со стороны группы «Освобождения труда». Плеханов в ответ написал работу «Наши

---

¹²¹ Тихомиров Л.А. Чего нам ждать от революции? // Вестник Народной воли. Женева, 1884. № 2. С. 433.

¹²² Тихомиров Л.А. Запросы времени // Вестник Народной воли. Женева, 1885. № 4. С. 268.

¹²³ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003, С. 173.

¹²⁴ Тихомиров Л.А. Чего нам ждать от революции? // Вестник Народной воли. Женева, 1884. № 2. С. 432, 433.

разногласия»¹²⁵, в которой указывалось, что, на самом деле, капиталистические отношения уже достаточно сильно развиты в России.

Острые споры между Тихомировым и Лавровым в июне 1884 г. вызвала статья Н.С. Русанова «Политические и экономические факторы в жизни». В статье, как говорит Русанов, «был противопоставлен Маркс-экономист Марксу-социологу»¹²⁶. Лавров наотрез отказывался печатать статью в «Вестнике» из-за оскорбления авторитета теоретиков «научного социализма», но при этом статья была одобрена Львом Тихомировым. В июне 1884 г. П.Л. Лавров в своём письме Тихомирову указывает, что «Тарасов (*Русанов – Ф.П.*) объявляет войну Энгельсу и его сторонникам, следовательно, ставит партию Народной Воли, органом которой объявил себя «Вестник», во вражду со всей партией социал-демократов»¹²⁷. 4 августа 1884 г. Лавров обратился к ИК «Народной воли» с отказом от поста редактора «Вестника». Однако, всё-таки Петра Лавровича убедили остаться в редакции. Конфликт Тихомирова с Лавровым ещё раз подтвердил условность достигнутого согласия в 1883 г. Ещё в августе Тихомиров писал в письме Ошаниной: «В случае, если П.Л. не примет даже таких примечаний, я бы желал выйти из редакции, если только нельзя будет устроить так, чтобы П.Л. ушёл, а на его место негласно стал хоть Н.С.(Русанов). Повторяю, я не верю, чтобы мы с П.Л. хорошо повели дело...»¹²⁸

В этот период Тихомиров, наоборот, начинает близко сближаться с Русановым: «Общность взглядов и работа нас, конечно, крепко связывала. «Вестник «Народной воли» начал выходить очень кстати для удовлетворения его потребности высказываться полнее и свободнее, чем позволяли русские условия печати. Русанов сделался для нас чрезвычайно полезным

---

¹²⁵ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избранные философские произведения в пяти томах. М., 1956. Т. I. С. 115-794.

¹²⁶ Русанов Н.С. В эмиграции. М., 1929. С. 116.

¹²⁷ Былое. № 2. СПб., февраль 1907. С. 276.

¹²⁸ Лавров П.Л. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 106.

сотрудником, и нередко, можно сказать, мы почти совместно писали статьи, перечитывая их, исправляя и дополняя по совместным соображениям». Описывая развитие взглядов в этот период, Тихомиров указывает: «Маркса ум был более точный, логичный, и потому теория была стройна. Мы не могли с ней согласиться только потому, что она отрицала инициативную роль *личности*, делала личность не творцом, а тварью. Мы поэтому искали ответов не в социализме, а в социальной науке. Тогда появилось много исследователей природы общества (Эспинас, Фулье, Фюстель де Куланж, Лебон, Тард), и они казались стоящими на более верной почве. У всех у них была та точка зрения, что общество есть создание не материальных условий, а психологических, которых источник заключался в человеке, личности. Но у них слагающееся таким образом общество имеет *органический* характер, а потому его развитие совершается эволюционно, а не революционно. Мы же не хотели отказаться от революционной идеи, хотя и не могли доискаться ясного её смысла и содержания. Но мы искали этого, искали такой революции, которая создавалась бы не внешними условиями, а силами личности и создавала бы такой строй, при котором бы самостоятельность и значение личности возрастали бы ещё больше»¹²⁹.

В этом отношении примечателен интерес Тихомирова к творчеству Герцена, о котором свидетельствуют записи его дневника 30 сентября¹³⁰ и 3 октября 1884 г.¹³¹ Позже, уже в 1887 г. вышел сборник статей Герцена с предисловием Тихомирова¹³². Исследователь Кан не случайно называл Тихомирова продолжателем традиции апологии индивидуального творческого начала, «восходящей своими корнями к фигуре А.И. Герцена»¹³³. Считая Герцена «лучшим истолкователем русской жизни... и жизни

---

¹²⁹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 420, 422.

¹³⁰ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 226.

¹³¹ Там же. С. 227.

¹³² Библиотека социальных знаний. Серия первая. Т. I. «Колокол». Избранные статьи А.И. Герцена (1857-1869). С предисловием Л. Тихомирова. Женева, 1887.

¹³³ Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997. С. 114.

вообще»¹³⁴, Лев Александрович всё более остро начинает ощущать оторванность деятельности «Народной воли» от России.

События сентября-ноября 1884 г. определяющим образом отражаются на судьбе «Вестника». Тихомиров отдаёт себе отчёт в том, что с гибелью дела в России ненужным становится и сам журнал: «Сильно сдаётся, что это конец, - записывает Тихомиров в своём дневнике, узнав об аресте Лопатина. - Конец им, на очень долгое время, в течение которого, конечно, десять раз успеет погибнуть от истощения сил и журнал. Значит, и этой мечте конец». Вести журнал, действительно, становится всё более затруднительно. Тому был целый ряд причин, которые в общей сложности можно разделить на идейно-политические и материальные. С точки зрения идейно-политического значения, журнал создавался Тихомировым как орган влияния на революционеров в России. События, связанные с образованием «Молодой партии «Народной воли», показали тщетность надежд Льва Александровича: «молодые» явно не собирались следовать заветам теоретика «Народной воли». Получалось, что «Вестник «Народной воли» жил как бы самостоятельной жизнью. В России голоса Тихомирова, по большому счёту, не слышали. Более того, именем Тихомирова в России манипулировали в своих интересах, что препятствовало последнему привлечь к журналу людей, готовых мыслить более прогрессивно. Даже в декабре 1884 г. Тихомиров сетует по этому поводу: «Я уже давно (ещё Герм.) заявил о том, что в организациях из-за границы не участвую. То же повторил их наследникам, и однако в России упорно продолжают смотреть на меня как на члена организации. До сих пор это для меня было безразлично. Но с полным крушением организации это начинает быть весьма вредным, так как

---

¹³⁴ Библиотека социальных знаний. Серия первая. Т. I. «Колокол». Избранные статьи А.И. Герцена (1857-1869). С предисловием Л. Тихомирова. Женева, 1887. С. 1.

распространяет во мнении публики на меня их ошибки и мешает новым, «чужим», людям сходиться с журналом»¹³⁵.

Проблемы ведения журнала, помимо причин политических, связаны были ещё и с ухудшением материальной базы издания. «Наши денежные дела отчаянно плохи, - записывает Тихомиров в дневнике 25 октября 1884 г., - без преувеличения – я начинаю иногда видеть переда нами не только банкротство (по типографии мы всё больше залезаем в долги), но даже голодную смерть»¹³⁶. Кроме того, постоянно возникали перебои с доставкой журнала в Россию. Взят был под арест Иван Телепнёв в Севастополе 15 мая 1884 г., когда явился на прибывший в порт французский пароход «Мендоза» за экземплярами «Вестника Народной воли», доставленными одним из матросов. 3 ноября 1884 г. Тихомиров жалуется в письме П.Якубовичу: «Вестник» погибает не от равнодушия публики, а от того, что она его не знает. Судите сами: в Петербурге за всё время № 1 вряд ли было больше пятнадцати, № 2 – десять, № 3 – всего два... На юге, говорят, больше. Масса лиц предлагает по 20-ти, по 50-ти рублей за экземпляр, не удивительно ли, что не хотят давать денег вперёд, когда вечно слышат о провалах с транспортов с книгами»¹³⁷.

В апреле 1884 г. были запрещены «Отечественные записки». Журнал был закрыт по личному распоряжению главного цензора России, начальника Главного управления по делам печати, Евгения Феокистова, в недавнем прошлом — сотрудника журнала. Причём, правительственное сообщение упоминало об участии в журнале члена Исполнительного Комитета «Народной воли», подписывавшегося инициалами «И.К.», т.е. – Тихомирова¹³⁸. В мае 1884 г. Тихомиров отмечает по этому поводу в своём дневнике: «Правительственное сообщение о закрытии «Отеч. зап.»

---

¹³⁵ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 183, 232.

¹³⁶ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 229.

¹³⁷ К истории «процесса 21-го» // Красный архив. 1929. Т. 5. С. 154.

¹³⁸ Из прошлого русского общества. СПб., 1904. С. 386-389.

производит тяжёлое впечатление ссылкой на показания «важного государственного преступника», указавшего сотрудничество «нелегальных» в легальных журналах»¹³⁹. 25 июня 1884 г. последовал арест патрона Тихомирова руководителя редакции «Дела» Н.В. Шелгунова. Последней статьёй, отправленной Тихомировым в журнал стал очерк, посвящённый И.С. Тургеневу. Таким образом, в 1884 г. Тихомиров лишился важнейших для себя источников доходов в виде легальных изданий.

В этот период происходит серьёзное изменение политической обстановки в Европе. К 1885 г. правительство России подписывает двухсторонние соглашения с Германией, Австро-Венгрией и Румынией о выдаче политических преступников, а с Испанией, Португалией, Нидерландами, Болгарией и Монако — договоры о выдаче лиц, причастных к цареубийствам. Ввиду объединения Германии Россия всё больше начинает сближаться с Францией, правительство Третьей республики начинает закрывать глаза на действия заграничной агентуры, нарушающей подчас нормы права. Эти условия делают положение Тихомирова и прочих политических эмигрантов достаточно уязвимым. В середине 1884 г. был арестован в Германии и выдан в Россию Лев Дейч.

В январе 1884 года преследуя Сергея Дегаева, в Париж приехал новый шеф заграничной агентуры П.И. Рачковский. Главным объектом преследования становится Тихомиров, о чём признаётся сам Рачковский 22 марта 1887 г. в письме графу Толстому: «...все мои мероприятия были направлены, главным образом, именно против Тихомирова»¹⁴⁰. В результате с середины 1884 г. Тихомиров начинает испытывать на себе давление российских секретных служб. По заданию Рачковского против Тихомирова была организована настоящая психологическая атака. «Пропадали письма, загадочным образом беспричинно задерживались на почте денежные

---

¹³⁹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 217.

¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69. Л. 26.

переводы, знакомые получали за подписью Тихомирова телеграммы, которых он не посылал, квартирные хозяйки вдруг отказывали в квартире...»¹⁴¹

При серьёзной финансовой поддержке (Рачковский получал до 12 000 рублей в год) российского правительства, Рачковский начинает завязывать контакты со многими полезными для себя представителями французского общества. Так, Пётр Иванович установил хорошие отношения с Луи Андрие, префектом парижской полиции в 1879-1882 годах. В короткий срок П.И. Рачковский сумел завязать прочные связи во французской прессе, получив, таким образом, возможность влияния на общественное мнение не только Франции, но и в других европейских государствах. Через завербованного им бывшего советника французского министерства иностранных дел, датчанина родом, журналиста Жюля Генсена, была организована настоящая травля во французской печати русской революционной эмиграции. В этом Рачковскому помогали и другие не слишком щепетильные в нравственном отношении его коллеги французские журналисты: Калометт (Фигаро), Мора (Petit Parisen), Рекули¹⁴².

Таким образом, именно в этот период Тихомирову пришлось ощутить всю тяжесть положения политического эмигранта. Он оказался без средств к существованию и без каких-либо связей в чужой стране, с нелегальным журналом на руках, который всё больше погружался в долги. Именно в таком психологическом состоянии застаёт Тихомирова Рачковский, этим состоянием Льва Александровича и определялся избранный хитроумным агентом метод психологической атаки.

1884 г. стал для Тихомирова временем крушения всех политических надежд, связанных с партией «Народная воля». В марте 1885 г., избегая

---

¹⁴¹ Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 383.

¹⁴² Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918. С. 41.

ареста, за границу, приехал А.Н. Бах и С.А. Иванов. Первое время они остановились на квартире Тихомирова. Встреча с Бахом во многом стала определяющей для Тихомирова. Вспоминая о ней позже, Лев Александрович записал следующее: «Сразу по приезде Бах начал ругать меня, что я им не помогаю, что они в России заброшены и т.п. Я ему объяснил, что это меня не касается, что я давно подал в отставку, никому из них не мешаю делать, что угодно и никому не обещался помогать. Тогда он меня оставил покое и со своей стороны разъяснил, что приехал в отставку же. Всё ему надоело, все болваны, все в разгроме, а больше всего «надоело лгать». «Буду жить, по крайней мере, никого не стану морочить». Это «надоело лгать», «хочу жить без радикального вранья» составляло некоторое время его любимую фразу, как будто неудержимый наболевший крик»¹⁴³. В дневнике 8 марта 1886 г. Тихомиров записал: «С приездом Александра Ив., Алекс.Ник. (С.А. Иванов и А.Н. Бах – авт.), Мелкона (Коялов М.С. – авт.) я окончательно убедился, что революционная Россия, в смысле серьёзной, сознательной силы не существует»¹⁴⁴.

Нужно было, по его собственным словам, «искать новых путей». Но, прежде всего, нужно было проанализировать происшедшее. В итоге, только в 1885 г. Тихомиров подошёл к тому делу, с которого планировал начать свою жизнь за границей: написанию воспоминаний и анализу происшедшего. Хотя подвели его к этому решению, конечно, не только идейные соображения... В 1885 г. Тихомиров сделал только 4 записи в своём дневнике и те в январе месяце. «Весь год, прошедший с тех пор, как я ничего не заносу в свой дневник, был у меня тесно переплетён с моей книгой. Это было моё главнейшее и даже единственное дело»¹⁴⁵ - напишет Тихомиров в марте 1886 г., имея ввиду свою книгу «Россия политическая и социальная».

---

¹⁴³ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 370.

¹⁴⁴ Там же. С. 234.

¹⁴⁵ Там же.

Предложение писать книгу о России Тихомиров получил от И.Я. Павловского, с которым он начинает всё ближе сходитья по мере накопления сомнений в возрождении «Народной воли». Павловский, бывший соучастником Льва Александровича по процессу 193-х и проведший в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения 2 года, к моменту общения с Тихомировым уже «не был революционером, он имел множество интересов общечеловеческих, научных художественных», чем и привлекал к себе внимание последнего¹⁴⁶. Примечателен тот факт, что Павловский подобно Тихомирову написал ходатайство о возвращении на Родину и получил положительный ответ 8 декабря 1888 г. В книге «Россия политическая и социальная» Тихомиров рассматривает историю русского революционного движения на базе личного опыта и отдельных сведений, полученных в партийном архиве. Писал её Тихомиров на русском языке, а переводил на французский Альбер Саввин, с которым его познакомил Павловский. «Павловский познакомил меня с Савиным и предложил ему наугад, - не возьмёт ли он сотрудничать для французской работы. Тот согласился. Павловский свёл меня с ним. А я уже обдумывал в это время план своей *La Russie sociale et politique*». Так вот началась у нас работа»¹⁴⁷, - вспоминал Тихомиров в 1886 году.

По всей видимости, именно написание книги заставило Тихомирова более серьёзно присмотреться к той самой Европе, в которой он провёл вот уже почти три года. Во-первых, книга была ориентирована на западного читателя, и нужно было иметь представление о вкусах публики. Во-вторых, чтобы писать книгу, нужно было где-то зарабатывать деньги на жизнь, а зарабатывать нужно было в тех условиях места и времени, в которых находился Тихомиров. С работой Тихомирову отчасти помогал Павловский. Кроме того, зарабатывал Лев Александрович частными уроками. Кризис партийного журнала также способствовал непростой для Тихомирова

---

¹⁴⁶ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 431.

¹⁴⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 235.

интеграции в европейскую жизнь: «... моё положение было отчаянное. Уложив на «Вестник», все силы, все связи, я был без работы и без всяких связей с Россией или Европой, т.е. без связей своих, которыми бы мог распоряжаться по своему усмотрению. Поэтому я стал искать работы. Работу кой-какую стал получать, хотя плохо и мало, впроголодь, до истощения нервов; минутами я доходил до полного неверия в то, что выкарабкаюсь из ямы...». Отсутствие связей вне революционной среды, плохое знание языка – всё это угнетало Тихомирова. Книга была очень важна для Тихомирова, не только с точки зрения анализа происшедшего, с помощью неё он рассчитывал завоевать себе общественное положение, в качестве французского литератора¹⁴⁸.

Книга Тихомирова «La Russie sociale et politique» была издана 11 марта 1886 г. Оценивая содержание книги, можно согласиться авторами монографии «Две жизни Тихомирова», полагающими, что «уже работая над книгой, последний многое стал пересматривать в своих воззрениях на российские политические порядки. Он по-иному взглянул на устройство русского общественного организма, нежели другие представители русских революционных фракций, рисуя его не только в тёмных тонах, но и более взвешенно оценивая специфику российского государственного устройства, усматривая в нём элементы позитивного. Анализируя российскую действительность, Тихомиров постепенно приходил к выводу, что страна не нуждается в революционных изменениях, а нужного результата можно добиться и за счёт культурной деятельности всех общественных сил, объединённых одной программой, т.е. эволюционно, на почве постепенного реформирования существующего политического строя»¹⁴⁹.

Интересна в этом отношении дискуссия Тихомирова с Сергеем Михайловичем Степняком-Кравчинским по поводу продвижения книги

---

¹⁴⁸ Там же. С. 234, 235.

¹⁴⁹ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Тихомирова. М., 2011. С. 188.

Тихомирова в Англии. В это время Кравчинский был достаточно успешным литератором. Его книга «Подпольная Россия» имела достаточно большой круг читателей и была переведена на несколько языков. Тихомиров, напротив, плохо знал иностранные языки. Однако, предел, в переговорах с Сергеем Михайловичем был положен столкновением двух диаметрально противоположных мировоззренческих позиций. Тихомирову были противны космополитизм и расчётливость Кравчинского. «В делах он был чрезвычайно практичен, - вспоминал Лев Александрович, - и едва ли не один при всех русских умел своими литературными произведениями достигнуть не то что благосостояния, а зажиточности. И это он достиг не одним литературным талантом, а ловким подделыванием под дух английской публики. Когда я впоследствии напечатал «La Russie politique et sociale», Кравчинский жестоко упрекал меня. Вы, говорил, он описываете Россию такой органически могучей, что англичанин думает: стоит ей только избавиться от самодержавия, и во всём мире не найдётся более сильной страны. Какой отсюда вывод англичанина? То, что не нужно поддерживать революционеров, а нужно поддерживать царя. Вот что вы достигаете своей книгой<...> Нужно писать совершенно иное: чтобы получалось впечатление, что падением самодержавия Россия распадётся на составные части»¹⁵⁰. В ответ на предложение Кравчинского внести поправку в книгу «Россия политическая и социальная» Тихомиров отвечал: «Я отстаиваю русский социальный организм. Все Ваши замечания сводятся к тому, должен ли я описывать его таким, каков он есть. Но это моя манера публициста, моё убеждение»¹⁵¹.

Не смотря на то, что впоследствии надежды Тихомирова на выручку от книги не оправдались, в 1886 г. он вступил уже с совсем иным настроением. Чем больше Тихомиров внутренне отстранялся от политических задач партии, тем более его начинает интересовать реальная Россия. Можно сказать, что 1885 г. Россия для Тихомирова из объекта воздействия превратилась в объект

---

¹⁵⁰ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 342-344.

¹⁵¹ РГАЛИ.Ф. 1158. Оп. 1. Д. 451. Л. 4.

внимательного исследования. В то же время, по всей видимости, в период написания книги «Россия политическая и социальная», под более пристальным вниманием Тихомирова оказывается политическая и социальная жизнь европейцев. Именно окрепший национализм, тоска по Родине станут точкой впоследствии точкой возврата для Тихомирова.

Начиная с 1885 года, правой рукой Рачковского в охоте на Тихомирова становится Авраам Мойшевич Геккельман (псевдоним Абрам Ландезен). Завербованный ещё в 1883 г. Судейкиным, Геккельман приехал в Париж в 1885 г. после сдачи полиции революционеров и тайной народофильской типографии в Дерпте. О предательстве Ландезена предупреждал Льва Александровича ещё Дегаев. «Однако, Бах заметил, что, на его взгляд, Геккельман искренен, и что он, Бах, считает лучшим не разрывать с ним знакомства, чтобы окончательно уяснить себе Ландезена. Это уяснение через несколько месяцев кончилось тем, что Бах поселился с ним на одной квартире. Ландезен жил богато, учился, по словам Баха, усердно и был невиннейшим и даже простодушным мальчиком». Таким образом, Геккельман, получает все возможности для слежки за Тихомировым. В трудные времена для Тихомирова, Геккельман не раз выручал его деньгами. Позже, верящий в искренность Авраама Мойшевича, Тихомиров занимает у него деньги и на издание брошюры «Почему я перестал быть революционером». Так Тихомиров сообщает: «Впоследствии, когда мне приходилось разорвать с эмигрантами, я по желанию Ландезена изложил ему свои взгляды на глупость революции; он мне поддакивал и предложил денег на издание брошюры»¹⁵².

Получая, таким образом, информацию о психологическом состоянии Тихомирова, Рачковский выбирает тактику психологической атаки. Впоследствии в своём письме Дурново Рачковский так обозначил свои цели в отношении Тихомирова: «Поддерживая и усиливая в нем болезненно-

---

¹⁵² Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 371-372.

нервное напряжение путем воздействия, вместе с другими мерами (которые потребуются обстоятельствами данной минуты), я небезуспешно продолжаю изыскивать меры для того, чтобы сделать самое существование его невозможным в каком бы то ни было заграничном пункте. При таком положении дела, несомненно должно наступить, наконец, то время, когда русское правительство может получить в свое распоряжение этого цареубийцу не какими-либо рискованными средствами, а вполне легально, как русского подданного, сошедшего с ума за границей»¹⁵³. 11 марта 1886 г. Тихомиров получил открытку, которая была подписана по-французски «Leon Tigrich de Prohvostov»¹⁵⁴. В открытке было написано следующее обращение к «Мосье Базилю Долинскому»: «Лев Тигрыч де Прохвостов, не думай, что мы забыли о тебе. Под какими бы именами и прозвищами ты ни скрывался, знай, что мы захватим тебя в свои руки и отвезём в Россию, где ты, нераскаянный злодей, и примешь от палача давно заслуженную тобой казнь за твои адские преступления»¹⁵⁵. Открытка подписана от имени шпионов-литераторов Графа Куна и барона Грюна, известных эмигрантам.

Психологическое состояние Тихомирова серьёзно ухудшается, что становится заметно для его близкого окружения. Для поддержки Тихомирова Лавров организовал встречу с лидером известной Республиканской партии Франции Клемансо. Общение психологически надломленного Тихомирова с вальяжным Клемансо оставила негативное впечатление у последнего: «Я, признаюсь, ожидал встретить человека вроде наших знаменитых террористов Великой революции. Я слышал, что Тихомиров был душой той героической партии, которая своею борьбою с царским абсолютизмом привлекла внимание всего мира. И я приготовлялся встретить героя из героев... сетовал политик. – Представьте же себе моё печальное, трижды печальное разочарование, когда вместо Дантона или, по крайней мере, Робеспьера, - да

---

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69. Лл. 15-16.

¹⁵⁴ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 237.

¹⁵⁵ Русанов Н.С. В эмиграции. М., 1929. С. 111-112.

что, вместо любого из вождей наших оппортунистов... я увидел человека вне себя от страха, с прыгающими по сторонам глазками, дрожащими руками, бессвязным лепетом: «мосье Клемансо, мосье Клемансо»¹⁵⁶. Впечатление Клемансо во многом совпадает с мнением отдельных русских революционеров (Русанова, Баха) и известного французского романиста Рони-старшего, упрекающих Тихомирова в отсутствии мужества. Так, писатель Рони, расспрашивая Тихомирова о его душевном состоянии, которое он испытывал, когда видел друзей, отправляющихся на казнь 3 апреля 1881 г., был обескуражен ответом Тихомирова, в котором не было ни героического запала, ни жажды мести и продолжения борьбы и т.п.¹⁵⁷. Трактовалось это как отсутствие мужества. На этой же точке зрения стоит и ряд современных исследователей¹⁵⁸. Неслучайно Тихомиров, впоследствии вспоминал, что только Александр Михайлов понимал его. Михайлов, сам бывший физически несравненно более крепким по духу сугубым практиком, при этом призывал в своём завещании соратников по партии «беречь Старика (Тихомирова-авт.)», называя его «главной умственной силой» организации¹⁵⁹.

В данном случае, нет необходимости перечислять все проявления характера Тихомирова. Достаточно лишь указать на то, что этот человек нашёл в себе личное мужество признать то, что он ошибался большую часть жизни и совершил большое количество преступлений перед совестью, за что был готов понести серьёзное наказание, о чём свидетельствует запись в его дневнике за 24 октября 1888 г.: «Если государь не считает возможным меня простить, - *ipso facto* он считает меня подлежащим наказанию. Признавая себя подданным, я не могу не подчиниться воле царя. Остаётся, значит, лишь отдаться в руки русской администрации: явиться в Россию и – пусть

---

¹⁵⁶ Там же. С. 112.

¹⁵⁷ Там же. С. 114-115.

¹⁵⁸ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Тихомирова. М., 2011. С. 180

¹⁵⁹ Вахрушев И.С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873-1886 гг. Саратов, 1980. С. 154.

арестуют. Но что делать с семьёй? Я полагаю, попрошу для них позволения возвратиться в Россию, и тогда пусть Катя с Сашей едут к матери, а я отдаюсь в руки консульства»¹⁶⁰. Признание самому себе в ошибках такого масштаба может оказаться не менее героическим поступком, чем идти на виселицу в святом убеждении, что ты во всём прав. Убедившись окончательно в служении монархической идее, он готов был добровольно (!) понести все наказания за предыдущие грехи. На мой взгляд, если Тихомиров и боялся физического наказания со стороны власти, то не от животного страха, а от отсутствия уверенности в правильности идеи, за которую нужно быть наказанным.

Благодаря влиянию Рачковского на парижского префекта, в мае 1886 г. возник вопрос о высылке Тихомирова с Французской стороны. Тихомирову в очередной раз пришлось обратиться к заступничеству Клемансо. Дело удалось уладить, однако, на время всё-таки Льву Александровичу было необходимо уехать из столицы: «Удар глубочайший. Франция показывает себя во всём ужасе своего падения, - записывает Тихомиров в своём дневнике. - 4-го и 5-го был комиссара; 5-го вечером – у Клемансо; 6-го – у префекта и вечером у Клемансо. Жалкие подлецы и трусы»¹⁶¹. Ещё одним аргументом в пользу отъезда из Парижа стало то, что у Тихомирова в это время серьёзно заболевает сын.

12 июля 1886 г. Лев Александрович перебирается вместе с семейством на дачу в предместье Парижа Le Raincy, в место жительства своего издателя. В то же время наступил долгожданный для Льва Александровича период относительной независимости от дел политических, когда он смог предаться интеллектуальной работе «Перебравшись в Le Raincy, - вспоминает Лев Александрович, - мы чувствовали себя в бодром настроении переселенца, заброшенного в отдалённую пустыню. Начали устраивать свои апартаменты,

---

¹⁶⁰ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 313.

¹⁶¹ Там же. С. 238.

просиживали дни в саду, под ормами, гуляли. Я расположил свой кабинет внизу и стал работать. Саша сразу стал чувствовать себя лучше». Удалённость от Парижа способствовала тому, что Тихомирова достаточно редко навещали «парижские знакомые», и Тихомиров, в свою очередь, рассчитывал сформировать новые полезные для него связи. «Я также рад был, - вспоминал он, - поселиться в месте жительства моего издателя. Думал, что через него заведу знакомства с французами. Я же интересовался ими вообще, а в частности, ввиду необходимости жить французской литературной работой»¹⁶². Не смотря на резкое ухудшение материального состояния, Лев Александрович, всё-таки с благодарностью вспоминает этот отрезок своей жизни.

Летом же 1886 г. Тихомиров предлагает в «Вестник Народной воли» статью, содержащую его новые взгляды, «с резким отрицанием террора и с требованием усиления культурной работы». По мнению Тихомирова, Россия «находится в самом обыкновенном, так сказать, нормальном состоянии, а революционные партии - в расстройстве. Такое несоответствие должно объясняться лишь ошибками программы партии». «Идея террора, - утверждал Тихомиров в статье, - со всех сторон сузила и обесплодила идею революции, замкнула её дело в небольшом слое «своих» людей (слишком часто нелегальных), а потому помешала партии превратиться в широкое общественное движение». В итоге Тихомиров приходил к выводу, что «не уединяться, не отстаивать своё должна бы партия, а, напротив, сливаться с Россией»¹⁶³.

Статья была отвергнута редакцией. В результате новые идеи Тихомирова, хотя и вызвали протест, но лишь в узком кругу, широкой аудитории эта проявившаяся уже в 1886 г. метаморфоза Тихомирова осталась неизвестна. В итоге, это искусственное замалчивание вылилось в бурный

---

¹⁶² Там же. С. 331, 334.

¹⁶³ Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 32.

скандал в эмигрантских кругах, когда те же идеи Льва Александровича были изложены уже не отдельной статьёй в революционном органе печати, а на страницах предисловия к его книге «Россия политическая и социальная», как бы «между делом» (за что упрекали его современники) только 20 февраля 1888 г.

В ещё большей мере революционная цензура проявила себя в августе 1886 г. В связи со своим удалённым пребыванием от Женевы Тихомиров попросил Лаврова написать вместо него сообщение о прекращении выпуска «Вестника народной воли». Однако вместо простого заявления о прекращении «Вестника Народной воли» Лавров написал от имени Тихомирова «ярую статейку», декларирующую открыто революционный настрой автора, хотя сам Пётр Лаврович прекрасно знал, что Тихомиров давно не придерживается такой точки зрения (ведь именно он не принял статью последнего с критикой террора). «Все окружавшие нас знают, - вспоминает Тихомиров, - как недоволен был я этим и как бранил эту не только ярую, но и глупую заметку, когда увидел её в печати»¹⁶⁴. И тем не менее, в августе 1886 г. вышел последний 5-ый номер «Вестника» со статьёй, отражающей эволюцию взглядов Льва Александровича. В очерке «Как живётся в России» Тихомиров приходит к выводу, что «в жизни народной, в жизни больших социальных слоёв России движение революционное заметно тем меньше, чем ближе к ним присматриваемся»¹⁶⁵. В ночь на 20-21 ноября 1886 г. произошёл разгром типографии агентами Рачковского, который подвёл окончательную черту под делом «Вестника Народной воли».

Характеризуя эволюцию своих взглядов в 1886 г., Тихомиров вспоминает: «Не сразу я отверг всё. Сначала я отбросил самое очевидно глупое, т.е. такие нелепости, как терроризм, анархизм»¹⁶⁶. Впоследствии,

---

¹⁶⁴ Там же. С. 55.

¹⁶⁵ Цит. по: Пайпс Р. Лев Тихомиров: революционер поневоле / Неприкосновенный запас. №4. М., 2010. С. 145.

¹⁶⁶ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 337.

разделяя революционный период своей жизни на три фазиса, Лев Александрович третий – называл фазисом «мечтаний о государственном перевороте путем заговора с резким отрицанием террора и с требованием усиления культурной работы (эпоха кончины “Народной воли”»¹⁶⁷. Позже сам Тихомиров находил в этом периоде своего развития много противоречий, поскольку, идя всё дальше по дороге отрицания ошибок своего революционного прошлого, в его мировоззрении сочетались подчас взаимоисключающие представления. До начала 1887 г. для Льва Александровича неразрешимым оставался вопрос о положительном начале, в соответствии с которым следовало теперь выстраивать жизнь. «Вообще отрицал я в революции почти всё, даже иногда всё, - вспоминал впоследствии Тихомиров. - Но что же делать? Что есть положительного? Вот был вопрос тяжкий <...> Мне невозможно было отрешиться от того, что жизнь имеет более глубокий смысл, а, стало быть, есть и для отдельного человека иная роль, иная деятельность. Где она, в чём? Я долго оставался социалистом, хотя и с прорехами»¹⁶⁸.

Подводя итоги 1886 г., Тихомиров делает неутешительные выводы: «Год кончился самым печальным образом. Все последнее время живём, можно сказать, подаяньем. Работал ужасно много, кидался во все стороны и не заработал ни гроша...»¹⁶⁹ В таком мировоззрении Тихомиров пришёл к зиме 1886 г. С июля 1886 по январь 1887 гг. в дневнике Льва Александровича нет ни одной записи. Зима 1886-1887 года окончательно перевернула мировоззрение Тихомирова в сторону отвержения революционной идеи. «... Той зимы я никогда не забуду. Ей я обязан всем, во мне она произвела полный переворот, и весну я встретил новым человеком»¹⁷⁰, - сообщает Тихомиров в своих воспоминаниях.

---

¹⁶⁷ Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 32.

¹⁶⁸ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 339.

¹⁶⁹ Там же. С. 240.

¹⁷⁰ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 350.

Таким образом, начиная с 1884 г. происходят события, которые приводят к крушению последних надежд Тихомирова на возрождение «Народной воли», сначала конфликты в редакции с Лавровым по поводу основной линии «Вестника» и неудачи самого журнала в целом, потом неудачные переговоры с «молодыми народолюбцами», пропагандирующими вопреки увещаниям Тихомирова аграрный террор, аресты основных революционных деятелей в России. Приезд в 1885 г. Баха и других революционных деятелей окончательно убеждает, что нужно искать новых путей. Чёткой программы действий у Тихомирова пока ещё не было, однако появилось понимание, что причины неудач партии нужно искать в действиях самих революционеров, а не во внешних факторах, связанных с усилением репрессивных мер русского правительства. Меняется отношение Тихомирова к России, в ней он начинает искать источник исцеления революционного движения от той внутренней гнили, которая неизбежно приводила его к разложению. Постепенный отход от политической жизни и написание книги «Россия политическая и социальная» становится для Льва Александровича попыткой основательно разобраться в происшедшем.

§ 3. Новые взгляды (1887-1888).

В начале 1887 г. атака заграничной охраны шла по нескольким направлениям. Важнейшей задачей было разрушить политический авторитет Тихомирова. Так, в январе 1887 г. в газете «L'evenement» появилась статья «Нигилисты», в которой искусственно раздувались разногласия между эмигрантами и Львом Александровичем. В это же время прокламация, в которой от имени «молодых народолюбцев» содержался призыв «Положить конец бесконтрольному владычеству Тихомирова»¹⁷¹. Ещё позже появилась

---

¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69. Л. 26.

брошюра брошюры «Исповедь нигилиста», в которой в образе революционера Скорогнолова, изображённого в гротескной форме была сделана попытка изобразить Тихомирова. Отдельные меры тайной полиции были направлены на разрушение авторитета партии «Народная воля» в эмигрантской среде. Так Тихомиров сообщает о появлении письма Куна и Грюна к Лаврову с признанием, что они ограбили типографию, подложных заявлениях партии в «Journal de Geneve» и «Cri du Peuple». Работала полиция и над дискредитацией личной и семейной жизни Тихомирова. Так, появляется гектографический листок, в котором Тихомирова обвиняют в убийстве, а его супругу в прелюбодеянии¹⁷². Рачковский хвастливо докладывал Дурново: «Итак, никогда не достигаемый прежде революционный авторитет, окруженный ореолом царубийства, низведен мною на степень обыкновенного проходимца, над которым теперь издевается вся эмиграция и который совершенно теряет среди нее свое исключительное значение. Путем принятых мною мер, я довел вначале Тихомирова буквально до бешенства, которое вскоре затем сменилось полным упадком как умственных, так и физических сил...»¹⁷³

1-2 февраля 1887 г. был нанесён повторный удар по типографии, после того как Тихомиров выпустил последний номер «Вестника». «Таким образом, совершенно изъяты из обращения все средства для народовольческой пропаганды, над которыми усиленно трудился тихомировский кружок со дня эмиграции Тихомирова из России»¹⁷⁴, - указывал в донесении Рачковский. «О, Франция, - записывает Тихомиров в своём дневнике в марте 1887 г. по поводу действий тайной полиции, - действительно тоска берёт, когда думаешь, что достаточно назваться шпионом русским, чтобы пользоваться неприкосновенностью, и чтобы каждый боялся как-нибудь ненароком не зацепить бы такую священную

---

¹⁷² Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 242.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69. Лл. 15-16.

¹⁷⁴ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 100. Л. 35.

нынче особу!». В этот период Лев Александрович всё больше начинает понимать, что просто так в покое его не оставят и что даже легальная литературная работа во Франции будет сопряжена для него с большими сложностями. «Боюсь, что моя книжка не будет иметь успеха, - записывает Тихомиров в дневнике от 8 апреля. - Пожалуй, замолчат её. Французы так льнут к России, что предпочтут молчать о книге, которая писана хотя и не прямо против русского правительства, а всё же неприятна ему»¹⁷⁵.

Льву Александровичу становится очевидно, что для проведения своих новых взглядов ему нужны единомышленники. На первых порах Тихомиров надеялся найти таких людей в своей среде. Тихомиров вспоминал: «В отношении эмигрантов тоже принял твёрдую линию; не выступая ещё с громогласной, публичной антиреволюционной пропагандой, я всем, с кем сталкивался, говорил свои мнения, критиковал их, присматриваясь, на кого можно будет опереться, чтобы образовать, как мне тогда мечталось, группу, т.е. среду людей антиреволюционных». Надо сказать, иногда Тихомирову это удавалось. К Льву Александровичу периодически приезжала революционно настроенная молодёжь из России. Таким образом была им «обращена» Вандакурова Федосья Васильевна, «здоровенная, краснощёкая сибирячка» из Барнаула, которая приехала «искать света» у легендарного Тихомирова. По началу «расхолаживающие» речи Тихомирова показались ей «необыкновенными» и Вандакурова стала внимательно относиться к его советам¹⁷⁶. Однако, через некоторое время в дело вмешались эмигрантские круги. «Компания Лаврова, Полонской и т.д. затащила её к себе, - вспоминает Лев Александрович, вооружила против меня, усиленно притягивала к своему делу. В виде последней реакции Вандакурова сошлась с ними, стала к ним ходить на все собрания, на их болтовню. Но она уже была «испорчена». Через месяца 1 1/2 они ей окончательно внушили

---

¹⁷⁵ Там же. С. Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 242-243.

¹⁷⁶ Там же. С. 352, 385, 388.

отвращение, и она сразу бросила старое <...> Я посоветовал ей подумать о своей легализации, и она – о ужас! – отправилась в консульство»¹⁷⁷.

Питал надежды Тихомиров по поводу Русанова, с которым он проводил много времени в дискуссиях вокруг социологических и экономических вопросов. 23 сентября 1887 г. Тихомиров записывает в дневнике: «Был Русанов с Е.И. Толковыми. Положительная сторона государственной политики, как я её изложил, с грехом пополам одобряется. Но моё отрицательное отношение к террору вызвало возражения»¹⁷⁸. Позже Тихомиров вспоминал, очевидно, с сожалением: «Для меня искания закончились тем, что я стал на органическую, эволюционную точку зрения. Русанов же не хотел отрешиться от революционной точки зрения»¹⁷⁹.

Именно в этот период Тихомиров приходит к идее создания широкой национальной партии. «... Я бы с большой охотой видел возникновение кружка со здоровым (созидательным и антитеррористическим) направлением. Мне нужно создать партию серьёзную, которая могла бы сделаться силой в стране, партию правящую», - записывает он в дневнике от сентября 1887 г. Интересно, что, не смотря на всю ущемлённость и ограниченность собственного положения, Тихомиров себе самому вынужден был признаться, что не может просто так отказаться общественно-политической деятельности. «Я – ничто, нуль, - отмечает Тихомиров в этот период времени, - Я существо даже уже пришибленное. И в то же время я не могу отказаться от желания серьёзно, глубоко влиять на жизнь. С чистой совестью я мог бы совершенно отказаться от общественной деятельности, но раз уж ею заниматься, то заниматься серьёзно»¹⁸⁰.

8 октября 1887 г. Тихомиров с семьёй возвращается в Париж и поселяется на Avenue de Maine (около предместья Монруж). Позже

---

¹⁷⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 390.

¹⁷⁸ Там же. С. 245.

¹⁷⁹ Там же. С. 422.

¹⁸⁰ Там же. С. 246-247.

Тихомиров отметит в своих воспоминаниях: «Начался новый четырёхлетний курс моей жизненной школы. Ни один из городов, Ни Москва, ни Петербург, не имел такого глубокого влияния на мою внутреннюю эволюцию, как Париж»¹⁸¹. Приехав в Париж, Тихомиров понимает, что, фактически уже порвав со своим революционным прошлым, он остался один в идейном смысле.

Из среды политических эмигрантов, за исключением Павловского, не было никого, кто бы поддерживал его новые взгляды. Да и Павловский вряд ли мог составить команду с Тихомировым: не смотря на приятие революционного мировоззрения, и многостороннее развитие, он, в отличие от Льва Александровича, не нуждался в положительной программе. Ощущение интеллектуального одиночества всё больше начинает угнетать его. Так, в дневнике от 30 ноября 1887 г. Лев Александрович записывает: «В личной жизни пустота ужасная. Ни привета, ни радости. Какое-то жуткое, тоскливое чувство. Одиночество. Хочется облегчить душу – негде. Один и один. И чувствуешь сам, как становится хуже, а, кажется мог бы ещё жить, мог бы, может быть, и сделать что-нибудь. Страшно за будущее! Иногда я спокоен и чувствую какое-то странное утешение, когда думаю, что одна секунда, одно движение пальца может навсегда освободить от всякой гадости и тяжести. Но это редко. Я всё ещё боюсь смерти, и иногда хочется жить, безумно хочется. Вообще паскуднейшее состояние. Чем-то это кончится!»¹⁸². Тихомирову стало очевидно, что без выхода за пределы эмигрантской среды нет пути для развития. «Вообще значительная часть моего времени в Париже, - отмечал Тихомиров позже, - уходила на знакомства с людьми той среды, в которой мне приходилось жить и действовать»¹⁸³.

Тихомиров начинает работать в качестве корреспондента в легальных французских и русских заграничных печатных изданиях: «Санкт-

---

¹⁸¹ Там же. С. 403.

¹⁸² Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 186.

¹⁸³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 400.

Петербургских ведомостях» и «La Revue Franco-Russe» (10 января – 27 апреля 1888 г.). В результате, Лев Александрович оказался в эпицентре французской политики. «Эта работа, поставившая меня в соприкосновение с массой лиц, живых, настоящих политиков, журналистов, артистов, деловых людей и т.д., - вспоминал Тихомиров, - давала мне особенное наслаждение проверкой моих взглядов. Великое дело - реальная жизнь! Что такое какой-нибудь Жеган Судан? Бульвардье, карьерист и в конце концов жулик. А сколько ума, сколько человеческого показал он мне, может быть, сам того не зная. Политику я понял тогда раз навсегда, после 1/2 лет профессионального наблюдения палаты»¹⁸⁴.

Именно в этот период, сформировался тот взгляд Тихомирова на политические порядки «просвещённой» демократической Европы, который он развивал в поздней публицистике. Уже в письме Александру III Тихомиров писал: «Чрезвычайную пользу в этом отношении я извлёк из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством господства тех, кто более искусен в одурачивании толпы. Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потерянную и попавшую в руки честолюбцев»¹⁸⁵. Представляется, что именно опытное изучение политической жизни Франции впоследствии склонило Тихомирова к признанию достоинств русской монархической власти.

Как говорилось выше, изменение своих взглядов Тихомиров не скрывал в личных контактах с революционной интеллигенцией, пытаясь тем самым воздействовать на своё окружение, сформировать

---

¹⁸⁴ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 392.

¹⁸⁵ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 302.

«антиреволюционную группу»¹⁸⁶. Однако, помимо личного общения, Лев Тихомиров неоднократно делал попытки публично выступить со своими взглядами. Так, ещё летом 1886 г. была написана статья для «Вестника Народной воли», в которой Тихомиров открыто высказал своё критическое отношение к деятельности революционной партии в целом, и террору в частности, указал на необходимость культурной работы. Статья была не пропущена редакцией, предпочитающей замалчивать реальные взгляды бывшего идеолога «Народной воли».

Поскольку революционная цензура не пропустила исповеди Тихомирова, вторую попытку Лев Александрович предпринял на страницах предисловий, написанных к его легальным книгам. В январе 1888 г. в Женеве вышла книга «Заговорщики и полиция», 20 февраля Тихомировым составлено новое предисловие ко второму изданию «России политической и социальной». В предисловии к книге «Заговорщики и полиция» Тихомиров выделяет в два направления в русском общественном движении: «одно – намечавшее развитие и усовершенствование личности как средство возрождения России, второе – мечтавшее призвать народные массы к сознательной политической жизни, убеждённое, что эти массы смогут создать справедливый общественный строй». Эти два течения Тихомиров характеризует как последователей двух философских школ: Вольтера с его культом индивидуальности и Руссо, отстаивающего участие массы народа в сознательной политической деятельности. Второе течение, по мысли Тихомирова стало господствующим после 1874 г., после смычки пропагандистов с рабочими. Это было начало эпохи народничества. «В народе открыли столько положительных качеств, что доходили буквально до благоговения перед ним»¹⁸⁷.

---

¹⁸⁶ Там же. С. 352.

¹⁸⁷ Лев Тихомиров. Заговорщики и полиция. М., 1930. С. 11.

Неудачи движения в народ привели к попыткам запугать правительство путём террористических актов. К 1879 г., в результате неудач народничества, на базе «якобинизма» возобладали новая идея «политического заговора во имя государственного переворота». Террористическая деятельность, хотя и сохранялась, но, по мысли Льва Александровича, лишь компрометировала «главную цель, поставленную партией» (Народной Волей) в 1879 г. Идея политического заговора с целью государственного переворота сближала, по мысли Тихомирова с народом и обществом, террористическая же деятельность, напротив, замыкала партию себе. «Для переворота необходимо было иметь ближайшим помощником либералов, армию и рабочих. Надо было стать, так сказать, национальной партией», - пишет Тихомиров. «Весьма вероятно, - резюмирует Тихомиров, - что, если либералы оказались бы тогда способными поддержать в революционерах эту идею союза и если сами революционеры были пропитаны сильнее духом государственного переворота, правительство было бы уже свергнуто или доведено до необходимости широких уступок»¹⁸⁸.

Развивая эти взгляды во втором предисловии к «России политической и социальной», Тихомиров идёт дальше, углубляя критику русской интеллигенции в целом, указывая на её интеллектуальную незрелость и неадекватность требований и как следствие отрицательное влияние на действия самого правительства. «Человек нашей интеллигенции, - пишет Тихомиров, - формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создаёт мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где всё очень стройно, кроме основания – совершенно слабого. Благодаря мировоззрению такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьёзного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности». В качестве образчика

---

¹⁸⁸ Там же. С. 15.

отрицательного влияния незрелой политической мысли на правительство Тихомиров приводит сравнительную характеристику крестьянской реформы николаевского и последующего александровского времени. Лев Александрович указывает на прогрессивный характер и сугубую практичность реформы государственных крестьян, проведённую графом Киселёвым в противовес реформам 1861 года, когда «с 1858 по 1861 год наговорено было бесчисленное множество фраз, начиная от свободы и кончая социализмом», «чтобы кончить дезорганизаторской реформой 19 февраля»¹⁸⁹.

Как и следовало ожидать, заявления Тихомирова вызвали бурю возмущения в эмигрантской среде. В марте 1888 г. в Париже появляется брошюра «Революция или эволюция» Н.С. Русанова подписанная, «прежние товарищи Тихомирова по деятельности и убеждениям». До непосредственного прочтения текста брошюры Тихомиров получает информацию о возникновении письменного протеста со стороны эмигрантов. «Был у Бельского; он болен и на днях уезжает в Швейцарию, - отмечает Тихомиров 14 марта (27 марта по стар. ст.) 1888 г. на страницах дневника. - Рассказывал: эти господа написали на меня протест и носят для подписей. Всё это от имени якобы «старых народовольцев»; но по здешней жидовской манере «старые народовольцы» будто бы подписей не напечатают, а вместо того Лавров контрастирует, что, дескать, авторы сего произведения суть действительно «старые народовольцы»... Комики!»¹⁹⁰.

«Парижский протест» со вступительной статьёй Лаврова преследовал несколько целей. Основная цель была откеститься от «независимых убеждений» Тихомирова¹⁹¹. Политические эмигранты, не без основания, боялись влияния Тихомирова на революционную молодёжь в России, в

---

¹⁸⁹ Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 26.

¹⁹⁰ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 269.

¹⁹¹ Русанов Н.С. Революция или эволюция? Париж, 1888. С. 1-2.

представлении которой Лев Александрович продолжал оставаться идеологом «Народной воли». Общий тон записки акцентировал внимание на «неожиданности» метаморфозы Тихомирова: иначе как можно было объяснить присутствие в рядах революционеров яркого противника самой революционной партии? Именно эта позиция, выбранная эмигрантами, вызвала наибольшее негодование у Льва Александровича, который рассчитывал на более честную дискуссию. Впоследствии Тихомиров писал в статье «Несколько замечаний на полемику эмигрантов»: «К сожалению, мои противники именно отказались от добросовестного рассуждения. Они избрали иную систему. Они стараются изолировать меня, достигнуть того, чтобы меня не слышали, не читали. В этом смысле поставлена на ноги вся их «партийная дисциплина». В полемике же они оперлись на распространение выдумок и клевет, перешедших все пределы того, что я мог себе представить»¹⁹².

Во-вторых, в записке была сделана первая попытка отбиться от критики Тихомировым террора. До настоящего момента все стрелы, запускаемые Львом Александровичем против террора, за неимением ярких оппонентов, способных противостоять Тихомирову, тонули в молчании. В записке была сделана слабая попытка «оправдать» террор, используя логику самого же Тихомирова времён 1881 г., когда составлялось письмо Исполнительного комитета Народной воли заграничным товарищам, в котором указывалось «ограниченная» сфера применения террора¹⁹³.

В целом, многие взгляды Тихомирова эмигрантам казались раскрытыми достаточно поверхностно, и поэтому ему предлагали «прямо и откровенно изложить свою позицию по этим вопросам»¹⁹⁴.

---

¹⁹² Несколько замечаний на полемику эмигрантов // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2006. С. 62.

¹⁹³ Русанов Н.С. Революция или эволюция? Париж, 1888. С. 1-2.

¹⁹⁴ Там же.

28 апреля (15 апреля по стар. ст.) 1888 г. появляется пасквиль «По поводу одного предисловия», подписанный от имени «группы народовольцев», который Тихомиров получил 25 мая (12 мая по стар. ст.), как раз в тот день когда закончил работу над брошюрой «Почему я перестал быть революционером». Больше всего Тихомирова возмутило то, что авторы сознательно идут на ложь в отношении периода эволюции его взглядов, тем самым пытаясь представить изменение его взглядов не результатом длительной интеллектуальной работы, а следствием его непомерных амбиций и безответственности перед прежними товарищами. «Человек, семнадцать лет державшийся мнений, - пишут авторы, - основанием которых является убеждение в необходимости революционного пути общественной деятельности в России, и тем не менее, в конце концов, переменяющий их, такой человек не может ручаться за прочность новых своих мнений, обдумывать и проверять которые он мог всего несколько месяцев»¹⁹⁵. «...Авторы, - пишет с возмущением Тихомиров на страницах дневника в тот день, - уверяя меня в измене, цитируют (в доказательство моего революционизма в 1886 г.) «Заявление товарищам и читателям» из № 5 «Вестника Н.в.», а эта заметка написана Лавровым, хотя и за моей подписью, я её даже не видал в глаза до самого выхода книги. И это известно всем этим негодьям, которые знают, как я возмущался заметкой»¹⁹⁶.

И, действительно, зная попытку Тихомирова рассказать о своих новых взглядах ещё летом 1886 г., трудно не отметить лукавство авторов этой брошюры, заявляющих высокопарно: «Тихомиров отрекается от прежних своих убеждений. Он высказывается по двум капитальнейшим пунктам своего прежнего мировоззрения – о революционном характере деятельности в России и о терроризме; - и где-же он делает это? На страницах французского предисловия, посвящённому сведению счётов, с мнениями о его книге, высказанными в той или другой газете, как видите – делишками

---

¹⁹⁵ По поводу одного предисловия. Париж, 1888. С. 11.

¹⁹⁶ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 273.

его писательского самолюбия <...> Точно будто-бы вопрос и не заслуживает большего внимания!»¹⁹⁷.

Нужно отметить, что ещё до появления первых письменных протестов со стороны эмигрантов 17 марта 1888 г. Тихомиров приступил к работе над брошюрой «Почему я перестал быть революционером», которую закончил лишь 25 мая (12 мая по стар. ст.) 1888 г. Первая волна полемики, захлестнувшая Тихомирова после публикации им предисловия к «России политической и социальной», лишь ещё больше убедила его в необходимости отдельного объяснения своих взглядов и, по всей видимости, определила структуру его новой брошюры, которая стала не только декларацией его новых взглядов, но и ответом на те упрёки со стороны эмигрантов, с которыми ему пришлось столкнуться в период с марта по май 1888 г. В этом, скорей всего, причина столь немалого срока написания брошюры (более 3-х месяцев!).

Решившись написать «покаянную» брошюру, Тихомиров был чужд подхалимства перед властью, которого многие ожидали от него. Во имя своих идей Лев Тихомиров был так же настроен действовать, как и раньше: в его представлении менялся только фронт идеологической борьбы. 2 мая 1888 г. Лев Александрович записывает в своём дневнике: «Я объяснюсь с публикой посредством брошюры. Затем, пустит ли меня правительство или нет в Россию, я веду себя одинаково. Если правительство хочет пустить меня, тем лучше, тем больше для него чести. Но выгоды оно от этого не получит, так как я всё равно и без этого буду проводить свои новые взгляды. Я их буду проводить, и они полезны для правительства, конечно, но не потому что я их провожу, а потому, что они верные, справедливые взгляды. Если правительство будет при этом меня преследовать, это не изменит моих мнений, как не изменило раньше. Раньше я, преследуемый или получающий

---

¹⁹⁷ По поводу одного предисловия. Париж, 1888. С. 15-16.

милость, одинаково был против правительства; теперь, преследуемый и получающий милость, одинаково буду за легальный способ действия, за монархию, за поддержание порядка и за прогресс»¹⁹⁸.

В своей брошюре Тихомиров намеренно акцентировал внимание читателя на преемственности своих взглядов и указывает следующие свои убеждения, которые не изменились при смене его политического идеала:

1. В революции Тихомирова волновала не столько тактика политической борьбы, сколько стратегия дальнейшего развития страны. «Я тогда еще был революционером, - отмечает Лев Александрович, - но уже понимал необходимость созидания, без которого не бывает здоровых движений. В новом движении мне чудилось нечто созидательное, элементы которого я старался к нему прививать по мере своего понимания»¹⁹⁹. Именно поэтому Тихомиров изначально скептически относился к террору, вносящему дезорганизацию, прежде всего, в ряды самих революционеров.

2. Он всегда был сторонником «идеи общественного порядка и твёрдой государственной власти»²⁰⁰.

3. Тихомиров всегда оставался русским националистом и патриотом. «... Я не забывал русских национальных интересов, - отмечает он в брошюре, - и всегда бы сложил голову за единство и целостность России»²⁰¹.

4. Лев Александрович и раньше считал необходимым постоянное наблюдения жизни, самообразование и развитие личности. Ему претила партийная замкнутость. Поэтому уже с конца 1880 г. не считал себя партийным человеком в широком смысле слова. «... Я мог достигнуть лишь замедления своего развития, - пишет Тихомиров про начальный период эмиграции, - но не полного его уничтожения. Жизнь действовала слишком

---

¹⁹⁸ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 271-272.

¹⁹⁹ Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 29.

²⁰⁰ Там же. С. 31.

²⁰¹ Там же.

вразумительно. Я не мог не замечать ее указаний»²⁰². Постоянный беспристрастный поиск правды Тихомиров считал основной чертой интеллигенции, о чём он вёл речь ещё в ранних статьях²⁰³.

Таким образом, Лев Тихомиров не отрицает полностью своё прошлое: полученный революционный опыт он пытается переосмыслить в новом ключе. На этом была основана надежда Тихомирова, что за его примером последуют многие из бывших сторонников. Ведь, по его словам, он «не отказался от своих идеалов общественной справедливости: они стали только стройней и ясней», просто он «один из немногих, кто не боится дать себе отчёт в своём опыте и в своих ощущениях», и поэтому «всё и всегда отдавал и теперь готов отдать за то, что он считает истиной»²⁰⁴. Однако, всё же предстояло отказаться от многих революционных догматов, причём догматов, «освящённых» кровью самых близких Тихомирову друзей. Ещё 18 апреля 1888 г. Тихомиров писал Чайковскому: «Я смотрю на это прошлое, как взрослый смотрит на даль юности <...> Я не считаю своим господином программу, которую сам когда-то писал; я теперь не глупее тогдашнего; я не подчиняюсь никаким могилам, хотя бы там лежали люди, которых я люблю, может быть, побольше, чем те, кто им поклоняется. Коротко: я делаю, что указывает мне мой рассудок и совесть. Могу сказать – по самой чистой совести, с полным сознанием, что я ничем не запуган и ничем не подкуплен»²⁰⁵.

Тихомиров пытается доказать в свое брошюре, что никакого противоречия в его эволюции нет, его настоящие взгляды естественным образом вытекают из всего предшествующего периода. Именно поэтому в критике революционной идеи он опирается на те свои убеждения, которые сформированы были им в революционный период и которые в сущности

---

²⁰² Там же.

²⁰³ Кольцов И. В защиту интеллигенции // Дело. № 4. СПб., 1882. С. 28.

²⁰⁴ Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 31.

²⁰⁵ Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973. С. 378.

своей не изменились, не смотря на переход Тихомирова по другую сторону баррикад:

1. Тихомиров утверждает, что революционная идея препятствует формированию «созидательного мирозерцания» у молодёжи. Для создания чего-то нового нужно эволюционное развитие, развитие прежних начал, а не разрушение.

2. Тихомировым разоблачается деятельность революционеров с позиции национальных интересов. Революционеры служат не России, а своим фантазиям²⁰⁶. Террор изолирует революционеров от общества, замыкает их движение²⁰⁷, препятствует единению партии со страной.

3. С точки зрения блага государства в целом, революционеры сами препятствуют нормальному развитию русского государства, т.к. правительству не на кого опереться. Молодёжь витает в «заоблачных» теориях, старшее поколение не имеет воли направить движение умов²⁰⁸.

4. Для плодотворной деятельности необходимо постоянное развитие личности. Революционер – романтик. У него отсутствует самостоятельная работа мысли, он слепо следует своей мечте. Жизнь заговорщика делает его бесплодным, он не способен к созиданию и творческой мысли. Революционную пропаганду пронизывает дух иезуитизма и нетерпимости к живому развитию мысли. Слепое следование этой пропаганде грозит неминуемым разочарованием. Общей причиной ошибочных теорий является полуобразованность интеллигенции, у которой отсутствует собственная работа мысли. «Невысокий уровень развития» Тихомиров обнаруживает как общую черту молодёжи шестидесятых, расхватывающую и усваивающую без разбора западные идеи²⁰⁹.

---

²⁰⁶ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 30.

²⁰⁷ Там же. С. 33.

²⁰⁸ Там же. С. 48.

²⁰⁹ Там же. С. 38-39, 60, 74.

Как и следовало ожидать, брошюра Тихомирова лишь усилила бурю возмущения в эмигрантской среде. Естественно, никто из ближайшего окружения не собирался менять своё мировоззрение, и не в силу своей «недоразвитости», как полагал позже Тихомиров, а просто в силу обычных человеческих амбиций. Брошюра в данном случае выступила лишь как детонатор, усиливающий возмущение против Тихомирова.

Лев Александрович в формулировании своих взглядов был, безусловно, искренним, однако, в то же время, оставаясь типичным русским интеллигентом, смотрел на вещи несколько идеалистически и в силу этого не вполне осознавал всю пикантность созданной им ситуации. А ведь брошюра Тихомирова ставила революционный лагерь во вдвойне неловкое положение. Во-первых, революционерам за границей теперь предстояло оправдываться перед своими же товарищами в России. Ведь из брошюры следует, что Тихомиров уже с конца 1880 г. (!) практически не верил в дело «Народной воли», был противником террора, позже несколько раз обращался к товарищам с просьбой не считать его членом партии, но при этом являлся фактическим руководителем главного печатного издания революционеров за границей, принимал участие в отправке распорядительной комиссии во главе с Лопатиным в Россию и других главных делах партии. Выходило, что такие авторитетные заграничные лидеры, как Оловенникова, Лавров и прочие, «скрывали» истинные взгляды Тихомирова, пользуясь в полной мере его услугами. Во-вторых, из той же брошюры следовало, что все ошибки и поражения партии «Народной воли» были результатом недоразвитости, интеллектуальной незрелости её членов. А уж это утверждение звучало прямым вызовом революционной интеллигенции в целом. Ведь, начиная с «Исторических писем» Лаврова практически весь радикальный мир России жил с верой в непререкаемую роль «цивилизованного меньшинства», «развитых личностей». Вероятно, Тихомирову простили бы многое, но такого унижения русской революционной интеллигенции простить было

невозможно. Поэтому с Тихомировым как таковой полемики не было, а началась война с разными неприятными человеческими ухищрениями.

В августе 1888 г. в Женеве было опубликовано «Письмо товарищам в России» от П.Л. Лаврова. Как говорилось выше, основной задачей для Лаврова и его сторонников было снять с революционеров за границей ответственность за взгляды Тихомирова. Для этого было необходимо опровергнуть тезис Льва Александровича о его постепенной эволюции. Для этого было проще всего представить Тихомирова «отступником», «изменником». «Он видел и отвернулся. Он был в первых рядах и отступил», - утверждает Лавров. Хотя кому, как ни Петру Лавровичу, было известно про эволюцию взглядов Тихомирова, отправившего ещё летом 1886 года статью, содержащую критику террора и революционеров в целом. В «Письме товарищам в России» Лавров, естественно, об этом умалчивает и пишет, что «его собственные статьи (Тихомирова – Ф.П.) не отражали вовсе его внутренней борьбы в это период»²¹⁰.

Пытаясь придать поступку Тихомирова частный характер, Лавров не мог не сознавать, что «отступничество человека, пользовавшегося такою громкою репутациею, таким сильным влиянием на все революционные умы в России, может вызвать в них смуту своею неожиданностью, особенно в умах молодых, ещё не установивших прочно задачи своей жизни и своей общественной деятельности». Для Петра Лавровича необходимо было отмежевать позицию Тихомирова от взглядов русских революционеров, поэтому он проводит мысль, что Тихомиров после своей брошюры «Почему я перестал быть революционером», перешёл на сторону врага и стал вне критики. «Он – чужой... С ним могут спорить и полемизировать относительно верности частных его способа поддержки самодержавия лишь те, которые теперь стоят на общей с ним почве». Таким образом, Лавров открыто заявляет, что у русских социалистов не может быть отныне

---

²¹⁰ Лавров П.Л. Письмо товарищам в Россию. Женева, 1888. С. 28, 31.

общей почвы с Тихомировым. Казалось бы, что на этом обличении ренегатства Льва Александровича можно было бы и закончить. Но в противоречие своим собственным словам, Лавров начинает полемику с «отступником»: «Врагам не отвечают негодованием. Их опровергают логическими рассуждениями», - пишет автор «Письма...». Значит, всё-таки «общая почва есть». Причём Лавров сам указывает на многие точки соприкосновения с «новой» доктриной Тихомирова. Цитируя большими кусками брошюру Тихомирова, истовый народник Лавров не может ни согласиться с такими направлениями деятельности, как «культурная работа», «пересмотр наших социальных и политических взглядов», «развитие русской мысли, науки, особенно в столь отставших областях социальной и политической, изучение страны, обновление русского образования, развитие и упорядочение прессы, «законный прогресс», «ознакомление с Россией, её историей, её настоящим положением». «Весьма многие из этих пожеланий и частных программ Л.А. Тихомирова весьма верны...» - признаётся Пётр Лаврович²¹¹.

Расхождение происходит лишь по одному пункту: принятие Тихомировым русского самодержавия. Для Лаврова самодержавие уже давно «вне критики» и тот, кто ему служит «чужой». Поэтому Лавров отказывается видеть логическую связь взглядов Тихомирова-народовольца с Тихомировым-монархистом. Сколько бы Тихомиров не уверял о себе, что он «собственно нисколько не изменился»; что «на его революционизме лежал уже отпечаток положительности»; что его даже «в революционной среде отличали вполне сложившиеся идеи общественного порядка и твёрдой государственной власти»; что его мысль пошла только дальше и глубже», чем мысль его товарищей; что он «не отказался от своих идеалов общественной справедливости: они стали только стройней и ясней»; что он «один из немногих, кто не боится дать себе отчёт в своём опыте и в своих

---

²¹¹ Там же. С. 1, 4, 8, 19, 20.

ощущениях»; что он обращается к совести и к разуму»; что он «всё и всегда отдавал и теперь готов отдать за то, что он считает истиной»²¹², - для Лаврова никогда не соединяться два, для него, взаимоисключающие принципа: монархия и прогресс.

Не меньшее разочарование Тихомирова вызвало «Открытое письмо» Серебрякова²¹³, из которого, по словам Тихомирова, следовало, что он «был всегда ничтожностью, руководимой великими товарищами и немедленно павшей из страха пред правительством, как только не стало означенного руководства»²¹⁴. Все эти выпады были для Тихомирова стали совершенно неожиданными. Тот же Серебряков, по словам Тихомирова, ещё недавно говорил ему: «Что скромничать! Вы сами знаете, что вы единственный человек, способный сказать новое слово»²¹⁵. Открытое письмо Серебрякова было получено Тихомировым 4 сентября. А ещё накануне Тихомиров письменно обращался к нему, отметив в частности: «Вы один из немногих бывших товарищей, с которым мои сношения ещё не порвались. Поэтому я именно вам должен высказать, что люди, знающие, что никто не может быть более честным, нежели я, обязаны опровергнуть клевету, особенно если она прямо или косвенно опирается на их имена и их борьбу против меня»²¹⁶.

Таким образом, произошёл разрыв с эмигрантской колонией. Тихомиров окончательно убедился в том, что ближайшее окружение не готово менять свои взгляды. Однако, Лев Александрович не терял надежды, что будет услышан. Тихомиров разослал свою брошюру отдельным правительственным лицам, а так же в либеральные и правительственные издания. Брошюра Тихомирова была опубликована в № 214 «Московских

---

²¹² Там же. С. 5-6.

²¹³ Серебряков Э.А. Открытое письмо Льву Тихомирову (автору «Почему я перестал быть революционером»). Женева. 1888.

²¹⁴ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 62.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Воспоминания. Лев Тихомиров. М., 2003. С. 288.

ведомостей» 2 августа 1888 г. 7 августа 1888 г. Тихомиров отправил письмо В.К. фон Плеве, в котором объявлял себя «убеждённым человеком порядка, сторонником исключительно мирного развития и почитателем твёрдой монархической власти». В письме Лев Александрович в очередной раз акцентировал внимание том, что расхождение с революционерами во взглядах началось давно, но «переворот этот назревал в течение долгих лет». Опасаясь, что его обращение будет истолковано как подхалимство перед властью имущими, Тихомиров не преминул указать, что посвятит свои силы «уяснению и укреплению здоровых политических идей» независимо от того, как к нему «будет относиться русское правительство»²¹⁷.

Так начались долгие месяцы ожидания Тихомировым своей участи. 26 августа 1888 г. Лев Александрович в первый раз за весь эмигрантский период решил посетить русскую православную церковь в Париже. К Богу Тихомиров пришёл раньше. По его собственному признанию, к вере его привела болезнь сына. В течение нескольких лет он часто посещал католические костёлы, однако, опасался появиться в посольской русской церкви в Париже. Только уже после написания брошюры «Почему я перестал быть революционером?» и отправки её русскому правительству Тихомировым был преодолён последний барьер, и он вернулся уже в лоно родной церкви. 30 августа Тихомиров отправил письмо директору Департамента П.Н. Дурново с просьбой о разрешении вернуться в Россию. 12 сентября 1888 г. Лев Александрович подал Императору прошение о помиловании. Описывая государю долгий путь своей эволюции, Тихомиров отмечает высокое значение монархической власти в России: «Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет Верховная Власть, с веками укреплённым авторитетом. И горькое раскаяние овладело мною»²¹⁸.

---

²¹⁷ Там же. С. 282-283.

²¹⁸ Там же. С. 303.

Интересно, что планы Тихомирова вызывали раздражения как у революционных, так и охранительных сил. Каждый пытался истолковать поведение Льва Александровича на свой лад. 21 августа 1888 г. в № 1762 «Cri du Peuple» за подписью Светлова была помещена статья «L'apostisie de Tikhomirov», в которой автор сообщал о том, что Тихомиров был куплен и доносил на товарищей. 20 сентября он отмечает в своём дневнике: «Под влиянием криков против меня я часто спрашиваю себя: чиста ли действительно моя совесть? Экзаменую её, рассматриваю и получаю один ответ: я поступил, как должен был поступить, я поступил по глубокому убеждению; я был прав, и я не мог, не имел права молчать об изменении своих мнений»²¹⁹.

В «Русском вестнике» в номерах 9 и 11 вышли две остро критические статьи, направленные против принятия русской властью любых творческих идей со стороны Тихомирова. «С таким нравственным закалом, - пишет автор статьи, - с таким позорным прошлым этот бывший атаман шайки политических убийц наблюдает теперь на берегах Сены действия своих бывших единомышленников и собирается служить России какою-то созидательной работой. В своей наглости он даже даёт советы правительству и обществу»²²⁰. С одной стороны, Тихомирову не доверяли, с другой – боялись внимания к нему со стороны власти, воспринимали его как конкурента. Слухи о будущей карьере Тихомирова в России разрастались до невероятных размеров. «...О признании Тихомирова государственной властью не может быть и речи, - пишет автор очередной статьи о Тихомирове в «Русском вестнике», - о занятии преступником, случайно не попавшим на виселицу, такого поста, как редактор «Московских

---

²¹⁹ Там же. С. 288, 307.

²²⁰ Житель.[Дьяков А.А.] Повинная террориста // Русский вестник. СПб., 1888. № 9. С. 368-374.

ведомостей» и о его сотрудничестве в такой газете, как «Новое время», весьма естественно, никто никогда не помышлял»²²¹.

Тихомиров очень болезненно реагировал на статьи в «Русском вестнике», тем более что автор статей недвусмысленно указывал на причастность Тихомирова к убийству Александра II, а это могло, естественно, оказать влияние на определение дальнейшей участи Тихомирова. Лев Александрович писал Новиковой: «Никогда бы я не подумал, что Русск[ий] В[естник] может нападать на человека за то, что тот кается. Это что-то странное. И почему он меня называет убийцей? По намёкам Жителя сдаётся, что будто речь идёт о 1-ом марта. Если так, Русск[ий] В[естник] плохо осведомлён. Я не принимал никакого участия, ни в организации, ни в исполнении этого... дела. Я даже боялся его; конечно я, как впрочем все тогда, был вполне уверен, что Государь не может погибнуть от этих покушений; но самое покушение должно было расстроить все мои планы радикальной агитации в обществе... могу сказать, не только не устраивал покушения, но даже не желал его... Ужасное время! Вспоминать его – это как ножом полосовать себя, и хуже всего – не лично, а именно как человека известного слоя, п.ч. – я, впрочем уже высказал своё убеждение в своей брошюре: террор является как следствие безнаказанности революционной»²²².

Критическая статья против Тихомирова появляется в либеральной газете «Новости». «Холуи либералишки! – записывает Тихомиров 28 октября в своём дневнике. - И такая же сволочь, как эмигранты, такая же манера лгать»²²³. Тихомиров обращается в письме к Новиковой: «А как меня сегодня отделали «Новости», не называя, впрочем, по имени, а под

---

²²¹ Опять раскаявшийся террорист // Русский вестник. СПб., 1888. № 11. С. 349.

²²² РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 142-142 об., 143 об.

²²³ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 313.

обозначением «экс-нигилиста» *Московских ведомостей*. Ругают не на жизнь, а на смерть»²²⁴.

Действия Тихомирова особенно разозлили шефа заграничной охраны Петра Рачковского, который рассчитывал самостоятельно доставить Тихомирова в Россию как особо опасного преступника «без каких-либо договоров с ним». В своих письмах на имя Дурново Рачковский с раздражением указывал, что «новая выходка Тихомирова направлена к созданию себе особого политического положения взамен того, которое он утратил»²²⁵. «Тихомиров по свойствам своей натуры... - писал Пётр Рачковский в сентября после встречи с Тихомировым, - от политики всё равно не отстанет... Мне он, например, лично заявил, что Россия (где, как он выражается «намутил много революций») может быть спасена (!) не деятельностью государственных органов и даже не декламациями, а организацией в ней новой самостоятельной группы в самодержавном смысле и с философской подкладкой, на что он и хотел бы употребить свои блистательные способности»²²⁶.

В тоже время Рачковский рассчитывал использовать Тихомирова в своих целях, попросив его составить записку «О мерах к уничтожению вредного влияния эмиграции на учащуюся молодёжь». Тихомиров, однако, понял задачу Петра Ивановича со свойственной ему основательностью и, фактически, отразил в записке целую программу перевоспитания революционной интеллигенции. «Вопрос, вами возбуждаемый, по мне, - указывает Тихомиров, - составляет лишь один из элементов в общей задаче умиротворения умов, которая, в свою очередь, вся по мне, сводится к росту и развитию идей». В этой записке Лев Александрович предлагал создавать салоны с благонамеренными людьми, которые могли бы привлечь учащуюся

---

²²⁴ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 750. Л. 141.

²²⁵ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1888. Д. 545. Ч. 1. Л. 60, 65.

²²⁶ Опять раскаявшийся террорист // Русский вестник. СПб., 1888. № 11. С. 349.

заграницей молодёжь, препятствуя попаданию её под влияние революционной интеллигенции. Тихомиров считал, что столь активное развитие революционных идей происходит вследствие недостаточного развития положительной идеологии. Молодёжь заграницей в особенности подвержена воздействию революционных идей, так как, предоставленная сама себе, она быстро оказывается подхвачена политической эмиграцией. Опираясь на личный жизненный опыт, Тихомиров считал, что «стоит вывести молодого человека из замкнутого мира эмиграции, стоит его лишь поставить лицом к лицу с действительной французской жизнью, чтобы дать ему множество способов понять нелепость и узость революционных идей»²²⁷. Рачковский отнесся к предложениям Льва Александровича скептически, посчитав Тихомирова «крайне несостоятельным» для положительной работы²²⁸.

Критика Тихомирова проводилась в французской прессе. Все эти нападки Тихомиров фиксирует в своём дневнике. 29 октября: «В “*Matin*” появилась статья обо мне – «*Revolutionnaire repentant*», которому-де за это дали работу в «Нов. времени» и «Моск. ведомостях». 30 октября: «Получил от Savin’a статью «*Matin*» и ещё другую, подлейшую, в «*Cosmopolite*». Не знаю, что и делать: рассказывает, будто бы я участвовал в убийстве государя 1 марта 81 г». 3 ноября: «Кампания против меня в газетах «*Liberte*», «*Gazette de France*», «*Soir*»²²⁹.

Были, однако, и положительные отзывы о Тихомирове, например, в газетах «Московские ведомости», «Гражданин» и «Южный край». Особенно доволен был Тихомиров откликом известного консервативного публициста Говорухи-Отрока. 30 августа 1888 г. Тихомиров записывает в дневнике:

---

²²⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 322, 325.

²²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1888. Д. 545. Ч. 1. Л. 90-92 об.

²²⁹ Там же. Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 314-315.

«Померанц дал «Южный край» со статьёй Говорухи-Отрока о моей брошюре: прекрасно срезюмирована её суть»²³⁰.

В целом, все же Тихомиров получал гораздо больше критических упрёков с разных сторон, нежели одобрений. Всё это сказывалось на общем душевном состоянии Льва Александровича, измученного ожиданиями своей участи. 24 октября он отмечает в своём дневнике: Если государь не считает возможным меня простить, - *ipso facto* он считает меня подлежащим наказанию. Признавая себя подданным, я не могу не подчиниться воле царя. Остаётся, значит, лишь отдаться в руки русской администрации: явиться в Россию и – пусть арестуют. Но что делать с семьёй? Я полагаю, попрошу для них позволения возвратиться в Россию, и тогда пусть Катя с Сашей едут к матери, а я отдаюсь в руки консульства»²³¹.

С прошлым было разорвано, Тихомиров нуждался в новом круге общения. Лев Тихомиров, безусловно, находил поддержку внутри своей семьи, но нужны были идейно близкие люди во внешней среде. Большую роль в формировании новых взглядов Тихомирова на Россию и православную церковь оказало семейство Эшен, в котором Тихомирову довелось вести уроки для детей. Позднее Тихомиров вспоминал: «Сама *m-me* Эшен была русская, из хорошей аристократической семьи Чебышёвых. Ещё маленькой её отдали во французский пансион в Париже, где она и выросла, каким-то чудом не обращённая в католичество<...> Полуофранцуженная, она, однако, всей душой тянулась к России. Уже в пансионе она влюбилась в *m-g* Эшена, замечательного в нём красавца, и вышла за него замуж <...> Она потом, уже после меня, перетащила мужа совсем в Россию, и её маленькие барышни действительно вышли замуж за русских<...> Часто *m-me* Эшен оставляла меня завтракать, и тут у нас происходили оживлённые беседы». Отношение мадам Эшен к России

---

²³⁰ Там же. С. 289, 290.

²³¹ Там же. С. 313.

естественно передавалось и Тихомирову, тем более, что именно в этот период времени воздух был наполнен идеей русского-французского сближения и звезда русского императора Александра III горела ярко как некогда. Патриотический настрой совмещался в семействе Эшенов с монархическим настроением. Тихомиров вспоминал, что в одной из бесед имел неосторожность неаккуратно выразиться о царе, на что получил следующий ответ: «У нас, у русских, правило: относиться к Царю с благоговением, какой бы он ни был, способный или неспособный». Так она мне сразу указала, чтобы я у неё Царя не смел касаться. «Для настоящих русских, как Чебышёвы, Царь и Россия – неразделимы». Естественно такая ортодоксальность и искренность подкупали Тихомирова, привыкшего только к критике или насмешкам в адрес русского правительства и царя. Более того, Тихомиров указывал, что «в первый раз познакомился» с церковью именно «благодаря семейству Эшен»²³².

Другое важным событием, повлиявшим на формирование нового мировоззрения Тихомирова, стало знакомство со пророссийски настроенной французской писательницей Жюльеттой Адан. «Переписка с Новиковой, работающей для русско-английского сближения в Лондоне, и с госпожой Ж.Адан, яркой пропагандисткой русско-французского союза, действовавшей в Париже, во многом способствовала формированию нового политического мировоззрения Тихомирова, постепенно приобретшего чёткие промонархические черты. Влияние этих двух особ способствовало и выработке им дальнейших практических шагов, которые в итоге и привели его обратно в Россию»²³³.

Ещё в начале 1887 г. при помощи Павловского состоялось знакомство Тихомирова с Ольгой Алексеевной Новиковой, сестрой известного славянофила генерала А.А. Киреева. А в октябре 1888 г. между ними

---

²³² Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 489-490.

²³³ Репников А.В., Милевский О.А. Две жизни Тихомирова. М., 2011. С. 195.

начинается переписка. Новикова имела широкие знакомства и связи в России. Её знали Т.Калейль, М.Нордау, А.С.Суворин, Леонтьев, К.П. Победоносцев, Катков. Жила она в Англии, сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении». 26 октября Тихомиров записывает в своём дневнике: «У меня завязалась настоящая переписка с Новиковой: прелюбопытная личность. По-видимому, она тоже заинтересовалась мною»²³⁴. Новикова стала впоследствии настоящим ангелом хранителем Льва Александровича.

В начале 1888 г. Павловский познакомил Тихомирова с одним из крупнейших издателей в России – редактором «Нового времени» Сувориным. 6 марта 1888 г. Тихомиров получил ответ Суворина о возможности сотрудничества («не прочь дать ход таланту, откуда бы он ни шёл»)²³⁵. Тихомиров рассчитывал через официальный орган проводить свою новую программу. Свои взгляды он излагал редактору и в личной переписке, однако, практической результата из этих планов не вышло.

Письма Тихомирова к Новиковой и Суворину в самый тягостный для него период, период ожидания своей участи от русского правительства, отражают, с одной стороны, процесс окончательного оформления нового мировоззрения Тихомирова, а с другой – показывают нарастающий скептицизм в отношении консервативных сил в России. Интересно, что эта коллизия будет определять взгляды Льва Александровича на протяжении последующего периода апологии монархии в России. Силы защитников монархии, по Тихомирову разобщены, в отличие от сил революционных. Не случайно ещё 24 октября 1888 г. в письме Новиковой Тихомиров указывает на то, что «в конце-концов людям русским, людям устроения следовало бы также сплачиваться, как сплачиваются люди расстройств»²³⁶.

---

²³⁴ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 313.

²³⁵ Там же. С. 316.

²³⁶ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 2-2об.

Лев Александрович был убеждён, что с революционным движением можно бороться только развитием идей. В этом отношении, монархический лагерь в целом пребывает в пассивном состоянии. «Я уже несколько раз слышу... что я говорю вещи известные, - пишет Тихомиров в письме к Новиковой 2 декабря 1888 года, - Ах, боюсь, что это не достаточно известно! Неужто в России уже исчезло космополитическо-либеральное направление? Я что-то не слышал. Я что-то не видел дельных ответов Соловьёву, который проделал в наше время совершенно чаадаевскую штучку. Я не вижу, чтобы русская интеллигенция достаточно энергично поддерживала разные добрые начинания. Я не вижу в нынешней литературе большой работы национальной мысли, не вижу ни Аксаковых, ни Данилевского, ни Каткова, ни даже хоть бы Аполлона Григорьева»²³⁷. Тихомиров считал, что подлинные апологеты монархии смогут явиться только тогда, когда в России интеллигенция вновь станет национальной. Западными идеями заражены не только революционеры, но и русская интеллигенция в целом. Так, в письме Суворину от 16 ноября 1888 г. Тихомиров писал: «Суть моих самых пламенных желаний составляет развитие в России национальной интеллигенции, без которой Земские соборы могут попасть в руки людей вредных, не понимающих, что они губят свою страну. Мы – я очень хорошо вижу это здесь – глубоко пропитаны идеями, которые считаются передовыми, а на самом деле составляют лишь заразительный продукт социального разложения»²³⁸.

Эта слабость консервативного лагеря, неспособность его к живой самостоятельной мысли и самозащите проявлялись, по мнению Тихомирова, и по отношению к нему лично. Ещё будучи за границей Тихомиров чувствовал недоверие к себе и к своим идеям со стороны сторонников русского правительства (это хорошо видно на примере П.И. Рачковского). 19

---

²³⁷ Там же. Л. 66-66 об.

²³⁸ Бухбиндер Н.А. Из жизни Тихомирова (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. М., 1928. № 12. С. 63.

ноября 1888 г. Тихомиров жаловался в письме Новиковой: «Неужели люди русской Истории, русского Царя, - не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь? Неужели они так уверены, что искренне, по совести, и без расчётов можно делаться только революционером? Это ужасно, Ольга Алексеевна, уверяю Вас, это подавляет и обескураживает»²³⁹.

С более глубоким пониманием отнёсся к Тихомирову император. 10 ноября 1888 г. на докладе Директора департамента полиции графа Толстого о возвращении Тихомирова Александр III одобрил возвращение Тихомирова, оставив свою резолюцию: «Это утешительный факт. Что предполагаете вы ему отвечать? Отталкивать его не следует, он может очень пригодиться»²⁴⁰. 10 декабря 1888 г. в русском посольстве Льву Александровичу было сообщено, что он помилован с отдачей под надзор полиции на 5 лет. 11 декабря 1888 г., вернувшись из посольства, Тихомиров сразу пишет письмо Новиковой: «Самое главное: Государь меня простил, - совершенно, лишь с отдачей под надзор на пять лет. У меня до сих пор голова не на месте. Да, Ольга Алексеевна - совершенно простил, и я теперь легальный человек, после 10 лет нелегальщины, русский подданный!»²⁴¹ Помилование Тихомиров ослабило нарастающий в октябре-ноябре скепсис последнего в относительно восприятия его идей в России. Неслучайно Александр III станет для Тихомирова на всю живым воплощением национальной России и путеводной звездой в его деятельности в качестве монархического публициста.

Осыпанный градом критики, Тихомиров, естественно, не имел возможности отвечать каждому в отдельности. Не отвечать же совсем было

---

²³⁹ Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 107-109.

²⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Д-3. 1888. Д. 545. Ч. 1. Л. 54.

²⁴¹ РГАЛИ Ф. 345. Оп. 1. Д. 746. Л. 75.

не в духе Тихомирова, поскольку для него особенно было важно, какое влияние он сможет оказать на молодёжь в России. Поэтому Тихомиров решил написать разъяснительную записку о возникшей перепалке с эмигрантами. 28 декабря 1888 г. он отправил Суворину (на дом) статью «Несколько замечаний на полемику эмигрантов» с просьбой разместить статью в «Новом времени». Статья, однако, так и не вышла в этом издании, по всей видимости, не только вследствие цензурных препятствий, но и от излишней осторожности редактора. Появилась она много позже в урезанном виде «Московских ведомостях» уже после возвращения Тихомирова в Россию. В статье Лев Александрович окончательно сформулировал свою позицию в отношении к эмигрантской среде. «Я бы отстаивал свое нравственное право думать, - указывал Тихомиров, - если бы даже вступил в противоречие с действительно передовой мыслью человечества. Но в данном случае такого несчастья со мной не произошло. Я вступил в противоречие со слоem и мирозерцанием, у которых много только самохвальства и самомнения, и больше ничего. Отойдя от них, я подвинулся не назад, а вперед с точки зрения зрелости мысли, правды, пользы для страны²⁴².

В январе 1889 г. Тихомиров покидает Париж. Последним делом накануне отъезда стало решение вопроса с архивом. У Тихомирова хранилось большое количество документов, содержащих информацию революционного характера. Часть бумаг им была уничтожена, часть отправлена Новиковой, часть передана народолюбцам через В.К. Дебагория-Мокриевича.

Таким образом, после сомнений 1886-1887 гг. Тихомиров начинает искать новые пути реализации своих программных установок, которые оформлены были им ещё накануне эмиграции. На первых порах Тихомиров надеется создавать новое движение на базе старых знакомств в

---

²⁴² Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 66.

революционных кругах. Он активно ищет в своём окружении единомышленников, однако, эти попытки результатов не дают. После прекращения «Вестника Народной воли» написания книги «Россия политическая и социальная» Тихомиров обращается к изучению европейской среды. Работа в французской прессе дала Тихомирову хорошую возможность изучить политическую жизнь Европы изнутри. В то же время именно это знакомство с европейскими образчиками политических учреждений разочаровало Тихомирова в двух западных альтернативах: революции и парламентаризме и заставило его обратиться к более внимательному изучению основ русской монархической власти. В итоге именно самодержавный монарх с опорой на национальную партию прогрессивно мыслящих граждан должен стать по мнению Тихомирова источником прогресса в России.

Итак, с того момента, как Тихомиров оказывается за границей, мы видим в нём борьбу двух особенностей его натуры. С одной стороны, Лев Александрович хотел удалиться из политики, чтобы исследовать жизнь такой, какая она есть, во всей её сложности и многогранности. Для этого нужно было много читать, учиться, общаться с широким кругом людей. С этим желанием Тихомиров покидал родину. Ему претили скоропалительные решения, принимаемые партией, замкнутость жизни её членов, невозможность изучать социальные и политические явления с разных сторон. Революционное издание с его цензурой так же мало давало Тихомирову простора для развития. Первые попытки выйти из-под «гипноза» заговорщической жизни имели место ещё до приезда за границу.

С другой стороны, Тихомиров, при том, что он, несомненно, обладал литературным даром и талантом исследователя, не был ни человеком науки, ни журналистом, а был именно идеологом и политическим деятелем. Его публицистика несла в себе призыв к действию и рассматривалась им как

практическое орудие изменения действительности. Этим, кстати говоря, и ценилось его перо в народовольческих кругах. В этом отношении неоднократные оговорки Тихомирова о его непричастности к убийству Александра II являются лишь доказательством обратного. Цареубийство в идейном смысле сначала было совершено в народовольческом издании. Поэтому воспоминание об убийстве императора всю жизнь терзало совесть Тихомирова. Практически весь эмигрантский период, не смотря на многочисленные оговорки, он продолжал себя чувствовать руководителем партии, принимая ответственные решения в самые ключевые моменты её развития в 1880-х гг.: в переговорах с представителями «Священной дружины», «дегаевщине» и убийстве Судейкина, организации Распорядительной комиссии «Народной воли» в России, переговорах с польской партией «Пролетариат»... Однако, разочарование в партии, как инструменте изменения российской действительности, заставило Тихомирова искать другие средства. Но при этом программа его по своей сути не изменилась. С обретением монархического мировоззрения Тихомиров вновь почувствовал себя идеологом: все свои силы, которые он прежде направлял на возрождение «Народной воли», Тихомиров теперь должен был посвятить развитию и укреплению монархического идеала как единственного орудия прогресса в России.

Глава 2. Европа и европейский круг общения Тихомирова.

§ 1. Окружение Тихомирова в женеvский период (1882-1883).

В годы эмиграции Лев Тихомиров был окружён множеством людей, как более, так и менее известных в революционном мире. Большое количество персоналий проходят через дневники, воспоминания и переписку Тихомирова. Давая характеристику тому или иному деятелю эпохи, Лев Александрович не просто оставляет информацию о человеке, но раскрывает своё восприятие его личности. Таким образом, характеристики, даваемые Тихомировым, становятся неисчерпаемым источником для анализа убеждений самого автора.

В августе 1882 г. Тихомиров пребывает в Женеву. Будучи одним из представителей русской интеллигенции, Тихомиров наивно полагал, что Европа является чуть ли не вторым отечеством для прогрессивных слоёв русского общества. Однако первое же знакомство с жизнью эмигрантской колонии охладило его восторженные ожидания. «...Между русскими эмигрантами огромное большинство не имело никаких знакомств и связей с местным обществом»²⁴³, - вспоминал позже Тихомиров. «Мы, - эмигранты, «свои люди» в Европе, - на самом деле живём в отчуждении у неё, вроде как евреи в своих «гетто»²⁴⁴, - сетовал Лев Александрович.

По приезде Тихомировы остановились на квартире русских эмигрантов Добровольских. Никчёмность жизни этого семейства выражалась во внутреннем и во внешнем образе их существования. «Там-сям валяется одежда, газеты, книги, - вспоминает Тихомиров. - Обстановка, столь привычная в старые времена, но от которой мы с Катей за несколько

---

²⁴³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 331.

²⁴⁴ Там же. С. 190.

лет хозяйственной жизни уже успели тогда порядочно отвыкнуть, обстановка, что называется, «нигилистичья». Но самое главное, что «у Денисовых-Добровольских никакого дела не было, ничего они не создали и не разрушали». Европа не оказала на этих людей никакого развивающего влияния. Тихомиров не без сарказма отмечает, что «у Марии Эдуардовны самым светлым воспоминанием жизни было пребывание в Доме предварительного заключения». Естественно, что эти первые впечатления не могли не навевать тоску на Тихомирова. В аналогичном положении застал Тихомиров эмигранта Н.Н. Соколова, военного по происхождению, который был замешан в каком-то политическом деле и бежал за границу. В эмиграции Соколов «проводил бесцельную эмигрантскую жизнь в шлянии по собраниям, в резких революционных речах и особенно в пьянстве». «В эмиграции есть такой осадок полных неудачников, выброшенных из какой бы то ни было жизни, и они вызывают глубокую тоску и жалость», - указывает Лев Александрович в своих воспоминаниях²⁴⁵.

Сами Тихомировы первое время не сильно стремились к новым знакомствам, хотя и старых знакомых в Женеве Лев Тихомиров встретил немало. Среди соратников по «Земле и воле» в 1882 г. Тихомиров встречался с людьми из компании Г.В. Плеханова (Боград, Дейча и Засулич), С.М. Кравчинским. Не смотря на расхождение во взглядах, Тихомиров испытывал симпатию к самому Плеханову, как человеку, который «никогда не думал о личных материальных интересах и весь жил интересами своей пропаганды». Кроме того, Плеханов был очень развит в интеллектуальном смысле, что так же привлекало Льва Александровича. Не сходясь с ним во взглядах, в этот период своего развития Тихомиров, однако, мог получить от него ценную информацию о европейской социал-демократии. Плеханова, по словам Тихомирова, только «портили самолюбие и раздражительность». Касаясь бытовой стороны жизни плехановцев, Тихомиров обращает внимание на то,

---

²⁴⁵ Там же. С. 187, 330, 338.

что «все они были крайне непрактичны и никто (кроме Дейча) не заботился о хозяйстве». Симпатию у Тихомирова вызывала Вера Засулич. «Она была по внешности чистокровная нигилистка, - вспоминает Тихомиров, - грязная, нечесаная, ходила вечно оборванкой, в истерзанных башмаках, а то и вовсе босяком. Но душа у неё была золотая, чистая и светлая, и на редкость искренняя. Засулич обладала и хорошим умом, не то чтобы выдающимся, но здоровым, самостоятельным»²⁴⁶.

С антипатией относился Тихомиров только к Дейчу. По всей видимости, это отношение было вызвано практицизмом последнего, соседствующим подчас с хитростью и некоторой беспринципностью в достижении целей. Интересно, что про себя Тихомиров отмечал позже, что ему лично всегда не хватало «пройдошества»²⁴⁷, которое необходимо, чтобы устраивать свои дела. Сразу же по приезде Тихомирова за границу в 1882 г. Евгений Дейч настойчиво пытался использовать его имя в интересах группы, предложив работать вместе, создав издательскую фирму, которая благодаря «известным именам» (т.е. собственно Тихомирову) «непременно привлечёт пожертвования». Тихомиров не готов был работать по чужим знаменам и поэтому отказался от предложений Дейча. Интересно, что это коллизия между Тихомировым и Евгением Дейчем возникнет вновь при обсуждении уже в 1883 г. программы «Вестника Народной воли», когда последний, а в след за ним и остальные плехановцы, пытался использовать имя «Народной воли» для пропаганды своих идей. В личной переписке того времени Тихомиров называл Дейча «животным самым ехидным»²⁴⁸ из всей группы Плеханова.

К этой же категории «революционных практиков» Лев Александрович, по всей видимости, относил и С.М. Степняка-Кравчинского. В характеристике последнего, по крайней мере, похожие качества вызывают

---

²⁴⁶ Там же. С. 341, 343.

²⁴⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 390.

²⁴⁸ Группа «Освобождение труда». М., 1923. Вып. 1. С. 252.

раздражение у Тихомирова. В своих воспоминаниях Лев Александрович отмечает про Кравчинского, что «в делах он был чрезвычайно практичен и едва ли не один при всех русских умел своими литературными произведениями достигнуть не то что благосостояния, а зажиточности». Однако, не зажиточность злила Тихомирова, а то, что «этого он достиг не одним литературным талантом, а ловким подделыванием под дух английской публики». Кравчинский в своей литературной деятельности целью ставил не поиск правды, а проведение нужной идеологии, в соответствии с которой можно было и поступиться исторической правдой. Больше всего Тихомирова возмутили его слова по поводу книги «Россия политическая и социальная». «Вы, говорил он, описываете Россию такой органически могучей, что англичанин думает: стоит ей только избавиться от самодержавия, и во всём мире не найдётся более сильной страны. Какой отсюда вывод англичанина? То, что не нужно поддерживать революционеров, а нужно поддерживать царя. Вот что вы достигаете своей книгой... Нужно писать совершенно иное: чтобы получалось впечатление, что падением самодержавия Россия распадётся на составные части»²⁴⁹. Естественно, такой подход был неприемлем для Тихомирова, для которого никакая «передовая мысль человечества» не могла являться причиной отказа от честного поиска правды²⁵⁰.

И в Кравчинском, и в Дейче Тихомирова, по всей видимости, пугала жестокость, допускаемая ими для обеспечения революционной правды (но противоречащая общечеловеческой). Так в биографии Дейча Тихомиров упоминает участие его в беспощадном убийстве Н.Е. Гориновича, который был облит серной кислотой, но остался жив, полностью обезображенный. Кравчинский известен хладнокровным убийством шефа жандармов Мезенцева в 1872 году. Тихомиров сообщает, с каким упоением Сергей

---

²⁴⁹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 343-344.

²⁵⁰ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 66.

Михайлович готовился к убийству: «...Сначала мечтал отрубить ему голову и даже заказал для этого особую саблю по своему вкусу, очень короткую и толстую»²⁵¹.

Среди людей практиков, успешно основавшегося за границей, Тихомиров имел небольшое знакомство с революционером-шестидесятником и издателем М.К. Элпидиным, известным благодаря основанной им в Женеве русской типографии и издаваемой газете «Общее дело», которая ставила своей целью объединить оппозиционные силы русского общества на почве борьбы с самодержавием за конституцию. «В результате, - по свидетельству Тихомирова, - книжная торговля Элпидина была единственной за границей, которая давала доход». Однако, Тихомиров целом не испытывал симпатии ни к самому Элпидину, ни к результатам его издательской деятельности, саркастически замечая, что «никакого направления не имело, кроме разве того, что постоянно ругало правительство». Отсутствие внятной положительной программы являлось основным приговором, который Тихомиров выносил «Народной воле» в 80-е годы, а позже, в годы своей легальной публицистики, русскому правительству. Особенное же раздражение у Тихомирова, как русского патриота и националиста, вызывал постоянный сотрудник «Общего дела» В.А. Зайцев, который, по словам Льва Александровича, «с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал её». «Такого типа я больше не знаю в эмигрантской публицистике, - признаётся Тихомиров. – Все другие, ругая правительство, всегда проявляли любовь к России, каждый на свой лад. Зайцев ж мог писать: «Сгинь проклятая» (буквально)...»²⁵².

Среди русских эмигрантов немногие имели связи в Европе. Исключение составляли Эльсниц и Жуковский, оба они были

---

²⁵¹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 343, 386.

²⁵² Там же. С. 337.

высокообразованные и культурные. Оба, по свидетельству Тихомирова, ничего революционного уже не делали, жили достаточно обеспеченно, а потому были ближе к наблюдателям и исследователям реальной жизни. Жуковский был не чужд саркастических замечаний в адрес практической реализации революционных идей в России. В этом отношении интересен анекдот воспроизводимый Тихомировым в его воспоминаниях: «Он (Жуковский – Ф.П.) мог иронизировать над самим Герценом. Рассказывал раз, как к Герцену приезжал Нечаев, рассчитывающий сорвать с него хороший куш на свои дела. Нечаев рассудил, что на барина лучше подействовать демократической грубостью. Он явился в армяке, говорил по-мужицки, а больше всего сразил Герцена сморканием в его изящно убранных комнатах. «Как приложит палец к ноздре да шваркнет прямо на ковёр, потом придавит другую ноздрю – да опять, на другую сторону... Так и ошалел Александр Иванович: народная сила идёт в революцию, нельзя не поддержать». Нечаев слупил с него за эту комедию двадцать тысяч рублей»²⁵³.

Тихомирову, порядком разочаровавшемуся в революционных методах борьбы народовольцев, общение с такими людьми было интересно и полезно в практическом смысле, поскольку, с одной стороны, ему предстояло по-новому взглянуть на своё прошлое и будущее, с другой – нужно было как-то устраивать дела семейные и бытовые. В частности по прибытии в Женеву ему было необходимо зарегистрировать ребёнка в мэрии, в этом отношении Тихомирову помог Эльсниц, Жуковский позже помогал Тихомирову с работой. Лев Александрович первое время «твёрдо держался своего решения не путаться в политику» и «с отвращением думал о людях», которые могли его втянуть в неё²⁵⁴. Освободившись от оков жизни революционера-заговорщика, Лев Александрович готов был по-новому постигать действительность.

---

²⁵³ Там же. С. 336.

²⁵⁴ Там же. С. 335.

Наблюдая политическую жизнь швейцарцев, Тихомиров отмечал, что «социалисты-швейцарцы попадались главным образом среди интеллигенции». С одним из представителей социалистической интеллигенции Тихомирову удалось познакомиться – это был знаменитый французский географ Элизе Реклю. Реклю идейно примыкал к бакунистам, т.е. был анархистом, являлся членом I Интернеционала, участником Парижской Коммуны. По всей видимости, Тихомиров познакомился с ним через П.А. Крапоткина, который являлся его сотрудником и приятелем и помогал ему составить описание Средней Азии. Давая характеристику Реклю, Тихомиров, конечно, заблуждался, утверждая, что последний «не участвовал в политике, и его анархизм был просто философской концепцией без всяких практических последствий», поскольку учёный географ не раз подвергался репрессиям в разных странах. Однако, в описании Тихомиров, по всей видимости, высказывает своё отношение к анархизму как таковому. Для Льва Тихомирова анархизм был лишён всякой практической почвы в принципе. Так, описывая свою встречу с русским анархистом князем П.А. Крапоткиным в 1883 году, Лев Александрович отмечал в своих воспоминаниях: «Он мне рисовал какие-то бредни сумасшедшего. Пусть люди организуются в свободные кружки, и живут как вздумают <...> Вообще, он производил на меня такое впечатление, что этот анархизм у него просто «пункт помешательства». Во всём остальном это человек умный и весьма способный. Но как дело коснётся анархизма, тут уж ни ум, ни способности его не действуют». Из всех анархистов уважение в идейном смысле у Тихомирова вызывал лишь один человека - наставник его молодости Н.В. Чайковский, поскольку его анархизм основывался на его собственной же «теории природной любвиобильности человека», да и сам Чайковский, по описаниям Тихомирова, вполне соответствовал своему идеалу. В этом отношении логика его мышления для Льва Александровича

была понятна, по крайней мере, понятна, в отличие от того же Крапоткина, у которого «анархизм висел совсем на воздухе»²⁵⁵.

По приезде в Женеву Тихомиров так же встретился с русским народником и социал-демократом Стефановичем, который, наблюдая раздробленное положение «Народной воли», предложил Тихомирову план создания трёхсоставной партии. В главе организации должен был стать тайный центра, состоящий из представителя «Народной воли» - Тихомирова, от социал-демократов – Якова Стефановича, от поляков (партия «Пролетариата») – Людвига Варынского. Лев Александрович достаточно высоко оценивал организаторские способности как Варынского, так и Стефановича, но от идеи отказался, поскольку ни при каких условиях не хотел «надуть» своих товарищей. Людвиг Варынский, по свидетельству Тихомирова, «самый крупный и способный». При этом Тихомиров, наученный в школе Александра Михайлова, отметил в Варынском один крупный недостаток – «отсутствие осторожности», вследствие которой он очевидно и стал добычей для полицейских сыщиков²⁵⁶. Яков Стефанович был, как про него отзывался Тихомиров, «единственным представителем самозванщины», который в революционном движении 70-х годов именем Царя пытался поднять народ против господ и немало преуспел в этом, так что сумел в своё время собрать немалое количество своих сторонников. Трудно сказать какое влияние мог оказать на Тихомирова такой тип революционера в идейном отношении. Можно предположить, что тема самозванщины интересовала Тихомиров давно: неслучайно одна из сказок написанная им в ранний период ещё в кружке Чарушина называлась «Пугачёв». Связь Царя и народа, которой постоянно мешают какие-то средостения (интеллигенция, бюрократия) являлась впоследствии темой публицистики Тихомирова.

---

²⁵⁵ Там же. С. 350, 437-438.

²⁵⁶ Там же. С. 426-427.

Прожив некоторое время в столице, Тихомиров, вынужден был переселиться в деревню Морне, находящуюся в предместье Женевы, по причине болезни сына. Уединившись окончательно от эмигрантских дел Тихомиров, проводил время в размышлении над своим прошлым. В этот период с И.Я. Павловским. Павловский находился под арестом вместе с Тихомировым в доме предварительного заключения и судился «по делу 193-х». Однако после, тюремного заключения он уехал за границу и от революционных дел отстал, став корреспондентом «Нового времени». С эмигрантами, кроме Тихомирова, не общался. Разрыв его с эмигрантской колонией произошёл после того, как в одной из своих статей Павловский саркастически указал на никчёмность жизни эмигрантов, которые ничем не заняты, кроме того, болтают, пьют чай, курят и ссорятся.

Павловский жил в соседней от Тихомирова деревне – Моннетье. В тот период общение Тихомирова с Исааком Яковлевичем было непродолжительным, поскольку последний много путешествовал и в Савойе был проездом. Однако, уже тогда они сдружились и встречались семьями. Тихомирова в Павловском привлекало то, что у него было «множество интересов общечеловеческих, научных, художественных»²⁵⁷. А его скептическое отношение к среде эмигрантов было близко и самому Тихомирову, который имел уже к этому времени опыт общения с такими людьми как Соколов и Добровольские.

Таким образом, круг общения Тихомирова в первое время пребывания за границей состоял из представителей русской политической эмиграции, за исключением тех представителей западного мира (Элизе Реклю), которые относили себя к социалистам и могли объединяться с русскими на этой почве.

---

²⁵⁷ Там же. С. 431.

Европа поразила Тихомирова своим национальным консерватизмом, на фоне которого русские эмигранты казались некими чуждыми элементами. Характеристики, даваемые Тихомировым деятелям эпохи, с которыми его сводила судьба в этот период, имеют в себе определённое противоречие. С точки зрения нравственной, Тихомиров ценит в людях твёрдую приверженность своим идеям, отвагу и готовность служить этим идеям бескорыстно с самоотвержением. Именно этими характеристиками Тихомиров наделяет людей близких к Плеханову. С точки зрения же чисто идейной, Лев Александрович с большей симпатией относится к людям, готовым выйти за рамки революционного мирозерцания, беспристрастно ставить перед собой спорные вопросы современности. Тихомиров негативно относится к нарушению революционерами общечеловеческих норм морали, видя в этом не только нравственные опасности для личности и социума, но и идейную безысходность. В целом же, не смотря на симпатии к определённым людям, Тихомиров не имеет единомышленников. Сразу по прибытии за границу Тихомиров почувствовал то чувство идейного одиночества, которое не оставляло его практически весь эмигрантский период.

§ 2. Париж. Новые знакомства (1883-1888).

«Ни один из городов, ни Москва, ни Петербург, не имел такого глубокого влияния на мою внутреннюю эволюцию, как Париж. Я вышел из него совсем иным, чем вступил»²⁵⁸, - писал Тихомиров на закате своей жизни в Сергиеве Посаде. И действительно, можно только удивляться тому количеству знакомств, которое Тихомиров обрёл в столице Франции. Среди людей, которых близко знал, были русские революционеры, разночинцы и дворяне, аристократы, французские писатели, политики, публицисты...

---

²⁵⁸ Там же. С. 403.

В ноябре 1882 г. Тихомиров узнаёт о прибытии за границу для встречи с ним Николая Николладзе. Грузинский общественный деятель, публицист и литературный критик, бывший сотрудником радикальных и либеральных изданий, Николладзе выступал в качестве посредника в переговорах между «Священной дружиной» и народовольцами. Лев Александрович уважительно относился к переговорщику за его литературный талант и волевой характер, благодаря которому последний смог сделать провинциальную газету «Обзор», которую он вёл в Тифлисе, «на высоту лучших петербургских изданий и вёл её так резко, что можно было только удивляться, как ему позволяют так свободно писать в провинции». Переговоры, по представлениям Тихомирова, должны были стать серьёзной вехой в его жизни. В лице же Николладзе Лев Александрович, казалось, нашёл своего единомышленника. Тихомиров так вспоминал о ходе переговоров: «Николладзе в душе верил, что множество революционеров при новых условиях перейдут на почву легальной деятельности, да так, вероятно, и было бы. Я же в душе надеялся, что после этой работы буду в состоянии совсем отойти от политики и заняться серьёзно проверкой своего мирозерцания»²⁵⁹.

Эта поездка в Париж стала новой вехой в эмигрантский период жизни Тихомирова. Если до того момента Лев Александрович рассчитывал максимально отойти от политических дел, то начиная с декабря 1882 г., его участие в судьбе «Народной воли» становится неизбежным. Ещё с ноября 1882 г. в народовольческих кругах обсуждалась идея создания собственного печатного органа за границей. После переговоров с Николладзе эта идея обрела новый смысл для Тихомирова. С помощью издания Тихомиров рассчитывал воздействовать на народовольцев в России для практического воплощения пунктов договора с Николладзе. Лев Александрович активно включился в процесс подготовки издания.

---

²⁵⁹ Там же. С. 369, 376.

В ходе «дегаевской истории» Тихомирову пришлось наладить открытое взаимодействие с отдельными народовольцами (посвящены были приехавшие из России Караулов, Салова, Чернявская). В ходе операции по вызволению народовольцев из России Тихомиров встречал их в Женеве, Оловенникова – в Париже. Вторым тяжёлым впечатлением после дегаевского признания стала череда самоубийств народовольцев: в апреле 1883 г. Софьи Бардиной, в августе – Андрея Франжоли и Евгении Заводской. Всё это оставляло в душе Тихомирова неизгладимые противоречия между ценностями духовно-нравственными и революционно-идейными. «На ней лежал глубокий отпечаток грусти, и вряд ли она была довольна своей жизнью», - вспоминал Тихомиров о неукротимой и отважной революционерке Софье Илларионовне. Истории Андрея Франжоли и Евгении Заводской, покончивших жизнь по совместному решению, Лев Тихомиров посвятил отдельный очерк в своих воспоминаниях («Революционная элегия»). Судьбы этих любящих друг друга больше жизни людей не давали покоя Тихомирову. «Мыслимы ли такие сговоры и такое поведение у людей, не верящих в загробную жизнь, где души могут встретиться и продолжать совместное существование?»²⁶⁰ – вопрошал Лев Александрович спустя десятилетия.

С организацией типографии «Вестника» помогал Йохильсон В.И. (Голдовский). Не смотря на то, что Тихомиров уже давно решил отойти от дел партии у него вызывали уважение люди, которые были готовы бескорыстно и с полной отдачей служить «Народной воле». «Это был хороший еврей, страстный поклонник народовольчества, взявший на себя в Женеве миссию быть представителем, защитником и сотрудником народовольчества». Людей искренне преданных «Народной воле» Тихомиров встретит на своём пути ещё достаточно много, однако, вопрос для него состоял в том, что среди них не было крупных величин, подобных

---

²⁶⁰ Там же. С. 485.

Михайлову или Перовской. «Народовольцев было много: сотни и даже тысячи. Охотник до игры в организации мог бы на моём месте разыгрывать роль центра огромных сил», - вспоминал Тихомиров об этом периоде²⁶¹. Однако, дело «Народной воли» в том виде, в котором Тихомиров оставил его в России, по его мнению, не имело будущего. Требовалось идейное перерождение партии и изменение методов политической борьбы, а для этого нужны были неординарные личности, которых к тому времени не стало. Конечно, было большое количество и полных бездарностей и такие люди, как Голдовский всё-таки составляли, по мнению Тихомирова, лучшую часть народовольчества.

Из «морнейского пустынного», как его прозвали друзья за уединённую жизнь в деревне Морне, Тихомиров превращается в одного из главных руководителей «Вестника Народной воли». Первым делом необходимо было определить направление журнала и сформировать соответствующую редакцию. Тихомирову предстояло построить взаимодействие с главными идейными силами эмиграции. Первое время Тихомирову приходилось, оставляя семью в Морне наведываться то в Женеву для устройства типографии, то в Париж для решения редакционных вопросов. Только к концу 1883 года Тихомиров окончательно перебрался в Париж.

Во время прибытия в Париж состоялась встреча Тихомирова с Марией Николаевной Оловенниковой (псевдоним Марина Никаноровна Полонская) и Петром Лавровичем Лавровым, который был приглашён к редакторству «Вестника». Мария Николаевна Оловенникова революционерка, эмигрировавшая из России, с 1882 г. проживала в Париже и являлась одной из главных соратниц Тихомирова в эмиграции. Оловенникова была противницей практики террора и придерживалась якобинских взглядов. В этом отношении она оказалась очень близка Тихомирову. Лев Тихомиров описывает её как «весьма умную», глубоко презирающую тот «ничтожный

---

²⁶¹ Там же. С. 335, 342.

сброд, вертевшийся около неё и Лаврова». Интересно следующее замечание Тихомирова, оставленное в его воспоминаниях: «Когда мы ещё не разошлись, она часто говорила: «Стыдно подумать, какими дураками окружены мы»²⁶². Можно только догадываться, насколько Тихомирова задевало то, что, когда он открыто высказал своё отношение к делу революционной организации и её наличному составу, его никто не поддержал, и даже те умные люди, которых он уважал (такие как Оловенникова) предпочли объединиться с «дураками» против новых взглядов Тихомирова.

В качестве редактора «Вестника» был привлечён П.Л. Лавров, автор известных всей революционной России «Исторических писем». Пётр Лавров проживал так же в Париже и был своего рода революционной знаменитостью. Именно поэтому привлечение Лаврова в качестве редактора «Вестника Народной воли» было очень важно с точки зрения престижа печатного органа. Сам же Тихомиров относился к Лаврову с немалой долей сарказма. С одной стороны, Тихомиров отмечает в нём человека обширных познаний, с другой – удивляется его неспособности отличить «умное от глупого, научное от ненаучного». Определяющим для Лаврова была приверженность человека известным «передовым» идеям. Так, Тихомиров приводит следующие курьёзные эпизоды: «Приходит к нему какой-нибудь NN и сообщает, что пишет статью, положим, о социалистической культуре. Лавров после этого рассказывает: «А слышали вы – NN пишет труд о социалистической культуре?» Этот NN – первый встречный, с самыми ограниченными знаниями, пишет просто компилятивную статейку, но она касается важного предмета, и Лавров именуется её трудом». Лавров, по его мнению, был «прирождённым синкретистом», благодаря чему «около него

---

²⁶² Там же. С. 367, 368.

собирались люди весьма различных мнений, особенно молодёжь, ещё не оформившая своих идей»²⁶³.

В личном отношении Лавров оставался человеком идеологии и «жил по принципу, а не по личным влечениям». «Принцип требовал братства между своими, и он всем своим помогал. Принцип требовал жизни нравственной – и он был нравственен – и он был нравственен. Принцип требовал, чтобы человек не позволял себе роскоши и излишеств, - и он строго соблюдал это». Это в целом положительно сказывалось на отношениях: его всегда окружало большое количество людей. Негативным качеством Лаврова было то, что для него не существовало никаких мистических и духовных вопросов, что, по мнению Тихомирова, «показывало какую-то ограниченность ума и чувства»²⁶⁴.

Дома Оловенниковой и Лаврова в Париже, по свидетельству Тихомирова представляли собой как бы два политических центра. «Вся редакционная работа сосредоточивалась у Петра Лавровича, вся партийная – у Марины Никаноровны. Переписка с Россией шла через неё, то есть, конечно, письма шли не на её адрес, но препровождались к ней. Все деньги получались также ею, и она была чем-то вроде казначея, отпускающая суммы куда нужно. Иногда по этому предмету советовалась со мной, по большей же части распоряжалась самостоятельно»²⁶⁵.

Для организации «Вестника» во время визитов в Париж, Тихомирову необходимо было познакомиться с наибольшим количеством новых людей. «В Париже слой людей, принадлежавших такому пересмотру, - вспоминает Лев Александрович, - составлял целые сотни лиц, так что ознакомиться с большинством из них не хватало ни времени, ни сил». Встречи новыми людьми происходили как у Лаврова, так и у Оловенниковой. На такие

---

²⁶³ Там же. С. 382, 383.

²⁶⁴ Там же. С. 382, 383.

²⁶⁵ Там же. С. 400.

встречи приглашали обычно по несколько человек. Впоследствии Тихомиров вспоминал об этом времени, как об одном из лучших в своей жизни²⁶⁶.

Таким образом, началось знакомство Тихомирова с эмигрантской колонией. Лев Александрович называет учреждения и мероприятия, вокруг которых спланивались приезжие. Большую роль играли Русская библиотека, пополнявшаяся пожертвованиями, и русская кухмистерская, которую содержал эмигрант Динер. Сообщает Тихомиров о регулярных увеселительных вечеринках, проходивших среди эмигрантов, которые часто носили и благотворительный характер. Описывая эмигрантов, Тихомиров отмечает, господствующую в их рядах сплочённость и взаимовыручку²⁶⁷. Все эти наблюдения Тихомиров впоследствии пытался переосмыслить в смысле построения новой политики русской власти в отношении революционно настроенной молодёжи.

30 сентября 1883 г. Тихомировы окончательно перебираются в Париж. Одним из парижских друзей Льва Александровича стал Н.С. Русанов. Русанов эмигрировал из России в целях обретения большей свободы для работы в публицистике. Социально-экономическое мировоззрение Русанова к моменту знакомства с Тихомирова ещё не оформилось, благодаря чему Тихомиров мог развивать свои взгляды, не опасаясь «догматических» замечаний в свой адрес, царивших в революционной среде. Кроме того, Русанов хорошо был знаком с марксизмом, что отличало его от многих народолюбцев, имевших лишь поверхностное представление об этой доктрине. Более того, Русанов видел в марксизме те же недостатки, что и Тихомиров, а именно детерминизм экономических законов в отношении человеческой личности.

Как Тихомиров, так и Русанов искали более «правильную» философию и находили её в «социальной науке», у таких авторов, как Эспинас, Фулье,

---

²⁶⁶ Там же. С. 400, 401.

²⁶⁷ Там же. С. 424-425.

Фюстель де Куланж, Лебон, Тард²⁶⁸. «У всех у них была точка зрения, что общество есть создание не материальных условий, а психологических, которых источник заключается в человеке, личности». О тесном и интересном общении с Тихомировым в этот период вспоминает и сам Русанов. «Куда девалась его питерская манера рассуждать декретами, - пишет Русанов в своих воспоминаниях. - Такого вдумчивого и внимательного собеседника мне редко приходилось встречать. У него был теперь даже какой-то особый, сократические приём рассуждать, заставляя рассуждать вас самих путём вопросов и развития ваших мыслей. Во время этих бесед он мне никогда не предлагал сразу своего готового решения, но как будто колеблясь, как будто перебирая мнения за и против, рассматривал интересовавшую нас задачу с разных сторон»²⁶⁹. Кроме того, после переезда Тихомировых в Париж Русановы поселились в их доме. «Виделись мы ежедневно, - вспоминает Лев Александрович, - стоило только спуститься на одну лестницу. Мы вместе работали, вместе болтали, вместе гуляли». Немаловажным фактом было то, что Тихомировы и Русановы дружили семьями. Так, Лев Александрович замечает, что «сближению очень способствовала» жена Русанова, которая «обладала женской чуткостью и остроумием и умела сразу отличить умное от глупого, филистерство от живой работы мысли», любила «свободное и самостоятельное»²⁷⁰.

Кроме того, Тихомировы подружились с Галиной Чернявской, сёстрами Катериной и Дорой Тетельман. Неподалёку от Тихомировых жили Лев Константинович Бух с женой, Неонила Михайловна Салова, Эспер Александрович Серебряков. Вскоре из России приехали народовольцы В.А. Караулов, Мелкон, Софья Александровна Бородина, Александр Николаевич Бах, Яков Френкель, Семеновский (Коган), Герман Лопатин. В.А. Караулов был членом «соломенного Исполнительного Комитета» (выражение Германа

---

²⁶⁸ Там же. С. 422.

²⁶⁹ Русанов Н.С. В эмиграции. М., 1929. С. 108.

²⁷⁰ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 420, 422.

Лопатина) Народной воли, организованного после разгрома партии. Караулова Тихомиров считал одним из наиболее доверенных людей, неслучайно он входил в ограниченное число лиц, знавших об истинной роли Дегаева до убийства Судейкина. Интересным является тот факт, что после ареста в 1884 г. он вёл себя в Шлиссельбурге тихо, а после революции 1905 г. отошёл от радикальных взглядов и принимал участие в организации партии кадетов. Вторым доверенным лицом, пользовавшимся уважением Тихомирова, была Н.М. Салова. Салова, как известно, входила в Распорядительную комиссию, отправленную в Россию для переговоров с молодыми народолюбцами вместе с Германом Лопатиным. «...Замечательно симпатичная девушка, умная и редкой душевной чистоты»²⁷¹ - такую характеристику оставил Лев Александрович этой революционерке, ставшей в 1906 г. эсеркой. Вторым лицом Распорядительной комиссии стал Герман Лопатин, так же высоко ценимый Тихомировым. В Лопатине Тихомиров отмечал «смекалку, мужество, предприимчивость»,²⁷² с его арестом в 1884 г. Тихомиров теряет последнюю надежду на возможность возрождения партии.

Свела судьба Льва Тихомирова в этот период с Эспером Александровичем Серебряковым. Тихомирову Эспер Александрович был близок прежде всего нравственной чистотой и простой в отношениях. «Не пройдя печальной школы нелегальной жизни, - пишет Лев Александрович, - он вообще тяготился всем, что входит в кровь настоящего заговорщика-нигилиста: все эти интриги, подвохи, враньё, хватание денег где попало и вообще всякая бессовестность ему были противны». Для Тихомирова было очень важно отсутствие в Серебрякове космополитизма. По происхождению Серебряков был морским офицером и, не смотря на то, что, приобретя «передовое» миросозерцание, Эспер Александрович перешёл на нелегальное положение, его всегда тяготило то, что он нарушил святость присяги. «Для настоящего нигилиста что такое присяга? – пишет Тихомиров. - Станет ли он

---

²⁷¹ Там же. С. 406.

²⁷² Там же. С. 384.

думать о таком «вздоре», станет ли себя «успокаивать»? Русский патриотизм у Э.А. также оставался очень жив»²⁷³. Интересно то, что Серебряков, по свидетельству Тихомирова, был весьма расположен к новому мировоззрению Тихомирова, считая его искренним и порядочным человеком, но в 1888 г. под влиянием окружающих оказался в оппозиции.

Иногда в Париже Тихомиров встречался с весьма необычными революционными деятелями. Так в этот период он познакомился с Феофаном Крыловым (Фалалеем). По взглядам это был представитель народничества, считавший, что «в революционном отношении нужно действовать через сектантов». Лев Александрович, да и остальные народолюбцы за границей, его идеи не воспринимали серьёзно, но при этом симпатизировали ему в личном отношении. Женой Феофана была Анастасия Осинская, революционерка, покончившая собой в Петропавловской крепости в 1883 г. Интересно следующее замечание Тихомирова по этому поводу: «Можно удивляться, что такая интеллигентная девушка полюбила такого парня, чуть не из мужиков. Таких случаев я не знаю. В самый разгар народничества интеллигенты и крестьяне (как и рабочие) не смешивались между собой на почве браков»²⁷⁴.

Яркий положительный образ революционерки представляет Тихомиров в описании Варвары Александровны Никитиной. Особенное уважение Тихомирова вызывала скромность Варвары Александровны и отсутствие высокого мнения о себе лично «... она была так скромно счастлива уверенностью в своём причастии высшей человеческой жизни, - Вспоминал Тихомиров, - что обезоруживала всякую насмешку <...> Лично о себе она ничего высокого не воображала, а высоко ставила только ту просвещённую и передовую жизнь, которой жила.

---

²⁷³ Там же. С. 373.

²⁷⁴ Там же. С. 467.

Главные качества, которые Тихомиров ненавидел в людях – неискренность и корыстолюбие, сочетались в одном прибывших в этот период из России эмигрантах – Иуде Когане (Евгении Симановском). В России Коган был превознесён Верой Фигнер, которая, по словам Тихомирова, «ничего не смыслила в людях». Будучи арестованным, он сделал вид, что раскаялся, но позже эмигрировал, выслал прокурору в Россию «грозное» письмо, наполненное революционным пафосом. В период знакомства с Тихомировым Иуда Коган издавал в Швейцарии газету «Свобода». «Глупее этой газеты ещё и не бывало за границей, - пишет Тихомиров в «Воспоминаниях», - но так как она давала деньги (пожертвованные), то Турскому с Симановским ничего больше не требовалось». Оказавшись за границей, Тихомиров был окружён ореолом славы, как старый народоволец и руководитель легендарной партии. По отношению к Тихомирову многие молодые революционеры проявляли особое почтение. Исключение не составлял и Симановский. Но если тот же самый Владимир Галдовский делал это искренне, то Евгений Симановский «холуйствовал всё время, буквально, как лакей», что естественно, было Тихомирову противно. Интересно наблюдение Тихомирова, характеризующее кризисные времена для партии, что «рядом с гибнущими плодится, сохраняется и процветает ничтожность». Так Тихомиров характеризовал некоего Орлова Н. («Берг»), с которым он познакомился в Париже в это время: «Это был тип либеральной пошлости. Толстая рожа с прищуренными глазками, вечное хихиканье, вечные либеральные выходки против всего, совершающегося в России, - довольно противная личность»²⁷⁵.

В Париже народовольцы официально сотрудничали с польской партией «Пролетариат». И Тихомиров был не просто знаком с их лидерами, но участвовал в проходивших в 1883-1884 гг. переговорах о едином фронте работы русских и польских революционеров. Тихомиров всегда

---

²⁷⁵ Так же. С. 374, 470, 571.

рассматривал польскую партию как подчинённую в отношении к «Народной воле», утверждая, что «весь этот «Пролетариат», собственно говоря, вышел из Петербурга, под русским влиянием». Под этим влиянием революционно настроенные поляки «москалились» в том смысле, что «проникались немножко космополитизмом и очень много социализмом». Из польских деятелей Тихомиров выделяет таких деятелей как Людвиг Варынский, Мендельсон, Янковская, Дембский, Куницкий. Все эти поляки были, по свидетельству Льва Александровича, «весьма сильно русифицированы и превосходно говорили по-русски». Янковскую и Мендельсона Тихомиров не любил, осуждая в них буржуазные вкусы и происхождение. Янковская по своему поведению ничем не отличалась от «светской дамы». Мендельсон, бывший сыном берлинского банкира, «просто играл роль, которая давала ему общественное положение, и хотя, конечно, был убеждённый социалист, но умом, слегка, «для порядку». Интересно, что в качестве причины социалистических убеждений Мендельсона, Тихомиров называет его еврейское происхождение: «Часто я себя спрашивал: Зачем он социалист? Что ему в социализме?» Вероятно, первоначально это была случайность, отчасти немецкая мода, особенно для жида. Евреи все склонны к социализму, да и правы, потому что это доктрина, при которой евреи будут господами мира»²⁷⁶. Причиной же отношения к нему как важному члену в партии Лев Александрович называет его финансовые возможности. Очевидно, что если такие, как Мендельсон, были первыми лицами в «Пролетариате», то сама эта организация не внушала доверия Тихомирову.

Искреннюю симпатию и в тоже время впоследствии сожаление у Тихомирова вызывали такие деятели, как Куницкий и Дембский. Обоих Лев Александрович считал мужественными и честными борцами за справедливость, готовыми пожертвовать собой во имя высокой цели. Про Дембского Тихомиров вспоминал: «Простая натура, в существе хорошая, но

---

²⁷⁶ Так же. С. 377, 383, 384, 427.

недоразвитая и дурно направленная. Этаких я много знавал между русскими. Самые в сущности опасные люди, без которых «организаторы» и фразёры вроде, Мендельсона имеют всегда к своим услугам Дембских»²⁷⁷.

В начале 1884 г. Тихомиров встречался в Лондоне со своим учителем молодости Н.В. Чайковским. Это общение в очередной раз показало Тихомирову, насколько путь народолюбия уводил его в сторону от социально-политических реалий: «Мы собирались делать государственные перевороты, переделывать социальный строй, а в действительности не имели понятия ни о государственном, ни о социальном строе. Я был в этом отношении скорее лучше, чем хуже большинства, а всё-таки, конечно, брался в революции не за своё дело. Потом я, перейдя с конспиративных квартир на широкую реальную жизнь, увидал и узнал, пожалуй, и побольше Чайковского, но тогда рассказы его были для меня откровением»²⁷⁸.

1884 г. постепенно разрушает надежды Тихомирова на возрождение партии. По крупицам собранные и проверенные, люди были отправлены в виде Распорядительной комиссии в Россию. Однако, это дело потерпело крах: начались новые массовые аресты («процесс 14-ти»). В «Вестнике» дела шли не лучше. С одной стороны, возникали постоянные провалы с доставкой журнала в Россию, с другой, всё чаще возникали конфликты в редакции из-за направления журнала. Так в 1884 г. произошёл разлад между Лавровым и Тихомировым из-за статьи Русанова с критикой марксизма. Переживание по поводу краха политических надежд усиливалось для Тихомирова ещё и тем, что в начале года были закрыты журналы «Дело» и «Отечественные записки», публикация в которых являлась главным источником дохода для Тихомирова.

В январе 1884 г. в Париж по следам Дегаева приезжает П.И. Рачковский. Главным объектом преследования становится Л.Тихомиров,

---

²⁷⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 384.

²⁷⁸ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 456.

начиналась травля Льва Александровича, посредством ряда психологических атак и «системы деморализации». После перехода на сторону правительства Тихомиров уже познакомился лично с Рачковским и, не смотря на достаточно выдержанную характеристику его как человека и его способностей как сыщика, он даже в последние годы жизни не мог сдерживать ненависти к тем методам, которые ввёл в практику борьбы с революционным движением этот человек. «Из всех методов провокации Рачковский придумал, кажется, самую гнусную <...> А между тем вся эта система едва ли поколебала хоть один из крупных революционных авторитетов»²⁷⁹ - вспоминал Тихомиров.

События 1884 г. заставляют Тихомирова искать пути развития социально-политических взглядов вне рамок «Народной воли». Для Тихомирова становится всё более очевидно, что «песенка народовольчества была спета», нужны были новые люди, новые идеи... Лев Александрович всё больше отдаляется от эмигрантских кругов. Одним из важнейших людей, определивших переломный период Тихомирова стал народоволец А.Н. Бах, прибывший в Париж из России в марте 1885 г. Вспоминая об этом времени в своём дневнике от 8 марта 1886 г. Тихомиров записал: «С приездом Александра Ив., Алекс.Ник. (С.А. Иванов и А.Н. Бах – авт.), Мелкона (Коялов М.С. – авт.) я окончательно убедился, что революционная Россия, в смысле серьёзной, сознательной силы не существует». Баху Тихомиров оставил одну из самых лестных характеристик. «Мне он нравился своим умом, большими знаниями, развитостью, вообще, так сказать, высокой интеллигентностью и всем характером своим, ровным, спокойным, добродушным». Внимание Тихомирова он привлекал своим поиском правды и потому неудовлетворённостью революционным делом, своей искренней любовью к России. Последние два качества характеризовали, прежде всего, самого Тихомирова. ««Надоело лгать», «хочу жить без радикального вранья»

---

²⁷⁹ Так же. С. 464.

составляло некоторое время его любимую фразу, как будто неудержимый наболевший крик”, - вспоминал о нём Тихомиров²⁸⁰.

Одно лишь обстоятельство смущало Тихомирова всю жизнь – то, что Бах поддерживал дружеские отношения с Аркадием Михайловичем Гартингом (Геккельман Абрам) (Ландезен), о котором стало позже известно, что он был агентом охраны. Наученный горьким опытом Дегаева, Лев Александрович мучился в догадках: «... что такое Бах? Был ли обманут Геккельманом, был ли соучастником?»²⁸¹. Вообще тема предательства всегда была одной из самых болезненных для Тихомирова, прежде всего, потому что он сам был жертвой незаслуженных обвинений, хотя своих позиций в этом отношении никогда не сдавал. Именно поэтому образ такого симпатичного ему человека, как Бах, всегда отдавался болью в сердце. О предательстве же Геккельмана Тихомиров узнал гораздо позже, уже по возвращении в Россию, и был крайне удивлён, как ему удалось остаться им одураченным. За границей же подозрительность Льва Александровича рассеялась вследствие дружбы Геккельмана с Бахом. И даже более того он сам ни раз занимал деньги у Гартинга и даже его брошюра «Почему я перестал быть революционером» была издана на деньги, переданные через него Рачковским.

В среде парижских эмигрантов Лев Александрович встретил И.Я. Павловского. С Павловским Тихомиров встретился после длительного перерыва. В первый раз они общались в деревне Морне в Швейцарии. После многочисленных путешествий Исаак Яковлевич остановился в Париже и в этот раз они окончательно сошлись с Тихомировым, взгляды которого претерпели существенное изменение за этот период. Павловский оказал очень существенное влияние на жизнь Тихомирова в парижский период. Благодаря ему Тихомиров получил предложение писать книгу «Россия

---

²⁸⁰ Так же. С. 234, 370, 407, 439.

²⁸¹ Так же. С. 410.

социальная и политическая». Павловский познакомил Тихомирова с издателем «Нового времени» Сувориным и с влиятельной О.А. Новиковой в 1887 г. Именно в общении с ним созрела мысль Тихомирова писать прошение о помиловании. Неслучайно Тихомиров отметил в своих воспоминаниях про Павловского: «...он был чуть ли не единственный русский, с которым я сохранил товарищеские отношения до самого возвращения в Россию»²⁸². Однако, Павловский так и не стал единомышленником Тихомирова. Не смотря на широкий кругозор и многообразие интересов, в Исааке Яковлевиче отсутствовал поиск положительной идеи, которым был занят Тихомиров.

Среди парижских знакомых Тихомирова было множество эмигрантов с интересными судьбами, наделёнными многими талантами, но абсолютно пустым итогом своим. Из таких личностей интереса заслуживает судьба И.Г. Тонконогова²⁸³, который легко достигал поставленных целей в житейских обстоятельствах, имел упорство, общительность, уважительное отношение к людям, но нигде кроме, как устройстве своей материальной жизни себя не проявил. Для Тихомирова это обстоятельство во многом определит его критику революционной интеллигенции, которая ввязываясь в серьёзные политические преступления, часто делая это не по внутреннему убеждению, а просто в качестве дани моде.

Похожую категорию составляли люди, у которых, напротив, была жажда общественной деятельности. Формы этой деятельности часто менялись, но при этом по достигнутым результатам они так же оказывались бесплодны. Так, Тихомиров вспоминает о многолетнем знакомстве с Аркадием Васильевичем Алёхиным. «Это был человек замечательно чувствительный к веяниям времени, - пишет Тихомиров. - В эпоху своего приезда в Париж он был народовольцем, но уже охладевшим к заговорам и

---

²⁸² Так же. С. 430.

²⁸³ Так же. С. 467-468.

террору, а склонным к пропаганде партийных идей; впоследствии я его встретил толстовцем, ещё позднее – строителем местного самоуправления; когда же настала первая революция, он с головой окунулся в неё»²⁸⁴. Алёхин в личном общении произвёл на Тихомирова самое хорошее впечатление своей рассудительностью, поэтому Лев Александрович очень удивлялся его переменчивости. Биография Алёхина чем-то близка судьбе Льва Александровича, возможно, поэтому его фигура вызывала заинтересованность Тихомирова.

Познакомился в Париже Тихомиров с революционеркой Софьей Михайловной Гинсбург. Тихомиров сам не был натурой страстной и экспрессивной, но в таких в таких людях он чувствовал какую-то внутреннюю силу и интуитивно его тянуло к ним. Таких людей Тихомиров было немало в народовольческий период, к ним относилась и Софья Михайловна. «...Она просто пылала ненавистью к правительству, к деспотизму, как ей казалось, к его насилиям, - вспоминает Тихомиров встречу с Софьей. - Совсем ещё молодая, довольно красивая, она заливалась румянцем, говоря о происходящем подавлении революции, её ноздри раздувались, как у горячей лошади». В то же время Тихомирову было и жалко таких деятелей, поскольку деятельность их оказывалась безрезультатна. Помимо чувства и воли, направленных на борьбу со злом, нужна созидательная программа и инструменты её воплощения. А этой программы и организационных ресурсов у народовольцев не было. «Жаль, когда гибнут такие личности, - писал Тихомиров в воспоминаниях, - видимо способные к большим делам. А впрочем, за мой век в России так же трагически погибли тысячи людей различных лагерей, и ведь одинаково бесплодно. Общая судьба революций»²⁸⁵.

---

²⁸⁴ Там же. С. 469.

²⁸⁵ Там же. С. 469, 470.

Отрицательных характеристик от Тихомирова обычно достаивались деятели либерального толка. Либерализм для Тихомирова, прежде всего, есть отражение политической беспринципности, а часто личной и нравственной ничтожности. «... либерал, Россию презирал: страна некультурная, отсталая, нация низка, государство плохо, - пишет Тихомиров в воспоминаниях про очередного эмигранта Де Роберти, - но он вовсе не чувствовал потребности повышать эту страну. «Мы с женой, - говорил он, - устроились так: зиму живём в России, накапливаем деньги, а летом едем в Европу – отдохнуть душой». В России он, стало быть, находился как бы на заработках, а душой жил в просвещённой Европе. Нечего сказать, отрадную участь стране предсказывают такие граждане»²⁸⁶.

Тихомиров в своей поздней публицистике культивировал идею о том, что необходимо много развиваться и обучаться для того, чтобы заниматься общественно-политической работой. Однако, полное отсутствие политической страсти для Тихомирова является пусть и редкой, но всё-таки тоже болезнью времени. Таким бесплодным талантом представлялся Тихомирову профессор Максим Ковалевский, не безызвестный историк, социолог и юрист посещавший Париж в это время. «...Не развивается гениев там, у кого нет сильной страсти к чему-либо, кто ничего сильно не любит, ничего сильно не желает». При том, что Тихомиров уже отошёл от революционной идеи такие люди, как Софья Гинсбург вызывали у него однозначно большее уважение, чем Ковалевский, которые ничего не разрушал, и не созидал и «объедался до бесчувствия, как эскимос» (о соответствующих наклонностях Тихомиров упоминает в своих воспоминаниях)²⁸⁷.

В июле 1886 г. Тихомиров вместе с семьёй переезжает в предместье Парижа Le Raincy по причине болезни сына. Здесь он пребывает в

---

²⁸⁶ Там же. С. 471.

²⁸⁷ Там же. С. 470, 471.

уединении и размышлениями над своей дальнейшей судьбой. Именно в Le Raincy произошёл окончательный переворот во взглядах Тихомирова и весну 1887 г. Тихомиров, по его словам, «встретил новым человеком»²⁸⁸. Однако на первых порах Тихомиров надеялся найти единомышленников в своей среде. «... не выступая ещё с громогласной, публичной антиреволюционной пропагандой, - вспоминает он, - я всем, с кем сталкивался, говорил свои мнения, критиковал их, присматриваясь, на кого можно будет опереться, чтобы образовать, как мне тогда мечталось, группу, т.е. среду людей антиреволюционных»²⁸⁹. С этих пор Тихомиров при случае открыто говорит с эмигрантами о своих новых взглядах. В том числе не скрывает своей критики революционных идей и перед молодыми радикалами, которые продолжали пребывать из России к «знаменитостям» вроде Тихомирова в поисках «света». Так Тихомиров удалось отвратить от революционных взглядов приехавшую к нему сибирячку - Федосью Васильевну Вандакурову. «Пропаганда» Тихомирова оказалась настолько успешной, что через некоторое время она уже отправилась в консульство с подачей прошения и была помилована ²⁹⁰. В середине 1887 г. своё новое мировоззрение Тихомиров пытался донести до Русанова. Однако, Русанов «не хотел отрешиться от революционной точки зрения»²⁹¹.

8 октября 1887 г. Тихомиров с семьёй возвращается в Париж и поселяется на Avenue de Maine около предместья Монруж. В среде парижских эмигрантов Лев Александрович встретил несколько старых друзей из России: И.Я. Павловского, Н.П. Цакни, Аркадакского, Леонида Попова. Цакни был товарищем Тихомирова ещё с университета. К моменту встречи с Тихомировым в 1887 г. Цакни, подобно Павловскому уже отстал от революции, хотя сохранял к ней некоторое сочувствие. Жил он простыми семейными и житейскими радостями. В отличие от Павловского никаких

---

²⁸⁸ Там же. С. 350.

²⁸⁹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 352.

²⁹⁰ Там же. С. 390.

²⁹¹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 422.

особых интересов у Цакни не было. У Тихомирова же встреча с ним вызвала лишь скуку. «Был он какой-то вялый, расхлябанный, пассивный. Только в одном проявлялось у него горячее чувство – в любви к жене», - вспоминал Тихомиров. Аналогичный образ жизни характеризовал и другого соратника Тихомирова по кружку Чайковского – Аркадакского. В совершенно деградировавшем состоянии встретил Тихомирова другого знакомого ему «чайковца» – Леонида Попова, который помешался на шпионах и в конце концов попал в дом для умалишённых. Приятное воспоминания оставила у Тихомирова встреча с товарищем по «процессу 193-х» Давидом Антовым, который в то время работал в издательстве у Гашетта. Зная личные качества Антова Лев Александрович искренне удивлялся, как такие люди попадают в революцию. «Давид Антов, превосходный человек в частной жизни, - вспоминал Лев Тихомиров, - именно поэтому совсем не годился для политики. Ему органически противны были всякое насилие и всякая ложь»²⁹². Подобно Тихомирову Антов, проживая в Париже, воспитал своих детей в патриотическом духе, причём именно, что интересно именно в любви к русскому самодержавию.

Найти единомышленников Тихомирову не удавалось. Ему становится очевидно, что без выхода из за пределы эмигрантской среды нет пути для развития. В этот период Тихомиров приходит к идее создания широкой национальной партии, которая бы могла вобрать себя людей различных мнений настроенных прогрессивно и патриотично. Однако Тихомирова ждали неожиданные встречи на этом пути. Тип «политической беспринципности» представлял собой Моисей Гольденвейзер, с которым Тихомиров познакомился в 1887 г. по возвращении в Париж. Гольденвейзер был взращен Катковым и проработал у него в издании лет 20. Когда Тихомиров встретился с ним, то рассчитывал увидеть «яркого консерватора», однако вышло обратное. «Он мне рассказал, что сначала поддался, по

---

²⁹² Там же. С. 432, 434-435.

молодости, влиянию Каткова, - описывал эту встречу Тихомиров, - но потом увидел ошибочность и вред консерватизма и правильность либеральных идей и с тех пор служил Каткову против сердца, против убеждения. Некуда было податься. «Это был крест!» - патетически воскликнул он, и этот «крест» лганья и притворства он нёс что-то лет пятнадцать <...> Нужно заметить, что во время несения этого «креста» он, будучи либералом, писал Каткову красноречивые консервативные статьи... У него и теперь не было ни малейшей догадки о том, что он в сущности, просто мерзавец, потому что обманывал Каткова даже не с голоду, а для сохранения блестящего положения»²⁹³. Встречи с таким людьми заставляли Тихомирова лишь ещё больше подчёркивать свою искренность в дискуссиях с эмигрантами, возникших после его отхода от революционных идей.

В отношении знакомств Тихомирову помог Павловский, который имел хорошие связи вне эмигрантской колонии. В начале 1887 г. он познакомил Тихомирова с О.А. Новиковой, сестрой известного славянофила Киреева, которая проживала в этот момент в Англии. Новикова сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении», имела большие связи в русском истеблишменте. В октябре 1888 г. у Тихомирова началась с ней активная переписка. Новикова ставила своей целью примирить русское правительство с Тихомировым. Она помогала Тихомирову и деньгами и моральной поддержкой его взглядов. Пожалуй, ни с кем в этот период Тихомиров так откровенно не делился своими переживаниями, как с Ольгой Алексеевной, которая, очевидно, была рада тем, что взяла под своё покровительство некогда опасного народовольца. Через Новикову Тихомиров познакомился с французской писательницей и известной общественной деятельницей Жюльеттой Адан, которая работала над русско-французским сближением в Париже, издавая в газете «Nouvelle Revue».

---

²⁹³ Там же. С. 571.

Благодаря Павловскому в начале 1888 г. Тихомиров познакомился с редактором «Нового времени» Сувориным. 6 марта 1888 г. Тихомиров получил ответ Суворина о возможности сотрудничества («не прочь «дать ход таланту, откуда бы он ни шёл»)²⁹⁴. Тихомиров рассчитывал через официальный орган проводить свою новую программу. Свои взгляды он излагал редактору и в личной переписке, хотя, практической результата из этих планов не вышло.

Тихомиров работал в этот период корреспондентом в легальных французских и русских заграничных печатных изданиях: «Санкт-Петербургских ведомостях» и «La Revue Franco-Russe» (10 января - 27 апреля 1888 г.). В результате Лев Александрович оказался в эпицентре французской политики. Тем самым, Тихомиров, в некотором смысле, достиг давно желанной цели – выйти из-под гипноза жизни заговорщика.

Помимо французской политики, в поле пристального внимания Тихомирова оказывается и религиозная жизнь Франции. Лев Александрович проявляет особый интерес к людям придерживающихся католического исповедания. К таким относился Копен Альбанселли, известный своими антимасонскими и антисемитскими взглядами²⁹⁵. Тихомиров не был знаком с ним лично, но очевидно следил за его общественно-публицистической деятельностью. В своей поздней книге «Религиозно-философские основы истории» Тихомиров цитирует Альбанселли в качестве эксперта в масонском вопросе. Вторым не менее известным общественным деятелем, так же выступавшим против евреев и масонства был Эдуард Дрюмон, которого Тихомиров, однако, считал «политиканом», а его католические взгляды характеризовал как некую социальную доктрину, в которой особую роль («цивилизаторскую») играла католическая церковь. Интересно примечание Тихомирова о том, что Дрюмон совмещал в своей теории социалистические

---

²⁹⁴ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 316.

²⁹⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 530.

взгляды и католичество с его дисциплинирующей и культурной функцией. Причём, по утверждению Тихомирова, рассуждения Дрюмона «характеризуют настроение известной части католиков того времени»²⁹⁶. Что-то в этом было предваряющее Константина Леонтьева, предлагавшего Тихомирову разработать совместно доктрину о социализме и православии, идущими рука об руку к достижению общей цели²⁹⁷.

Были среди французской интеллигенции люди глубоко верующие, но которые при этом, не смотря на то, что имели, как правило, антиреспубликанские убеждения, но политикой не занимались. К таким знакомым Тихомирова относились: книгоиздатель Альбер Савин, помогавший Тихомирову в его литературной работе, французский молодой поэт Поль Адан, французский писатель Жеган Судан. То состояние католической части общества, которое наблюдал Тихомиров, в период республиканских гонений, вызывало у него глубокое уважение. И хотя он относил себя к православным, ему симпатизировали такие черты поведения католиков как «дисциплина, твёрдое исповедание своей веры и прозелитизм». Этому обаянию католичества поддался знакомый Тихомирова – Мартынов Иван Михайлович. Мартынов принял католичество и стал католическим монахом – иезуитом. Тихомирова, как человека патриотично настроенного, удивила логика Ивана Михайловича, идущая не от догматической составляющей католичества, а от характера исповедания веры самими членами церкви. «Сравнивая католицизм и православие, - убеждал Мартынов Тихомирова, - нужно говорить не об обряде. Православный обряд, пожалуй, даже лучше, более трогателен, чем римо-католический. Но у нас в России не живут религией». Эпоха гонений на веру началась во Франции, как известно, на несколько десятков лет раньше, чем в России, очевидно, что преследование веры способствовало духовному возрождению самих католиков. Именно эта борьба, стойкость, искренность, проявившиеся

---

²⁹⁶ Там же. С. 531.

²⁹⁷ Там же. С. 646.

в католической церкви в этот период, и привлекли русского интеллигента Мартынова, встречавшего на родине зачастую апатию и равнодушие в вопросах веры. В эпоху гонений в России, как известно, аналогичное возрождение духовности переживала и русская православная церковь. При этом, даже будучи католическим монахом, Мартынов не переставал интересоваться событиями, происходящими в России. «Вообще, этот человек, двадцать лет не видавший родины, мог показаться только что приехавшим из Петербурга», - вспоминал Тихомиров²⁹⁸.

Заслуживает отдельного внимания знакомство Тихомирова с известным французским писателем-фантастом Жозефом Анри Рони. Для Тихомирова были интересны социальные романы Рони. В своей ответной статье на полемику в среде эмигрантов 1888 г. Тихомиров приводит в качестве обоснования своих взглядов романы Рони, с которыми, как свидетельствует его дневник, он ознакомился в этот период²⁹⁹: «Я обращал внимание всех, самих революционеров, на фантазерское состояние их умов — Лавров ограничивается ответом, что обвинение будто бы “голословно”. Но ведь, не говоря уже о приведенных у меня соображениях, обвинение это вовсе не составляет моего открытия. Неужели Лавров только перелистывал Тэна, у которого такое состояние умов прослежено на одном из крупнейших исторических моментов? Пусть прочитает он, например, социальные романы Рони, изучавшего французскую революционную среду... Нет, теперь уже нельзя отделяться простым возражением “это голословно”»³⁰⁰. Интересными представляются результаты личного общения Рони и Тихомирова. При личной встрече, Рони (как, кстати сказать, и встречавшийся с Тихомировым, Клемансо) ожидал увидеть революционера – героя своих романов, т.е. собственно образ пламенного романтика без страха и упрёка, но впечатление от этой встречи вышло совершенно обратное. Так,

---

²⁹⁸ Там же. С.531-533, 595.

²⁹⁹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 251.

³⁰⁰ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 62.

расспрашивая Тихомирова о его душевном состоянии, которое он испытывал, когда видел друзей, отправляющихся на казнь 3 апреля 1881 г., был обескуражен ответом Тихомирова, в котором не было ни героического запала, ни жажды мести и продолжения борьбы и т.п.³⁰¹. Рони было трактовано как отсутствие мужества. Хотя речь шла, скорее всего, не о личном страхе Льва Александровича, а о сомнении в том деле, в которое он был связан.

В этот период Тихомиров старался завязать отношения с местной интеллигенцией, поскольку рассчитывал начать для себя карьеру французского литератора после своей книги «Россия либеральная и политическая», которая рассчитана была на французского читателя. Так, Тихомиров имел достаточно хорошие отношения с семейством Мирманов, проживающим на rue Brezin и содержащих свой пансион, в котором, кстати, обучался сын Льва Александровича – Саша. В доме Мирманов всегда было много гостей, приезжавших из разных уголков света, как студентов, так и просто иностранцев, решивших посетить столицу мира. Поэтому для Тихомирова обеды в этом доме представляли собой ещё и дополнительные возможности по расширению своего кругозора. «Их столовая, - вспоминает Тихомиров, - была салоном, в котором вечно шла беседа если не просто остроумная, то о всевозможных вопросах политики, науки, общественных дел всего мира. Их коллекция иностранцев была самая разнообразная. Тут бывали русские, сербы, румыны, грузины, даже японцы, - все, что угодно». Тип семьи Мирманов был в чём-то близок семейству Тихомировых: муж – человек, живущий идеями, и хозяйственная домовитая жена. В целом *Monsieur Mirman* имел много общего с русскими «передовыми» людьми поколения «чайковцев». «*Monsieur Mirman* был идеалист, в житейских делах ничего не смыслил, но мечтал о возрождении рода человеческого прежде всего на почве нравственного совершенства. У него была какая-то

---

³⁰¹ Русанов Н.С. В эмиграции. М., 1929. С. 114-115.

смутная религия какого-то неизвестного Бога, хотя «положительные» религии он, конечно, отрицал», - вспоминал о нём Лев Александрович. В этой семье Тихомиров познакомился с Павлом Маринковичем. Маринкович так же, как и Тихомиров, переболел радикальными взглядами, но в более мягкой форме благодаря своему отцу, который имел сильный характер, но хорошую выдержку, вследствие которой «на сына не старался влиять насильственно», а ждал, когда здравый смысл победит необдуманные порывы молодости³⁰².

20 февраля 1888 г. появилось предисловие Тихомирова ко второму изданию «России политической и социальной», содержащее критику действий революционеров. Как и следовало ожидать, «новые» идеи Тихомирова вызвали бурю возмущения в эмигрантской среде. Стали появляться протестные заявления со стороны эмигрантов. В марте 1888 г. в Париже появляется брошюра «Революция или эволюция» Н.С. Русанова подписанная, «прежние товарищи Тихомирова по деятельности и убеждениям». 28 апреля (15 апреля по стар. ст.) 1888 г. появляется пасквиль «По поводу одного предисловия», подписанный от имени «группы народолюбцев», который Тихомиров получил 25 мая (12 мая по стар. ст.), как раз в тот день, когда закончил работу над брошюрой «Почему я перестал быть революционером». 12 мая 1888 г. завершена книга «Почему я перестал быть революционером?». Однако, брошюра понимания не вызвала, а напротив, выступила как детонатор, усиливающий возмущение против Тихомирова. В августе 1888 г. в Женеве вышло «Письмо товарищам в России» П.Л. Лаврова, а также «Открытое письмо Тихомирову» Э.А. Серебрякова.

Все эти эмигрантские протесты очень больно отражаются в душе Тихомирова. В особенности Тихомирова оскорбило то, что люди, которые подобно Лаврову знали, Русанову и Серебрякову знали об изменениях

---

³⁰² Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 398-400.

взглядов Тихомирова ещё с 1886 г., теперь создавали видимость того, что перемена Тихомирова стала для них настоящей неожиданностью. Всё это затрагивало уже не идейные проблемы, а человеческие отношения. Фактически, в угоду сохранения репутации партии были принесены в жертву нравственные обязательства. «К сожалению, мои противники именно отказались от добросовестного рассуждения. Они избрали иную систему. Они стараются изолировать меня, достигнуть того, чтобы меня не слышали, не читали. В этом смысле поставлена на ноги вся их “партийная дисциплина”. В полемике же они оперлись на распространение выдумок и клевет, перешедших все пределы того, что я мог себе представить»³⁰³, - отмечал Тихомиров в своей статье «Несколько замечаний на полемику эмигрантов».

Разрыв с эмигрантской средой всё более сближал Тихомирова с людьми консервативного круга. В Париже Тихомиров так же познакомился с мадам Эшен, русской по происхождению, происходившей из аристократического рода Чебышёвых. Эшен оказала на Тихомирова не меньшее влияние, чем Ольга Новикова и Жюльетта Адан. Искренняя любовь к России, благоговение перед царской властью, православная вера – все эти качества воспитывала мадам Эшен в своих детях³⁰⁴. Наблюдение за этим семейством укрепляло мысль в Тихомирове о том, что нужно возвращаться на Родину. Именно благодаря Эшенам Тихомиров в первый раз за весь эмигрантский период посетил русскую православную церковь в Париже в августе 1888 г. В этот период начинается активная переписка Тихомирова с Новиковой и Сувориным, в которой Тихомиров анализирует судьбы русской интеллигенции в целом и революционной интеллигенции в частности, делится своими взглядами на будущее России, делится личными

---

³⁰³ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 62.

³⁰⁴ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 489.

переживаниями. В январе 1889 г. Тихомиров получает сообщение о помиловании и покидает Париж.

Таким образом, в парижский период произошло не только изменение политических взглядов. Произошла настоящая революция в кругу общения Тихомирова. Во-первых, неудовлетворённый деятельностью партии, Тихомиров был вынужден пересмотреть её наличные кадры, для чего были организованные специальные встречи с народолюбцами. Во-вторых, круг общения Тихомиров значительно расширился вследствие его работы во французской прессе и более пристального изучения Европы. Одновременно непосредственное наблюдение Львом Александровичем политической жизни в Париже заставило его пересмотреть свои взгляды на идею представительства и более пристально присмотреться к монархической идее. На этом пути Тихомиров встретился с деятелями, придерживавшимися либеральных и консервативных взглядов, оказавшими влияние на его дальнейшую судьбу в качестве монархиста.

§ 3. Наблюдение и восприятие Европы Львом Тихомировым.

Первое время (до сентября 1883 г.) Тихомиров проживал в Швейцарии. Трудно переоценить то влияние, которое оказала эта страна на взгляды русского народолюбца. Тихомиров оказался в Швейцарии в период развития т.н. «государственного социализма». В 80-е гг. проводятся меры в области регулирования рабочего вопроса. «Меры по охране труда уже были введены в силу конституции 1874 г. Закон 1 июля 1875 г. установил ответственность акционерных компаний за несчастные случаи, происходящие при эксплуатации железных дорог и пароходов. 23 марта 1877 г. этот принцип был распространён и на промышленные предприятия. Законами 25 июня 1881 г. и 26 апреля 1887 г. установлена была

ответственность предпринимателей»³⁰⁵. Ещё в 1872 г. были провозглашены следующие принципы: единое право, единая армия, единая школа. Хотя они, конечно, не были все воплощены в жизнь, однако определённых успехов достичь удалось, особенно в области централизации армии. Позже государственной власти удалось монополизировать целый ряд сфер: газовые заводы, электрические станции, трамваи, силовые установки. По сути, Тихомиров увидел частичное осуществление тех идей, которые он развивал ещё будучи идеологом партии «Народная воля». О своих взглядах в начале 1880-х гг. Тихомиров писал: «Мой социализм, в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности»³⁰⁶.

Именно в Швейцарии Лев Александрович увидел демократические учреждения, которые соответствовали его общественно-политическим представлениям. Особенно восторженные чувства у него вызвали выборы кантональных властей. «Это был какой-то праздник, какое-то священнодействие, - вспоминал Тихомиров. - Вся обычная деятельность в городе прекратилась, лавки закрылись. Население было всё на улицах: мужчины, женщины, даже дети, разряженные как в великий праздник <...> Женевский народ вышел произнести свою волю и казался единым, ничем не разделённым. Разумеется, партии были, были и кандидаты различных партий, но это не подчёркивалось никакой перебранкой, никакими спорами или выходками против соперников <...> На выборах работали не газетные разносчики, не наёмные мальчишки, а сами граждане, по преимуществу молодёжь со звонкими голосами и крепкими ногами. Это была безвозмездная служба отечеству»³⁰⁷.

Таким образом, политическая система Швейцарии была близка Льву Александровичу. Кроме того, Тихомиров был страстным поклонником

---

³⁰⁵ Лависс Э., Рамбо А. Конец века. 1870-1900 // История XIX века в 8 томах. Т. 7. М., 1939. С. 118.

³⁰⁶ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 173.

³⁰⁷ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 349.

женевского философа Руссо, в особенности его идеи общественного союза. В то же время, оказавшись, как ему казалось, в идейном отечестве революционной мысли, Тихомиров вынужден был расстаться со многими представлениями о Европе, которые были сформированы в нём революционной школой 1870-х гг. Прежде всего, Тихомирова удивило господство консервативных начал как в культурной, так и социальной жизни Европы. «Я считал себя представителем Европы в России, - вспоминал Тихомиров впоследствии. - А тут с первых наблюдений виделось, что Европа нечто, с нашей точки зрения, как будто «реакционное». Лучшие журналы – консервативные, лучшие учёные консерваторы»³⁰⁸.

Второй аспект европейской жизни, который поразил Тихомирова, - роль религии и религиозных учреждений в жизни общества. То, что пришлось увидеть Тихомирову во Франции и Швейцарии не отвечало традиционным взглядам русской революционной среды на роль церкви в жизни европейцев. «... В то время Францию трудно было назвать не только атеистической, но даже антикатолической, - вспоминает Тихомиров, - Огромная сила католической Церкви и значительное число верующих сказывалось повсюду». Поселившись в 1882 г. в Савойе в Морне Тихомиров с удивлением обнаружил, что «без местных католических учреждений во многих отношениях нельзя было ступить и шагу»³⁰⁹. Так, в руках католической церкви находилась медицинское обеспечение населения и школьное образование.

Оказавшись в Женеве, Тихомиров особенное внимание уделял наблюдению политической жизни. Но и тут его ждало разочарование. Причин тому было несколько. Первая, самая общая, заключалась в несоответствии идеала, созданного революционным воображением, тому положению вещей, которое существовало в действительности. «Дело в том,

---

³⁰⁸ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 190.

³⁰⁹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 326.

что мы в России мечтали о демократии, перед нашим воображением носилось некоторое великое дело, - вспоминает Тихомиров. - Но оно было велико, собственно, потому, что его требовалось созидать. А в Швейцарии оно давно было создано, и тот строй, о котором мы мечтали, здесь должен был уже работать не на какую-нибудь грандиозную, а мелкую будничную общественную пользу. Для этого он и был создан. Мне же эта будничность казалась такой скучной в сравнении с идеалом»³¹⁰.

С другой стороны, Тихомирову претил тот буржуазный дух, который пропитывал политическую жизнь простых швейцарцев. «Эти «счастливые швейцарцы», как выражался Карамзин, достигли пределов благополучия, - вспоминал Тихомиров, - допускаемого их принципами жизни, и дальше им некуда идти. Не у них больше никаких великих задач. Они исчерпали все свои возможности и стали как бы застывать на своём нуле градусов». В результате политические права и вытекающие из них возможности нисколько не приближали народ Швейцарии к тем идеалам справедливости, о которых мечтали народовольцы. Господство тех политических форм, о которых мечтал Тихомиров, не влекло за собой коренное идейной жизни общества. Такое впечатление у Льва Александровича оставило посещение политической конференции для рабочих. Так, Тихомиров вспоминал: «То, что касается самих собраний, то я в них скоро совсем разочаровался. Бессодержательность их поражала. Все шло по одному шаблону. В более или менее обширной зале брассели за белыми железными или мраморными столиками, на удобных стульях – в Женеве брассели были устроены очень комфортабельно – сидит сотни две-три рабочих с огромными кружками очень хорошего пива. Эти рабочие – как они почти поголовно бывали в Женеве – крепкие, здоровые, даже упитанные, слушают оратора, обыкновенно не из своей среды, а приезжего социалистического агитатора. Ни малейшего научения чему-нибудь этот оратор не даёт аудитории. Он

---

³¹⁰ Там же. С. 348.

нанизывает одни и те же бойкие фразы о том, что хозяин эксплуатирует рабочих, обирает их и доводит до того, что они голодают, истощаются, наживают всякие болезни. Этот несправедливый строй должен быть уничтожен. Оратор обычно даже не говорит, как его уничтожить и что создать на его месте. Рабочие слушают, потягивая пиво, и даже не одушевляются»³¹¹.

Господство буржуазных идеалов в жизни простых швейцарцев находило своё отражение и в городской культуре, уровень которой, по мнению Тихомирова, оставлял желать лучшего. Женева казалась Тихомирову бедна архитектурой и памятниками. Оценивая памятник Ж.Ж. Руссо, Тихомиров, не без сарказма замечает, что «не расщедрились женевцы и для Жан Жака Руссо, с которым, впрочем, и при жизни не ладили»³¹².

В то же время, Льва Александровича привлекала устойчивость жизни Швейцарии. Господство частной собственности в умах людей создавало преимущество культуры и традиций, бережливое отношение к своему прошлому, уважение к труду. «Это огромное количество труда меня поразило, - вспоминает Тихомиров. - Смотришь деревенские дома. Каменные, многосотлетние. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем... Я сначала не понимал загадки, которую мне это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это «капитал», миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас в России прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, деревянная дрянь, никто не живёт в доме деда, потому что он ещё при самом деде два-три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось, и корова давно издохла. А здесь прошлое охватывает всего человека. Куда не

---

³¹¹ Там же. С. 347, 353.

³¹² Там же. С. 355.

повернись, везде прошлое, наследственное... И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут, как моллюски в коралловом рифе?»³¹³

Приехавшего из России интеллигента, бывшего проповедника народничества, Тихомирова удивляло то положительное отношение к простому физическому труду, которое без всякой пропаганды было распространено во всех слоях швейцарского общества. «Наш хозяин, - вспоминает Тихомиров, - домовладелец и почтовый чиновник, часто любил подметать свой тротуар на улице. Эта черта, отсутствие всякого стыда перед трудом, тоже сразу бросалась в глаза в Швейцарии. Очень симпатичная черта»³¹⁴. Помимо уважения к труду, Тихомирова отмечает такое положительное качество швейцарцев, как честность. «Нужно сказать, что Швейцарцы в те времена были до поразительности честны, - пишет Тихомиров в воспоминаниях. - Если в Женеве случалось воровство, то все так и знали, что виновник его – какой-нибудь иностранец. Швейцарец никогда не крал»³¹⁵.

Как представителя революционного народничества, интересовало Тихомирова распространение социалистических идей в Швейцарии. Однако, здесь картина напоминала в чём-то российскую действительность. Так, к социалистам-рабочим в основном относились иностранцы, а «социалисты-швейцарцы попадались главным образом среди интеллигенции». К таким же политическим отщепенцам относились анархисты, объединённые Юрской Федерацией (Federation de Jura, или Federation Jurassienne). Так, Тихомиров вспоминал о том, что против сношений с этим содружеством предостерегал русских эмигрантов Жуковский, так как между ними были «люди отчаянные». Основные же политические силы Швейцарии были

---

³¹³ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 190.

³¹⁴ Там же. С. 192.

³¹⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 328.

представлены «консерваторами, органом которых служил «Journal de Geneve», и радикальные либералы с органом «Genevios»³¹⁶.

Все эти наблюдения Тихомирова в период его пребывания в Швейцарии (1882-1883 гг.) имели отражение в политике, приводимой им в качестве идеолога партии «Народная воля». Европа, принимавшая политических изгнанников из других стран, в целом не внушала доверия Льву Александровичу. «Я бы предложил тебе проповедовать такую политику: чтобы русские не совали своего носа в европейские дела. Мы их не имеем ни права, ни возможности решать, да сверх того мы имеем обязанности по отношению к России», - писал Тихомиров Оловенниковой в октябре-ноябре 1882 г.³¹⁷ В целом это была позиция революционеров 1879-81 гг., считавших «дело делать» можно только «на месте», «лично». Однако, это убеждение лишней раз укреплялось живым наблюдением европейской действительности в 1882 г. «Мы, - эмигранты, «свои люди» в Европе, - на самом деле живём в отчуждении у неё, вроде как евреи в своих «гетто», - писал Тихомиров в своих воспоминаниях³¹⁸.

Однако ещё большее, чем Швейцария произвела на Тихомирова влияние Франция. Тихомиров перебрался в Париж в сентябре 1883 г., хотя уже после декабря 1882 г. он подолгу бывает в Париже по делам связанным с организацией «Вестника Народной воли». С середины 1886 г. Тихомиров начинает работу над книгой «Россия социальная и политическая», которая была ориентирована на французского читателя: изучение страны и её жителей становится необходимо для Льва Александровича для своего развития в качестве французского литератора. В этот период происходит серьёзный конфликт в издательстве «Вестника Народной воли», связанный с отказом редакции публиковать антиреволюционную статью Тихомирова. В 1886 г. прекращается издание «Вестника Народной воли». Во второй

---

³¹⁶ Там же. С. 349-350.

³¹⁷ Лавров П.Л. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2. С. 92.

³¹⁸ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 187.

половине 1887 году Тихомиров основную часть своего времени занят работой во французской прессе. Позже Тихомиров отметит в своих воспоминаниях: «Начался новый четырёхлетний курс моей жизненной школы. Ни один из городов, Ни Москва, ни Петербург, не имел такого глубокого влияния на мою внутреннюю эволюцию, как Париж»³¹⁹.

Таким образом, благодаря работе корреспондента Тихомиров оказался эпицентре французской политики этого периода. Наблюдение реальной политики заставило полностью изменить свои представления о парламентаризме. Неслучайно в своём прошении о помиловании Тихомиров, обращаясь к Александру III писал: «Чрезвычайную пользу в этом отношении я извлёк из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством господства тех, кто более искусен в одурачивании толпы. Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потерянную и попавшую в руки честолюбцев. Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза. Всё это осветило для меня моё прошлое, мой горький опыт и мои размышления и придало смелости подвергнуть строгому пересмотру пресловутые идеи Французской революции»³²⁰.

Эти наблюдения заставляли всё чаще вспоминать Россию, обращая более пристальное внимание на её историю и политическое устройство. Тихомиров всегда был настроен достаточно патриотично. Однако, теоретическая основа его взглядов превалировала над национализмом, воспитанным в семье. Так, ещё в 1883 г. в своей статье «Шатанья политической мысли» в журнале «Дело» Лев Александрович, утверждал: «Вводя национализм в общественную программу, вы изгоняете из неё

---

³¹⁹ Там же. С. 403.

³²⁰ Там же. С. 302.

человеческие идеалы»³²¹. В своём же прошении о помиловании Тихомиров уже пишет о том, что «здоровое развитие может быть только мирным и национальным»³²².

Сравнивая политическое устройство современной ему Франции и России, Тихомиров видит в самодержавии единственную легитимную форму власти, построенную на национальных основах. «Таким путём я пришёл к пониманию власти и благородства наших исторических судеб, - пишет Тихомиров, - совместивших духовную свободу с незыблемым авторитетом власти, поднятой превыше алчных стремлений честолюбцев. Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет Верховная Власть, с веками укреплённым авторитетом»³²³.

Однако, реальное положение вещей было ещё более драматично для Тихомирова оттого, что сознавая себя русским, понимая величие России, он в этот период начинает подвергаться ещё большим преследованиям со стороны русской охранной полиции. Самым трудным, но в то же время переломным, для Льва Александровича стал период проживания в предместье Парижа Le Raincy. В мае 1886 г. не без влияния происков агентов Рачковского французским правительством был поставлен вопрос о высылке Тихомирова с французской стороны. При помощи Клемансо дело удалось замять, однако, всё же Тихомирову пришлось покинуть Париж. Оказавшись на некоторое время (более года) в удалении от политических дел русских эмигрантов, Лев Александрович ещё более осознаёт уязвимость положения себя и своей семьи в чужой стране. «Бедный мальчишка! Он уже начинал понимать, что вот кругом нас французы, - вспоминает Тихомиров об этом периоде. - Он даже не понимает их. А мы кто? Вон Максим плохо говорит по-русски и по-

---

³²¹ Шатанье политической мысли // Дело. № 3. СПб., 1883. С. 18.

³²² Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 303.

³²³ Там же.

французски. Кто он? Немец. А мы? Мы русские. Что же такое русские, где Россия? Что за страна? Извольте-ка объяснить! И почему мы, русские, здесь во Франции? Плохая ли страна Россия, и вообще в чём дело? Это просто безысходные вопросы. Что скажу я о России? Я, который сознаю, что она в миллион раз выше Франции, могу ли я повернуть язык на хулу?»³²⁴

Не меньшее влияние оказала на Тихомирова религиозная жизнь Франции. Будучи воспитанником русской радикальной мысли Тихомиров, обратил самое пристальное внимание на религиозное самосознание французской интеллигенции и к своему удивлению обнаружил, что «увидел в населении множество верующих католиков – как в верхних, интеллигентных слоях, так и в массе народа». «Достаточно было походить по парижским церквам, - вспоминал Тихомиров, - чтобы заметить это. Куда ни заходил я, везде находил огромное количество молящихся, иногда даже до тесноты»³²⁵.

Однако, прямым противоречием этой реальности выступала политическая обстановка в стране. Во Франции проводился ряд мер, направленных на борьбу с клерикализмом, свидетелем которых стал Лев Александрович. В 1882 г. принят закон об обязательном обучении детей от шести до тринадцати лет и о светском характере общественного образования. С 1886 г. из числа учителей стали изгонять духовенство. «В это время французская республика уже воспретила процессии: нельзя было петь молитв или служить литии, - вспоминал Тихомиров. - Священник ехал за гробом в закрытой карете и там, не видимый никому, потихоньку читал свой требник. Только на самом кладбище он получал право публично молиться. Крестные ходы на улицах были воспрещены и могли совершаться только домашним образом, то есть внутри храма или во дворе, если при церкви был двор»³²⁶. Тихомирову всё чаще вспоминалась Россия с её религиозной свободой и государственным статусом православия.

---

³²⁴ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 341-342.

³²⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 326.

³²⁶ Там же. С. 328.

Таким образом, встречая старых товарищей, знакомясь с новыми представителями русской и французской интеллигенции, Тихомиров рассчитывал составить не просто круг единомышленников, а некую идейную лабораторию. Сам он постоянно находился в идейном поиске и потому был заинтересован в тех людях, которые были открыты к диалогу и развитию. Тихомирова отличали определённые убеждения, не изменившиеся в сущности своей с течением времени, которые при этом нуждались в творческом переосмыслении в приложении к современной политической действительности. При том, что Тихомиров оставался всё-таки достаточно одинок в идейном отношении, круг его общения был очень широким. Тому есть две причины. Во-первых, Тихомиров проявлял неподдельный интерес к людям, особенно к тем, кто сам находился в идейном поиске или в поиске правды в целом. Есть ещё и обратный фактор: сам Тихомиров представлял немалый интерес, как для революционных кругов, так и консервативных сил.

В революционном круге общения Тихомирова, можно выделить несколько категорий деятелей этого периода. В первую категорию входят те, кто оставались верны своим идеям до конца. Эти деятели привлекали внимание именно своими нравственными характеристиками. Эти люди были готовы к самопожертвованию, были честны, но зачастую были ограничены вследствие односторонности своего развития. И всё же Тихомиров, не смотря на всё большее отдаление от них в идейном отношении, Лев Тихомиров поддерживал с ними отношения.

К другой группе относились люди верные революционным идеям, но беспринципные в личном отношении. Таки типы составляли, по мнению, Тихомирова главную опасность для всего революционного движения в целом. В личном отношении таких людей чаще всего характеризует хладнокровие, переходящее в жестокость, в политическом отношении – космополитизм.

К третьей группе людей относились люди идейно чуткие, интеллектуально и нравственно развитые, часто вследствие этого разочаровавшиеся в революции. При этом деятели этой категории всё же не решались перейти в лагерь противников революции. Они часто поддерживали Тихомирова в его новых идеях, не отдавая себе отчёт, что тем самым, фактически, вставали на антиреволюционную точку зрения. В действительности эффект влияния таких людей на Тихомирова сказывался в том, что у него возникало ощущение, что в его окружении есть среда для распространения новых идей. Отсюда тот оптимизм Льва Александровича, проглядывающий в его брошюре «Почему я перестал быть революционером». Он надеялся, что многие такие же сомневающиеся, как он сам некоторое время, перейдут под новые знамёна. Пессимизм и некоторая предрасположенность в характеристиках эмигрантов, присутствующая в его воспоминаниях есть естественный результат отрицательного опыта: за Тихомировым не последовал практически никто из тех, на кого он делал ставку. В более поздних воспоминаниях, написанных после 1918 года оценки людей, конечно, смягчены, однако в целом характеристика идейного уровня людей остаётся пессимистичной: приглашённых много, избранных мало.

К четвёртой группе относились люди, которые ничего из себя в интеллектуальном и нравственном смысле не представляли и ничего революционного не делали, вели жизнь бессодержательную, но сохраняли преданность революционным идеям просто потому, что ничего другого не знали. Этот «осадок неудачников», по мнению Тихомирова, обычно лишь дискредитировал революционное сообщество.

Пятая группа в окружении Тихомирова – это люди интеллектуально и идейно развитые и потому отставшие от революции. Как правило, их жизнь после этого теряла политическое содержание, и они переходили на лично-семейные или, в крайнем случае, социальные рельсы.

Шестая категория, самая малочисленная, это люди вдумчивые, идейно чуткие, не удовлетворяющиеся пустым фразёрством, люди которые не представляют себе жизнь без социально-политической составляющей – имеющие судьбы близкие к тихомировской. К таким деятелям можно отнести А.В. Алёхина, В.А. Караулова (судя по его судьбе после шлиссельбургского заключения).

К седьмой категории либеральные деятели. Деятели этой категорию часто одарены и умом и способностями, но мелкие и продажные в нравственном смысле. Для них идейное содержание является удобной формой достижения социальных и материальных выгод. К таковым, по мнению Тихомирова, относились Де Роберти, Берг, Моисей Гольденвейзер.

В консервативном круге Тихомиров имел знакомств гораздо меньше и за исключением одних Эшенов не оставил каких-либо развёрнутых характеристик этих деятелей. Интересен тот факт, что среди деятелей консервативного лагеря наибольшее влияние оказали на Тихомирова в этот период женщины (Адан, Новикова, Эшен, его супруга). Дать этому объяснение можно с точки зрения чисто психологической. Деятельницы эти вряд ли могли дать Тихомирову что-нибудь в идейном отношении, но привлекали его внимание своей преданностью интересам России и, возможно, особым женским чутьём, отличающим правду от пустословия, искренность от лжи и потому имевших уважение к самому Льву Александровичу.

Не смотря на многочисленные попытки Льва Александровича завязать серьёзные знакомства с французской интеллигенцией, Тихомиров так и не стал своим для французских кругов. Опыт подтверждал правильность раннего тихомировского убеждения в том, что не нужно ориентироваться на европейские политические партии и то, что действовать в интересах России можно только на русской земле. Именно это опыт общения с Европой стал, пожалуй, наиболее ценным с точки зрения дальнейшей перспективны

развития политического мировоззрения Тихомирова. Именно развитие национальной политической науки станет основополагающей парадигмой Льва Александровича на долгие годы. Только получив эту своего рода прививку западной политической науки, Тихомиров стал русским самобытным мыслителем. Наблюдая течение политической жизни во Франции воочию (борьбу политических партий, гонения против верующих, антисемитское движение), Лев Александрович начинал с опасением предвидеть, к чему приведёт революционное движение в России. И потому деятельность, направленная на противостояние этому движению стала естественным итогом его мировоззренческой эволюции.

Таким образом, проживание в Швейцарии и Франции убедило Тихомирова в двух аксиомах:

1. Народы этих государств в целом настроены достаточно консервативно. Господству консервативных начал усиливается благодаря тому влиянию, которое оказывает религия на социальную и образовательную жизнь общества, а также культурные традиции этих народов, основанные на уважении к труду и частной собственности.
2. Однако политическое развитие государств неизбежно идёт по буржуазному пути. Причём, господство буржуазного уклада в такой стране как Швейцария с её особенностями географии и национального состава формирует строй близкий к демократии. Во Франции, наоборот, к власти приходит сословие профессиональных политиканов, проводящих от имени «народной воли» интересы частных группировок и партий.

Глава 3. Мироззренческая эволюция Тихомирова.

§ 1. Идеиная эволюция.

Сам Тихомиров делил свой революционный период на три фазиса:

1. «мечты о поднятии народных масс (эпоха “Земли и воли”», «о “честном бунте”»);
2. «мечты о государственном перевороте посредством заговора», стремление обузывать террор и «подчинить созидательным идеям (эпоха “Народной воли”»);
3. «мечтания о государственном перевороте путем заговора с резким отрицанием террора и с требованием усиления культурной работы (эпоха кончины “Народной воли”»³²⁷.

Период с 1881 по 1882 гг. Тихомиров переживал второй фазис своего развития. Идеиное развитие Тихомирова перед эмиграцией можно проследить на основании статей, опубликованных как в революционной, так и демократической печати. Социально-политические взгляды Тихомирова нашли своё отражение так же в известном письме Исполнительного комитета «Народной Воли» заграничным товарищам.

Во-первых, Лев Александрович ещё до перехода от революционного мышления к монархическому был убеждённым государственнымником. Уже в статьях «Народной воли» Тихомиров заявляет себя ярким приверженцем государственного начала. «...Одним из важнейших чисто практических вопросов настоящего времени является вопрос о государственных отношениях. Анархические тенденции долго отвлекали и до сих пор отвлекают наше внимание от этого важного вопроса...а именно в России особенно бы не следовало его игнорировать»³²⁸. А в знаменитом письме ИК

---

³²⁷ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 32.

³²⁸ Литература партии «Народная воля»: «Народная воля, Листок Народной воли», «Рабочая газета»: документы. М., 1931. С. 2-3.

заграничным товарищам (написанным рукой Тихомирова) утверждалось следующее: «Мы по убеждениям и суждениям государственники, то есть признаём за элементом государственным, элементом политической власти огромную важность. Это сила, а потому она должна быть умно организована»³²⁹.

Террор признаётся как метод борьбы, но ему отводится сугубо прикладная сфера применения. «Судить наши поступки можно только с точки зрения того, целесообразно ли данное действие в интересах собирания силы, - указывается в письме ИК заграничным товарищам. - Нужен ли террор? Нужны ли газеты? Нужно ли изменение программы? Нужна ли деятельность среди молодежи, среди рабочих, военных, крестьянства, в земстве, в интеллигенции и т. д.? На эти все и все подобные вопросы мы отвечаем: а сколько силы даст то или другое? Что даст более сил для совершения переворота (конечно, такого, как выше сказано), то и важнее»³³⁰.

Одной из основных задач государства Тихомиров видел регуляцию экономических отношений. «Поэтому мы обращаем на неё (*«сила государства» - Ф.П.*) такое внимание, как на организацию экономических отношений», - указывается в письме ИК. Позже Тихомиров подтверждал эту свою мысль в воспоминаниях: «Мой социализм, - писал он, - в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности»³³¹. Интересно то, что, по мнению Тихомирова, именно при самодержавии экономическая жизнь страны полностью зависела от государственного строя. Тихомировым критиковалась сама программа экономических реформ, и потому утверждалась необходимость смены экономического устройства страны путём государственного переворота. «Россия, собственно говоря, - рассуждает Тихомиров на страницах издания «Народной воли», -

---

³²⁹ Письмо Исполнительного комитета – заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х годов XIX века (сборник документов и материалов в двух томах, под редакцией С.С. Волка). М.-Л., 1965. Т. 2. С. 320-321.

³³⁰ Там же.

³³¹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 173.

представляет нечто вроде обширного поместья, принадлежащего компании «Русское государство». Экономическое и политическое влияние, экономический и политический гнёт...здесь сливаются и сводятся к одному юридическому лицу к самой компании». Поэтому для Тихомирова «при таких условиях политическая и экономическая реформа становятся так же совершенно неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот»³³².

Во-вторых, Лев Тихомиров всегда был сторонником власти, которая бы стояла вне классов и сословий. Власть в России должна была захватить революционная партия, состоящая из интеллигенции, которая не имела, по мнению Тихомирова, каких-либо классовых или сословных интересов. В своей статье «В защиту интеллигенции» Тихомиров сразу отвергает любую попытку ограничить круг интеллигенции по роду деятельности или сословной принадлежности. «Интеллигентный человек, по статистическим карточкам, может числиться в дворянском или мещанском сословии, он по средствам к жизни может быть литератором или рабочим...». Самой главной и существенной чертой интеллигенции является её «общественная роль»: интеллигент «отыскивает и осуществляет всенародную правду, по отношению к которой для него нет ни дворянства, ни крестьянства»³³³.

Тихомиров настаивает на отличном от Европы пути России. Интересно в этом отношении то, что, по представлениям Тихомирова, в отличие от Европы, самодержавная власть в России носила надклассовый характер. «Наше государство совсем не то, что европейское», - заявляет Тихомиров. Правительство в России не есть «комиссия уполномоченных от господствующих классов, как в Европе, а самостоятельная, для самой себя существующая организация, организация иерархическая, дисциплинированная», которая продолжала бы держать народ в

---

³³² Литература партии «Народная воля»: «Народная воля, Листок Народной воли», «Рабочая газета»: документы. М., 1931. С. 24-25.

³³³ Кольцов И. В защиту интеллигенции // Дело. № 4. СПб., 1882. С. 28.

«экономическом и конституционном рабстве даже в том случае, если бы у нас не существовало никаких эксплуататорских классов»³³⁴. Надо сказать, на таком же понимании была основана доктрина политического заговора Ткачёва, для которого государство русское «так сказать, висит в воздухе, не имеет ничего общего с существующим социальным строем»³³⁵.

В-третьих, Тихомиров был сторонником унитарного, а не федеративного государства. Национальную автономию в Российской империи Тихомиров признавал лишь за Польшей. «Мы, собственно говоря, не федералисты, - указывается в письме. - Нам кажется, что большие государственные союзы выгоднее малых. Чем больше народ, тем он сильнее, независимее, тем удобнее ему самостоятельно развиваться. Сверх того, необходимость правильного госуд[арственного] хозяйства стоит в полном противоречии с существованием слишком мелких госуд[арственных] единиц. Область, - составляющая один экономический район, поступила бы очень глупо, разделившись на несколько государств по национальностям. Но с развитием культуры со временем весь земной шар составит один экон[омический] район, и поэтому наши идеалы вовсе не рисуют нам раздробление, напр[имер] России. Тем не менее излишне прибавлять, что определение своей принадлежности к тому или другому государству зависит всецело от самого народа. Принцип "Нар [одной] воли" несовместим с насильственным подавлением национальностей, особенно таких, как напр[имер] Польша, которых историческое прошлое заставляет стремиться к независимости. Итак, мы не препятствуем кому бы то ни было отделяться, но нельзя не заметить, что вопрос этот до такой степени неразре[шим] (кроме

---

³³⁴ Там же.

³³⁵ Переписка К.Маркса и Ф.Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951. С. 199.

Польши), до такой степени сочиненный, что и говорить о нем не стоит в сущности»³³⁶.

В-четвёртых, исследуя природу человеческого общества в начале 1880-х гг., Тихомиров приходит к психологическим, а не экономическим основам развития социума. В противовес органической теории Спенсера Тихомиров утверждает, что «каждая попытка приложить к обществу биологический способ организации погибает измором, т.е. ведёт общество к разложению, слабости и смерти». Тихомиров развивает представление о том, что «личность, и только одна личность лежит в основе общества», и именно поэтому члены общества «по природе равны между собой». Именно поэтому «сила общества тесно связана с силой личности, в нашем человеческом смысле, и перед всякой попыткой совместной жизни становится задача; выработать такой тип организации, в основе которого волей неволей должно лежать развитие личности»³³⁷.

Развивая социально-политические взгляды уже в эмигрантский период, Лев Александрович продолжает постулировать роль государственного элемента в реализации экономических преобразований в России. Путь экономического развития России Тихомиров по-прежнему считал отличным от Европы. «Мы действительно не видим причин, почему бы организация национального производства при обрисованных условиях не могла у нас развиваться совершенно иным путём, чем это было сделано капитализмом в Европе», - пишет Тихомиров в статье. Тихомиров повторяет точку зрения, высказанную им ещё в самом начале 80-х о том, что самодержавие в России не имеет опоры в лице какого-либо сословия³³⁸. Позже эта мысль была

---

³³⁶ Письмо Исполнительного комитета – заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х годов XIX века (сборник документов и материалов в двух томах, под редакцией С.С. Волка). М.-Л., 1965. Т. 2. С. 316.

³³⁷ Там же. С. 66 И. Кольцов Общественность в природе // Дело. № 12. СПб., 1882. С. 65-67, 69.

³³⁸ Тихомиров Л.А. Чего нам ждать от революции? // Вестник Народной воли. Женева, 1884. № 2. С. 433.

развита Тихомировым в статье «Запросы времени» «Вестника» № 4, где указывалось, что «идея социализма в России появилась неслучайно и не принесена ветром... Наш социализм не есть продукт только развития «капиталистического производства»³³⁹.

В противовес марксистской точке зрения Лев Александрович считал, что в Россия может перейти к социализму минуя период буржуазного развития. Поскольку в буржуазия ещё не состоялась, как класс, а самодержавие и не имеет ни в ней, ни в каком другом классе или сословии опоры, надо воспользоваться этим моментом и, совершив одновременно государственный и экономический переворот, перейти к социализму. По-прежнему Тихомиров убеждён, что на первый период к власти должна прийти революционная интеллигенция, поскольку она, «не будучи сословием, не имея классовых материальных интересов, не сбивается поэтому никакими эгоистическими соображениями, при переработке своего идеала»³⁴⁰. На пути преобразований экономических отношений Тихомиров рассматривает две задачи, которые должна совершить новая государственная власть: 1) решение аграрного вопроса «в смысле принадлежности земли государству и пользования ею только трудящимися»; 2) Организация национального производства таким образом, что «сама предприимчивость людей из буржуазного слоя принуждена будет... обратиться на служению народа, на организацию его собственного производства»³⁴¹. Т.е. опять речь идёт о государственном регулировании собственности. Кроме того, споры с польской партией «Пролетариат» в 1883 г. доказывают то, что Тихомиров, по-прежнему оставался сторонником унитарного, а не федеративного государства.

---

³³⁹ Тихомиров Л.А. Запросы времени // Вестник Народной воли. Женева, 1885. № 4. С. 268.

³⁴⁰ Кольцов И. Шатанья политической мысли // Дело. 1883. № 3. С. 22.

³⁴¹ Тихомиров Л.А. Чего нам ждать от революции? // Вестник Народной воли. Женева, 1884. № 2. С. 432, 433.

Развивая и углубляя свои взгляды на природу социальных отношений и роль личности в развитии общества, Тихомиров вступает во всё больший конфликт с марксистской теорией. Рассматривая взаимосвязь политических и экономических факторов в жизни общества, Тихомиров однозначно отдаёт приоритетное значение политике, как области наибольшей реализации человеческой свободы. В этот период обсуждение данных тем проходило в редакции «Вестника», в котором особое участие принимал С.Н. Русанов, предложивший статью по данной теме («Политические и экономические факторы в жизни»). Содержание статьи, направленное против марксистского догматизма, было одобрено Тихомировым, однако, раскритиковано Лавровым, из-за чего вышел целый конфликт в редакции. Описывая развитие взглядов в этот период, Тихомиров указывает: «Маркса ум был более точный, логичный, и потому теория была стройна. Мы не могли с ней согласиться только потому, что она отрицала инициативную роль *личности*, делала личность не творцом, а тварью. Мы поэтому искали ответов не в социализме, а в социальной науке. Тогда появилось много исследователей природы общества (Эспинас, Фулье, Фюстель де Куланж, Лебон, Тард), и они казались стоящими на более верной почве. У всех у них была та точка зрения, что общество есть создание не материальных условий, а психологических, которых источник заключался в человеке, личности. Но у них слагающееся таким образом общество имеет *органический* характер, а потому его развитие совершается эволюционно, а не революционно. Мы же не хотели отказаться от революционной идеи, хотя и не могли доискаться ясного её смысла и содержания. Но мы искали этого, искали такой революции, которая создавалась бы не внешними условиями, а силами личности и создавала бы такой строй, при котором бы самостоятельность и значение личности возрастали бы ещё больше»³⁴².

---

³⁴² Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 422.

Если проследить эволюцию взглядов Тихомирова в период с 1882 по 1887 год, мы обнаружим, что основополагающие убеждения (отношение к институту государства, к власти, экономические задачи) развивались, но не изменялись в существенных пунктах:

1. Тихомиров остаётся убеждённым государственнымником,
2. Он сторонник сильной власти, стоящей вне классов и сословий
3. Апологет унитарного государства
4. Считает, что повернуть Россию на путь социализма можно только с помощью государственной власти, при этом минуя этап капиталистического развития
5. В социологии Тихомиров придаёт фактору психологическому приоритетное значение в сравнении с экономическим и в этом отношении выступает противником марксизма

Однако, приобретя большую самостоятельность и свободу выражения своих взглядов, Тихомиров усилил критику тех методов политической борьбы, которые и ранее придавал прикладное значение. Во-первых, Тихомиров приходит к резкому отрицанию террора. Причём эта критика имела как нравственные основания, так и чисто политические. Так, в своей статье, не принятой в «Вестник народной воли» № 5 Тихомиров писал: «Терроризм как система политической борьбы или бессилён, или излишен: он бессилён, если у революционеров нет средств низвергнуть правительство; он излишен, если эти средства есть. А между тем он вреден в нравственном и умственном смысле». В период с 1885 по 1886 гг. Тихомиров усиливает свою критику партии, считая, что «не уединяться, не отстаивать своё должна бы партия, а, напротив, сливаться с Россией». Идея террора, по мнению Тихомирова, «со всех сторон сузила и обесплодила идею революции, замкнула её дело в небольшом слое «своих» людей (слишком часто

нелегальных), а потому помешала партии превратиться в широкое общественное движение»³⁴³.

Тихомиров приходил к выводу о том, что нужен отказ партии от террора, усиление культурной и организационной работы, которая смогла бы превратить партию из замкнутого круга заговорщиков в широкое общественное движение, объединяющее все прогрессивные слои русского общества. Идея государственного переворота ещё не отвергалась Тихомировым, но уходила как бы на второй план.

Таким образом, вопрос о главном инструменте реализации данных идей оставался для Тихомирова ещё открытым. Очевидно лишь то, что партия «Народная Воля» в данный исторический момент этим инструментом являться не может. Сам Тихомиров же пребывал в поиске этой новой силы, которая, скорей всего, должна была родиться из недр того общественного движения, которое он теоретически себе представлял. В целом, в период с 1881 по 1887 гг., несмотря на всё больший отход от революционных методов борьбы, присутствовала определённая преемственность социально-политических взглядов Тихомирова. Можно сказать, что базовые убеждения Тихомирова народовольца ещё больше укреплялись.

Дальнейшее исследование природы общества приводит Тихомирова к мысли о том, что именно состояние умов русской интеллигенции определяет бесплодность и даже разрушительность революционной деятельности. Несмотря на жертвенность и бескорыстие революционеров, практический итог их деятельности становится отрицательным. Состояние умов определяет в некоторых случаях даже политику власти, которая поддаётся духу эпохи. В качестве примера в предисловии к «России социальной и политической» Тихомиров приводит последствия крестьянской реформы александровского времени, когда «с 1858 по 1861 год наговорено было бесчисленное

---

³⁴³ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 32, 33.

множество фраз, начиная от свободы и кончая социализмом», «чтобы кончить дезорганизаторской реформой 19 февраля». И напротив, Лев Александрович указывает на прогрессивный характер и сугубую практичность реформы государственных крестьян, проведённую графом Киселёвым в николаевскую эпоху: «...создана была одна из замечательнейших социальных организаций нашей истории. Земли пространством в целую Европу были объединены в руках государства, крестьяне обильно наделены, система переселений давала исход новым поколениям земледельческого класса; создана замечательная система народного продовольствия для борьбы с неурожаями; улучшение земледельческой культуры у 20 миллионов крестьян стало предметом обязательной и сознательной работы министерства. Сверх того, крестьяне лично были свободны, а их общины управлялись их же избранниками. Через два десятка лет усилий эта обширная организация была наконец поставлена на ноги»³⁴⁴.

На страницах предисловия к «России политической и социальной» Тихомиров развернул первую открытую критику революционной интеллигенции (если не считать критическую статью, неопубликованную в «Вестнике народной воли» в 1886 г.): «Человек нашей интеллигенции, - указывал Тихомиров, - формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создаёт мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где всё очень стройно, кроме основания – совершенно слабого. Благодаря мировоззрению такого происхождения у нас люди становятся способны упорно требовать осуществления неосуществимого или даже не имеющего серьёзного значения, а в то же время оставлять в пренебрежении условия капитальной важности»³⁴⁵.

---

³⁴⁴ Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 26.

³⁴⁵ Там же.

Изучая труды французских писателей и философов, Тихомиров всё больше осознаёт искусственность революционных идей. Лев Александрович начинает видеть в революции не просто борьбу с известным политическим устройством, а следствие болезненного состояния целого поколения интеллигенции. Ещё в трудах французских социологов Тихомиров почерпнул идею о том, что исторический процесс определяет не столько экономические условия, сколько психология личностей эпохи. Обвиняя революционеров в «фантазёрском состоянии ума», Тихомиров ссылается на известного в этот период французского философа-позитивиста Ипполита Тэна, «у которого такое состояние умов прослежено на одном из крупнейших исторических моментов»³⁴⁶.

Знакомство Тихомирова с известным французским писателем-фантастом Жозефом Анри Рони и его социальными романами убеждало Тихомирова в том, что то же состояние ума наблюдалось и во французской революционной среде. В 1886 г. был издан роман "Le Bilatéral" («Двусторонние») – тщательное и беспристрастное изображение жизни парижских социалистов. Возможно, именно на этот роман в своей ответной статье на полемику в среде эмигрантов 1888 г. ссылается Тихомиров³⁴⁷: «Я обращал внимание всех, самих революционеров, на фантазерское состояние их умов — Лавров ограничивается ответом, что обвинение будто бы “голословно”. Но ведь, не говоря уже о приведенных у меня соображениях, обвинение это вовсе не составляет моего открытия <...> Пусть прочитает он, например, социальные романы Рони, изучавшего французскую

---

³⁴⁶ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 62.

³⁴⁷ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 251.

революционную среду... Нет, теперь уже нельзя отделяться простым возражением “это голословно”»³⁴⁸.

Революция представляется Тихомирову некой химерой, овладевшей умами образованного класса. Интересно свидетельство из воспоминаний Тихомирова, когда он писал: «Ещё в России, в 1879, 1880, 1881 годах, я, переживая жизнь заговорщика, почувствовал, что все и все окружающее, воображая делать по своему, действуем однако словно пешки, двигаемые чьей-то рукой, ввиду достижения цели *не нашей*, а какой-то нам неизвестной»³⁴⁹.

В период активной работы Тихомирова во французской прессе в 1887 г. сформировался его взгляд на политическое устройство «просвещённой» демократической Европы. «Чрезвычайную пользу в этом отношении я извлёк из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий, - писал Александру III Тихомиров. - Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством господства тех, кто более искусен в одурачивании толпы. Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потерянную и попавшую в руки честолюбцев»³⁵⁰.

Большое влияние на развитие политических взглядов Тихомирова оказал Ж.Ж. Руссо. С политическими идеями Руссо Лев Александрович, по всей видимости, был знаком давно, однако, именно непосредственное знакомство с политической жизнью Европы подтвердило для Тихомирова представило ему идеи Руссо в новом свете. Поэтому в своей полемике с эмигрантами Тихомиров писал: «Для меня странно, как это г-н Лавров, живя

---

³⁴⁸ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 62.

³⁴⁹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003, С. 343.

³⁵⁰ Там же. С. 302.

двадцать лет в парламентарных странах, не видит бесчисленных недостатков этой политической системы всеобщего бессилия, вносящей в политику торгашеский принцип свободной конкуренции, делающей власть предметом спекуляции и кончающей правительственной анархией. Лаврову кажется возможным критиковать парламентаризм только по сравнению с “социалистическим строем”. Пусть он перечтет 15 главу III книги “Du contrat social” Руссо (“Des deutes ou representants”*), и он увидит, что чистейшие демократы, не имевшие понятия о “социалистическом строе”, издавна могли считать систему представительства никуда не годной. Парламентарная практика XIX века, не прибавив ничего в пользу этой системы, показала еще рельефнее ее недостатки. А Лавров словно “проспал” всю эту работу мысли столетия»³⁵¹.

В 15-й главе «Общественного договора» Руссо подвергает острой критике идею представительства. «Суверенитет, - пишет Руссо, - не может быть представлен по той же причине, по которой он не может быть отчуждаем. Он заключается, в сущности, в общей воле, а воля никак не может быть представляема; или это она, или это другая воля, среднего не бывает. Депутаты народа, следовательно, не являются и не могут являться его представителями; они лишь его уполномоченные; они ничего не могут постановлять окончательно. Всякий закон, если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен; это вообще не закон. Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов Парламента: как только они избраны - он раб, он ничто. Судя по тому применению, которое он дает своей свободе в краткие мгновенья обладания ею, он вполне заслуживает того, чтобы он ее лишился»³⁵². Об этом это противоречии, заложенном в самой идее

---

³⁵¹ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 63.

³⁵² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2002. С. 82.

представительства, впоследствии не раз писал Тихомиров в своей поздней публицистике.

На увлечённость Тихомирова идеями Руссо, указывал в своих воспоминаниях С.Н. Русанов, который активно общался с Тихомировым в этот период. Льва Александровича, по его словам, занимал тезис о «сознательном участии первобытных людей в выработке форм общежития»³⁵³. Впоследствии в своей монархической концепции Тихомиров будет рассматривать государство как акт сознательного действия людей, а не механического подчинения. «Создавая государство, мы, вместо подчинения стихийным силам, подчиняемся тому, что сами сознаём необходимым, т.е. выходим из слепого подчинения обстоятельствам и приобретаем независимость, первое условие действительной свободы»³⁵⁴, - напишет он позже в книге «Единоличная власть как принцип государственного строения.

Критика Тихомировым парламентарного устройства стала для него первой ступенью на пути к апологии монархии. Исследователь А.Р. Ефименко именно в учении об общественном договоре видит ключ к разгадке эволюции Тихомирова от «Народной Воли» к «монархизму». Ефименко выделяет целый ряд базовых принципов, которые были заимствованны Тихомировым у Руссо и использованы впоследствии в его монархической концепции. Это:

1) «идея о существовании прямой связи между наилучшим типом правления и размерами государства»

2) разделение *Souverain* (Верховная Власть) и *Gouvernement* (исполнительная власть) их атрибутов и роли

3) идея суверена как «коллективного существа»

---

³⁵³ Русанов Н.С. В эмиграции. М. 1929. С. 108.

³⁵⁴ Единоличная власть как принцип государственного строения // Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М, 2003. С. 45.

4) сосредоточенность на абсолютном (идеальном) праве

5) критика принципа партийности, подменяющего понятие об «общей воле» «волей всех»³⁵⁵.

В брошюре «Почему я перестал быть революционером?» Тихомиров заложил первые основы своей монархической концепции, а именно:

1. Указал природу самодержавия в России как главного свойства царской власти в России.
2. Определил отношение царской власти к церкви.

Описывая происхождение русского самодержавия, Тихомиров указывает большое внимание уделяет легитимности власти царя. «Русский Царь, - пишет Тихомиров, - не похищает власти; он получил ее от торжественно избранных предков, и до сих пор народ, всюю своею массой, при всяком случае показывает готовность поддержать всеми силами дело своих прадедов». Именно всенародное признание делает власть монарха легитимной. Самодержавие в России, по Тихомирову, - выражение «исторической воли народа» и потому царь не может быть ограничен в своём политическом действии кем-либо, поскольку большинство народа на этом стоит: монархическая власть «такой результат русской истории, который не нуждается ни в чьем признании и никем не может быть уничтожен, пока существуют в стране десятки и десятки миллионов, которые в политике не знают и не хотят знать ничего другого». Отрицание самодержавия является неуважением национальных интересов страны: «всякий русский должен признать установленную в России власть и, думая об улучшениях, должен думать о том, как их сделать с самодержавием, при самодержавии»³⁵⁶.

---

³⁵⁵ Ефименко А.Р. Учение Ж.-Ж. Руссо в философско-государственной концепции Л.А. Тихомирова // Историко-философская персоналия: методологические аспекты. М., 1999. С. 11.

³⁵⁶ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия М., 2007. С 37, 46.

Тихомиров был не первым из тех, кто выдвигал народное основание власти самодержцев в России. Ещё Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» писал о том, что самодержавие было даровано Романовым Отчеством, т.е. всем народом, и потому сам самодержец не может ограничить свою власть. «Если бы Александр, - пишет Карамзин, - вдохновенный великодушною ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, взял перо для предписания себе иных законов, кроме Божиих и совести, то истинный добродетельный гражданин российский дерзнул бы остановить его руку и сказать: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями, Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!..»³⁵⁷.

Существовала и другая трактовка царской власти, которую позднее наиболее емко сформулировал о. Павел Флоренский в своей работе «Около Хомякова». Он утверждал: «...Самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт, - милость Божия, а не человеческая условность, так что самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из вне-религиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу»³⁵⁸. Сам же Тихомиров, развивая свою монархическую теорию в своих более поздних произведениях придёт к идее «божественной делегации» царской власти, однако, народное признание останется необходимым условием её существования³⁵⁹.

---

³⁵⁷ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 30, 49.

³⁵⁸ Флоренский П. Около Хомякова // Флоренский П. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996. С. 298.

³⁵⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2006. С. 85.

Говоря о преступлении революционных сил, Тихомиров опять-таки ссылается на нарушение прав «народной воли». «Кто же оказывается тираном? – пишет Тихомиров. - Не сами ли революционеры, которые, сознавая себя ничтожным меньшинством, позволили себе поднять руку на Монарха, представляющего собою весь народ и не подлежащего никакой ответственности, а Церковью освященного званием ее светского главы?»³⁶⁰. Таким образом, сущность преступления революционеров оценивается не в контексте христианского отношения к власти, а в контексте социальной справедливости («меньшинство выступило против большинства народа»). Важно отметить, что Тихомиров, уже будучи воцерковлённым человеком, понимал свою вину в нравственном и в социально-политическом смыслах, но не считал, что это было преступление против Царя, как сакральной фигуры, Помазанника Божия.

Для Тихомирова революционеры не богоборцы, а самозванцы, начавшие борьбу с легитимной властью. «Конечно, - пишет Тихомиров, - со стороны этих людей можно услышать множество фраз о “возвращении власти народу”. Но это не более как пустые слова. Ведь народ об этом нисколько не просит, а, напротив, обнаруживает постоянно готовность проломить за это голову “освободителям”. Только отчаянный романтизм революционеров позволяет им жить такими фикциями и третировать русскую власть, как позволительно третировать власть какого-нибудь узурпатора»³⁶¹.

«Почему я перестал быть революционером» - первая работа Тихомирова, в которой формулируются отношения царской власти и церкви. Царь именуется Тихомировым «*светским* главой церкви», из чего следует, что Тихомиров в этот период не наделял российского императора сакральными правами по отношению к церкви. Позже в своих произведениях

---

³⁶⁰ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия М., 2007. С 37, 46.

³⁶¹ Там же. С. 37.

Тихомиров будет детально развивать тему взаимоотношений церкви и власти, но первоначальная мысль останется неизменной: церковь находится в союзе с царской властью там, где их интересы пересекаются, но независима от царской власти.

Интересно, что и в своей главной книге монархического периода - «Монархической государственности» - Тихомиров разделял жизнь социально-политическую и церковную в самой сущности, говоря о том, что «организационное начало в обществе есть человеческая личность, элемент психологический», а «организационным же элементом Церкви является Бог, Личность Божественная, элемент духовный». «В первом случае, - пишет Тихомиров, - цели определяются человеком, во втором – Богом. В обществе человек работает на себя, в Церкви является Божьим домостроителем»³⁶². Это разделение приводит Тихомирова к такому определению церкви, как «общественности надсоциальной».

Важно обратить внимание на то, что о противоречии в отношениях государства с его земными целями и церкви с её «надмирностью» писал и Руссо³⁶³. В результате своих размышлений Руссо пришёл к выводу о необходимости «гражданской религии», которая отвечала бы целям

---

³⁶² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2006. С. 419.

³⁶³ При этих-то обстоятельствах Иисус и пришел установить на земле царство духа; а это, отделяя систему теологическую от системы политической, привело к тому, что Государство перестало быть единым, и вызвало междоусобные распри, которые с тех пор уже никогда не переставали волновать христианские народ. Говоря о христианской религии Руссо пишет: «Более того, она не только не привязывает души граждан к Государству, она отрывает их от него, как и от всего земного. Я не знаю ничего более противного духу общественному. <...> Христианство – это религия всецело духовная, занятая исключительно делами небесными; отечество христианина не от мира сего. Он исполняет свой долг, это правда; но он делает сие с глубоким безразличием к успеху или неудаче его стараний. Лишь бы ему не за что было себя упрекать, а там – для него не важно, хорошо или дурно обстоит все здесь, на земле. Если Государство процветает, он едва решается вкушать от общественного благоденствия; он боится возгордиться славою своей страны. Если Государство приходит в упадок, он благословляет руку Божью, обрушившуюся на его народ». (Руссо Ж.-Ж. Общественный договор. М., 2002. С. 113, 117).

государства и не вводила бы нестроение в гражданскую жизнь общества³⁶⁴. Тихомиров неоднократно писал о своём особом отношении к творчеству Руссо, но хотел найти, по всей видимости, другой выход из этой антиномии. Лев Александрович, напротив, вывел церковь за границы ведения государства. В итоге это приводило его к идее «независимости» Церкви от государства. Противоречие, которое таким образом вводил Тихомиров в свою теорию, заключалось в том, что тем самым он как бы устанавливал «независимость церкви» от православной империи. Данное развитие этой идеи естественно приводит к тому, что царь как Помазанник Божий лишается своей сакральной миссии. В «Монархической государственности» Тихомиров также указывает на то, что церковь не имеет территориальных границ, а государство имеет четкие географические ограничения. Из этого следовал вывод о том, что «патриотизм христианина не может быть абсолютным»³⁶⁵. Это противоречие возникает лишь вследствие «руссоистской» логики самого Тихомирова, следуя которой, царь как «светский правитель» не имеет особых церковных прав.

По Тихомирову для верховной власти религия важна не сама по себе, а как *идеологический инструмент*. Так Тихомиров пишет: «Как мы видели выше, для государства вообще практическое значение имеет не непосредственно религия, а порождаемый ею нравственный элемент общества»³⁶⁶. Здесь Тихомиров точно следует логике Руссо, который пишет следующее: «А для Государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставляла бы его любить свои обязанности; но догматы этой религии интересуют Государство и его членов лишь постольку, поскольку эти догматы относятся к морали и обязанностям, которые тот, кто ее исповедует, обязан исполнять по отношению к другим. Каждый может иметь, кроме этого, какие ему угодно мнения, и суверену

---

³⁶⁴ Руссо Ж.-Ж. *Общественный договор*. М., 2002. С. 111.

³⁶⁵ Тихомиров Л.А. *Монархическая государственность*. М., 2006. С. 420.

³⁶⁶ Там же. С. 422.

вовсе не положено их знать. Ибо, поскольку он не обладает никакими полномочиями в ином мире, то какова бы ни была судьба его подданных в грядущей жизни, - это не его дело, лишь бы они были хорошими гражданами в этой»³⁶⁷. По всей видимости, именно в этом понимании природы монархической власти, нужно искать корни тихомировской критики понятия цезарепапизм, возникшей в более поздних произведениях.

В брошюре «Почему я перестал быть революционером?» Тихомиров впервые также формулирует управленческие достоинства самодержавной власти в России, такие как сила и единство власти. Монарх является источником всех властей в государстве (законодательной, исполнительной и судебной) и потому ему принадлежит властная прерогатива. Это самодержавное устройство власти придаёт прочность и силу правительству – т.е. те качества, которых, по мнению Тихомирова, не достаёт парламентарному устройству. Тихомиров указывает, что сильная власть особенно необходима в России «с ее далеко не законченными национальными задачами и с множеством внутренних неудовлетворенных запросов»³⁶⁸. Здесь Тихомиров опять же близок к Руссо, логически доказывающему в своём «Общественном договоре» то, что большим государствам более соответствует монархическая форма правления³⁶⁹.

Отвергая вслед за Руссо идею представительства, Тихомиров в то же время считает, что в управлении должен участвовать образованный класс, поскольку даже «самый способный и благонамеренный правитель может лишь удачно или неудачно выбирать людей, но не может самолично решать все вопросы администрации, социологии, политической экономии». Образованный класс, участвующий в управлении страной, Тихомиров называет «партией прогресса». Отвергая идею представительства, Тихомиров

---

³⁶⁷ Руссо Ж.-Ж. Общественный договор. М., 2002. С. 120.

³⁶⁸ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 52.

³⁶⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2002. С. 57.

считает, что члены этой партии должны осуществлять свою деятельность на благо государство посредством существующих политических учреждений (Государственный совет, Сенат, министерства), а так же публицистики. «В минуту, когда Император решит призвать ко власти прогрессивную партию (что он непременно будет делать от времени до времени, раз только убедится, что эта партия искренно признает его верховные права), партия прогресса должна быть готова оправдать призыв и сделать по устройению России действительно все, что можно», - пишет Тихомиров. Основная причина, почему это не происходило до сих пор, по мнению Тихомирова, состоит лишь в том, что «политическая роль образованного класса в течение всего XIX века... далеко не всегда заслуживает аттестата зрелости и нередко могла только отнимать у правительства возможность пользоваться образованными силами страны». Образованная молодёжь, по мнению Тихомирова, не «витают в заоблачных теориях», оторвана от национальных интересов и потому легко «поддаётся первому впечатлению или влиянию политической моды»³⁷⁰.

Таким образом, социально-политическая программа Тихомирова, определившаяся ещё в начале 1880-х гг., в целом не изменилась. Изменился, в представлении Льва Тихомирова, инструмент её воплощения. Под влиянием наблюдения европейской политики, а также исследования Руссо и французской социологической мысли, Лев Александрович приходит к выводу о том, что русская самодержавная монархия является единственной законной, национальной и, что немаловажно, сильной властью, способной осуществить преобразования необходимые России.

---

³⁷⁰ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия М., 2007. С. 40-41, 48, 52.

§ 2. Семья и религиозные искания. Оценки эволюции Тихомирова его окружением

Тихомиров женился на Е.Д. Сергеевой в 1880 г. В конце 1880 г. у Льва Александровича рождается первая дочь. По свидетельству Фигнер супруга Тихомирова, не смотря на своё революционное прошлое, была «неподвижная», «любящая покой и домашний уют», «узко материалистична и не могла, и не хотела переносить лишений»³⁷¹. В таком же духе характеристику Екатерины Дмитриевны оставил Фроленко: «Этой свадьбой и нельзя было революционеру быть довольным. Ибо Сергеева представляла из себя обычную мещанку с чисто мещанскими поползновениями, ничего общего с революцией не имеющими. Она и раньше и после только и думала о себе, о своём доме... Тихомиров рад, что избавился от идейной Перовской и не замечает, что его оседлала простая баба и довела до того, чем он стал»³⁷².

«Практичную хозяйственность»³⁷³ своей жены не раз отмечал и сам Тихомиров. Однако, на мой взгляд, не стоит преувеличивать влияние пусть даже очень хозяйственной супруги на Тихомирова. Во-первых, в революционной среде значение семьи всё-таки было слишком сильно подорвано, а политические права женщины ценились гораздо больше, чем обязанности матери и супруги. Во-вторых, домашний уют был не менее важен для самого Тихомирова. Так, оказавшись за границей, Тихомиров сразу обращает внимание на неустроенность быта эмигрантов³⁷⁴. И это отнюдь не потому, что Лев Тихомиров находился под сильным влиянием жены. Судя по его воспоминаниям, тут скорее сказывалось воспитание, поскольку сам

---

³⁷¹ Фигнер В.Н. По поводу записок Л. Тихомирова // Лев Тихомиров Воспоминания. М., 2003. С. 25.

³⁷² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 891. Л. 2.

³⁷³ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 334.

³⁷⁴ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 187.

Тихомиров вырос в семье с патриархальным укладом³⁷⁵. Конечно, как и многие молодые люди в 1860-х гг., Тихомиров был захвачен революционными идеями, но домашнее воспитание и религиозность, наследованная от матери, оказались сильнее и уже в 1880-е гг. Тихомиров начинает тяготиться жизнью заговорщика. Знакомство с Екатериной Дмитриевной в этом отношении стало первой вехой в возвращении Тихомирова к своим корням, если можно так выразиться. Отличие от первой влюблённости (Софьи Перовской), возникшей в результате революционных обстоятельств (Тихомиров находился под арестом в Петропавловской крепости), прекрасно сознавал и сам Тихомиров, однако, судил об этом в несколько ином ключе, нежели тот же самый Фроленко. Так Тихомиров описывает свою встречу с Екатериной Дмитриевной в своих воспоминаниях: «Я увидел настоящую женскую личность, сильную не мужскими, а женскими качествами: сердцем, любящим отношением к жизни, органической силой, инстинктивным пониманием множества тонкостей, столь трудно дающихся рассудку, а вместе с тем непередаваемой скромностью, которая составляет лучшую красоту женщины, да и вообще высшую красоту жизни»³⁷⁶. Революционеры Тихомиров осуждал за чрезмерную рассудочность их конструкций. В этом отношении супруга Тихомирова выступала противовесом своему мужу, как человеку склонному к излишне рациональному подходу.

С самого начала эмигрантского периода семья, как самого Льва Александровича, так и его родителей, оказалась заложником его политической свободы. В России Тихомировы оставили двух дочерей – Веру и Надежду – на попечение родителей. Переезд за границу разделил семью Льва Александровича на две части. Супруга Тихомирова, однако, отнеслась сочувственно к их отъезду³⁷⁷, поскольку в противном случае ему грозил

---

³⁷⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 19-55.

³⁷⁶ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 150.

³⁷⁷ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 310.

арест. Очутившись же за границей, Тихомиров поначалу был охвачен эйфорией свободы. «...Когда, словом, я вполне удивился, что я не в Отечестве, вдали от его дыма, - вспоминал Тихомиров, - то, - нужно сказать правду, - я почувствовал себя замечательно счастливым, но чувствовал не какой-нибудь восторг, не что-либо шумно радостное, но какое-то отрадное, спокойное сознание жизни...»³⁷⁸

В августе 1882 г. по приезде в Женеву у Тихомирова рождается сын Александр. Ребёнок был достаточно болезненным, поэтому супруги решили переехать на свежий воздух из Женевы в деревню под названием Морне. Уединившись в Морне, Лев Александрович связь с революционерами практически не поддерживал и полностью погрузился в процесс подготовки публикаций для легальных изданий. Деньги он получал от издателя «Дела» Щелгунова авансом (100 рублей в месяц), поэтому в материальном отношении Тихомировы жили вполне обеспеченно. По словам Тихомирова «на такую сумму в дешёвой Швейцарии да при практичной хозяйственности Кати можно было жить припеваючи»³⁷⁹. Так Тихомировы даже нанимают в этот период прислугу. Однако, спокойное течение жизни было нарушено появлением сначала Николладзе, потом началом «дегаевской истории».

С начала 1883 г. в связи с необходимостью организации революционеров в России и изданием «Вестника Народной воли» Тихомиров был вынужден ездить по делам в Париж и Женеву. Только 30 сентября Тихомировы перебираются полностью в Париж. Однако, уже в конце 1883 г. начинаются проблемы с работой. В начале 1884 г. были закрыты журналы «Дело» и «Отечественные записки» и Тихомиров остался без работы. «Вестник Народной воли» доходов не приносил, а лишь заставлял в долги. «С запрещением «Дела» вопрос о пропитании семьи и самого себя стал очень трудно разрешимым, - вспоминал Тихомиров. -

---

³⁷⁸ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 185.

³⁷⁹ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 334.

Приходилось искать работы по русским газетам, стал я задумывать и работы на французском языке, которым начинал владеть всё более свободно. Всё это брало много времени и труда, а денег давало мало. Мы постепенно стали жить всё беднее, все более подходили под уровень рядовых эмигрантов. А жизнь рядового эмигранта – это вечное полунищенское существование...»³⁸⁰. Так в своём дневнике в апреле 1884 г. Тихомиров записывает: «У нас безденежье абсолютное. Со всех сторон счета. Платить нечем. Того жди – выгонят с квартиры». Материальные сложности накладываются на сложности в семейной жизни. Из дневника проскальзывают скудные сведения об оставшихся детях в России. Так Тихомиров записывает в этот же месяц: «На днях я отправил письмо родным с просьбою, чтобы сестра на время взяла Надю. Это ужасно тяжёлая история. М.Д. отказывается держать – категорически. Мне взять – это всё равно, что камень на шею, да и самой девочке - тоже, тут, того гляди придётся быть на мостовой. И просить сестру – это значит просить Отто, который меня терпеть не может». Тихомировы уже отказываются от прислуги³⁸¹.

В 1886 г. начинается самое трудное время за весь эмигрантский период. Серьёзно заболевает сын Тихомирова Саша. «Вот уже две недели, как возимся с Сашей, - записывает Тихомиров в мае 1886 г. в своём дневнике, - Болен, по-видимому, менингит. Мушки, компрессы, бессонные ночи, крики, раздирающие душу...»³⁸² Последним психологическим ударом для становится возникший не без участия Рачковского вопрос о высылке его с французской стороны. Благодаря заступничеству Клемансо конфликт удалось уладить, однако, необходимо было на время покинуть столицу. Вместе с семейством Лев Александрович переезжает в пригород Парижа Le Raincy.

---

³⁸⁰ Там же. С. 461.

³⁸¹ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 211, 214.

³⁸² Там же. С. 237.

Болезнь сына отбирала силы, поглощая всё внимание Тихомирова. Выйдя из привычной колеи жизни Лев Александрович, пожалуй, только в этот период вполне осознал смысл отцовства. «Месяцы он провёл с мушками (5 штук), - вспоминал Тихомиров, - месяцы днём и ночью лежал у него лёд на голове, месяцы он питался клизмами, вечно принимал лекарствами, которые приходилось заставлять принимать угрозами, криками: «Глотай, непременно, силой волю!». и случалось силой вливать, разжимая челюсти мученика». Забота о больном ребёнке заставляла полностью забыть о себе, о своём положении, терзало лишь чувство долга перед сыном. Тихомирову хотелось тем больше дать мальчику душевного тепла, чем больше он сознавал опасность подступившей болезни. Можно только предполагать, насколько трудно было человеку, большую часть жизни решавшему политические вопросы и распоряжавшемуся в своих статьях судьбами народа и государства, заниматься тем, что до этого составляло удел его супруги. «Я выдумывал бесконечные сказки, - указывает Тихомиров в своих воспоминаниях, -игры, доступные больному, носил его, покупал игрушки. Я утешал себя: «Завтра помрёт, - пусть проведёт счастливую минуту...». В это время Льву Александровичу приходилось подчас тянуть эту лямку одному, поскольку нервная система несчастной матери ребёнка порой не справлялась. «Несчастливая Катя тоже билась с больным, дежурила попеременно со мной, но, измученная сама, рыдала, затыкала уши, убегала в припадках»³⁸³, - вспоминал Тихомиров о самых тяжёлых минутах.

19 февраля 1887 г. Тихомиров получил известие о смерти отца. В дневнике Лев Александрович оставил скупые строчки: «Незадолго до этого известия, недели 2-3 назад, видел я сон: чёрный гроб, на нём свечи, всё на чёрном фоне, и больше ничего». Позже Тихомиров возвращался к этому событию в своём письме В.К. фон Плеве от августа 1888 г. Лев Александрович укорял себя: « Я имел отца и мать и покинул их; отец так и

---

³⁸³ Там же. С. 329, 330.

умер, не увидев меня больше...». Родителей, оставленных на родине, Тихомиров вспоминал часто, однако, не заносил в дневник своих переживаний. В дневниковых записях можно увидеть лишь отдельные происшествия из жизни его родных. Свои чувства этого периода Лев Александрович описывал в воспоминаниях. «Родных я любил, отца и мать, - вспоминает Лев Тихомиров. - Они мне вспоминались тяжело мучительно даже тогда, когда я был в полном увлечении революциями. Как вспомнишь их постылую, одинокую жизнь, - словно нож резнёт по сердцу». Не распространяется в своём дневнике Тихомиров и о переписке с матерью, а она имела место в эмигрантский период. Мать присылала Льву Александровичу фотографии его двух дочерей, много писала о них. «За что же я народил на свет этих девочек, которых забросил, как щенят? И, думая об этом, я начинал любить этих сирот своих, вспоминал их всё больше...» - указывает Тихомиров в воспоминаниях³⁸⁴.

Всё это терзало его совесть и всё чаще наводило мысли о России. С каждым годом эмигрантская жизнь становится всё более чуждой Тихомирову. 1888 г. стал переломным в жизни Тихомирова. После предисловия к книге «Россия социальная и политическая», в котором Тихомиров подверг критике революционеров, были порваны отношения с эмигрантским миром. Таким образом, мосты в прошлое Тихомировым были сожжены: в мае 1888 г. Лев Александрович опубликовал брошюру «Почему я перестал быть революционером», теперь уже выступив в качестве союзника русского правительства. Однако, судьба Тихомирова была неясна ещё долгое время. Отрицательная реакция русского правительства на покаяние бывшего революционера, отсутствие возможности всё изменить лишали жизнь Тихомирова смысла. «Я уже почти не имею времени что-нибудь создать: мне уже – страшно сказать – тридцать шесть лет, и я, видимо, дряхлею, - записал Тихомиров в своём дневнике 12 июня. - Ужасно! Ещё немного, - и конец, и

---

³⁸⁴ Там же. С. 341.

ничего не сделано, и перед тобой нирвана. И сгнуться в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко русским, когда ценишь Россию даже в её слабостях, когда видишь, что её слабости вовсе не унижительны, а сила так величественна... Это ужасно, это возмутительно!»³⁸⁵

Начались долгие месяцы ожидания своей участи. Тихомиров понимал, что теперь, если он не будет прощён, то его арестуют, а семья останется без опеки. Мысль эта приводила его в ужас, но пойти другим путём он уже не мог. «Если государь не считает возможным меня простить, - *ipso facto* он считает меня подлежащим наказанию, - записал Тихомиров в своём дневнике 24 октября 1888 г., - Признавая себя подданным, я не могу не подчиниться воле царя. Остаётся, значит, лишь отдаться в руки русской администрации: явиться в Россию и – пусть арестуют. Но что делать с семьёй? Я полагаю, попрошу для них позволения возвратиться в Россию, и тогда пусть Катя с Сашей едут к матери, а я отдаюсь в руки консульства». С другой стороны, ходили слухи, что революционеры, опасаясь выдач со стороны Тихомирова адресов и явок полиции, могут убить его³⁸⁶. Эта мысль глубоко оскорбляла его достоинство, поскольку сам он был человеком искренним и более того был основным действующим лицом, принимавшим участие в на шумевшей «дегаевской истории».

12 июля 1888 г. Тихомиров отправил письмо В.К. фон Плеве, в котором, перечисляя свои вины, в числе прочих не преминул рассказать о печальном положении своей семьи. «Я разрушил всё в этой жизни. Я имел некоторые способности и употребил их на дело, которое мне тяжело даже характеризовать. Я имею отечество, которое любил: оно считает меня преступником и врагом. Я имел отца и мать и покинул их; отец так и умер, не увидев меня больше, мать до сих пор оплакивает меня как живого покойника. Я имею детей и поставил их в такое положение, что они меня помянут со

---

³⁸⁵ Там же. С. 274.

³⁸⁶ Там же. С. 313.

временем лишь самым горьким и заслуженным упрёком». 12 сентября 1888 г. Лев Александрович книгу «Почему я перестал быть революционером» вместе с личным письмом отправил императору. В этом письме Тихомиров в очередной раз упоминает о несчастном положении семьи и своей ответственности перед ней. «... Я имею трёх детей, - пишет он, - нелегальность которых совершенно терзает меня <...> Одна дочь моя носит фамилию Алещенко, другая была мною подкинута матери моей и состоит в звании подкидыша. Наконец, сын, слава богу, со мной. Но что он такое? Он до сих пор не крещён, так как я не могу заставить себя ни записать его под моим именем, не признать его законным»³⁸⁷.

Болезнь сына в 1886 г. окончательно определила религиозную эволюцию Льва Александровича. Как следует из воспоминаний Тихомирова, с детства был человеком верующим. При поступлении в гимназию в 1864 г. мать Льва благословила его образом Св. Митрофана и этот образок Тихомиров хранил всю свою последующую жизнь. Лишь один раз Тихомиров забыл эту иконку и вскоре был арестован. Когда же он находился уже в тюрьме, его мать снова привезла образ. Тихомиров вспоминает: «Очень скоро после этого меня освободили из тюрьмы, и с тех пор у меня составилось какое-то мистическое или суеверное отношение к этому образку. Никогда я с тех пор ни на день с ним не расставался»³⁸⁸.

В эмиграции Тихомиров изначально оказался вдалеке от православных храмов, хотя нет свидетельств, что он посещал их ранее сколько-нибудь регулярно. В Париже была посольская православная церковь, но, опасаясь слежки, Тихомиров не посещал её. В этот период нет свидетельств о религиозных исканиях Льва Александровича. Так, когда родился сын, его необходимо было окрестить, а это связывалось с рядом сложностей, поэтому крещение не состоялось. Сам же Тихомиров отмечал позже, что «не

---

³⁸⁷ Там же. С. 283, 305.

³⁸⁸ Там же. С. 53.

придавал этому значения» в тот период. Хотя в то же время Тихомиров вспоминает, что «чувство мистическое» его никогда не покидало. Так Тихомиров никогда не расставался с образом Свят. Митрофания, подаренный ему матерью, и считал его своим покровителем. Помимо иконки, Тихомиров так же «хранил также маленькое Евангелие», подарок его сестры. «Евангелие, - вспоминает он, - я всегда время от времени читывал и умел даже привести подходящую цитату». Таким образом, религиозность сохранялась все годы Тихомирова под влиянием домашнего воспитания. Тихомиров, будучи человеком рационалистического склада, пришёл, тем не менее, к Богу не путём логических обоснований и теорий, а интуитивным восприятием смысла происходящего. «Шура, мой Шура, - как многому он меня научил, - отмечал Тихомиров в своих воспоминаниях, - без слов, без понятий, одним настроением, в которое меня погружал своими страданиями, любовью, которая во мне к нему разгоралась, наконец, запросами своей маленькой, развивающейся души. Он меня привёл к Богу. Тяжко было идти, но этот путь привёл к такому свету, что и теперь не могу вспомнить тяжестей дороги, не умею изобразить того, чем мучился, невольно вспоминаю только светлое»³⁸⁹.

Сам Тихомиров воспринимал свой приход к вере как возвращение блудного сына, а не как переход от безбожия к религии. Однако, здесь следует отделять религиозное мировоззрение от личной веры Тихомирова. В 1880-е гг. произошло рождение личной веры. Потому Тихомиров и писал, что к вере его привёл сын, причём «без слов и понятий». Свои воспоминания Тихомиров писал, когда у него уже было сформировано религиозное мировоззрение. Интересно, что, не смотря на то, что в идейном отношении в тот период Лев Александрович был уже неплохо подкован, а сила личной веры, по его словам, уже была не та. Именно в свете корреляции «личная вера – религиозное мировоззрение» становятся понятны следующие слова в

---

³⁸⁹ Там же. С. 191, 335, 344-345.

воспоминаниях Тихомирова: «Строго говоря, я не был вполне безбожником никогда. Я только не верил в Бога, я имел материалистическое мировоззрение. Но я как-то боялся воевать с Богом, - меня от этого что-то удерживало. Один раз во всю жизнь я написал: «Мы не верим больше в руку Божию», и эта фраза меня смущала и вспоминалась мне как ложь и как нечто нехорошее». Когда Тихомиров пишет о том, что «не имел теории Бога и имел теорию без Бога», речь идёт не о вере, а мировоззрении³⁹⁰. К мировоззрению применимо понятие эволюции. С этой точки зрения, религиозная эволюция Тихомирова шла по нарастающей. С точки же зрения духовной, точкой максимальной религиозности для Тихомирова был 1886 г.

Личная вера родилась в Тихомирове, когда он достиг максимальной для себя степени смирения. Процесс этот был очень болезненный, потому что пришлось признать полную безысходность и искать помощи уже извне. Именно в этот время из простого суеверного чувства, неиспользованного наследства, полученного от матери, вера стала для него орудием изменения действительности: личной и семейной жизни. Тихомиров вспоминал: «Итак, чувство «суеверное» или, правильнее, «мистическое» у меня было. Но Богу я не молился. Болезнь Саши меня сломала. Гордость исчезла, и я молился сам не знаю кому, - тому, кто есть, если он есть. Я почувствовал себя таким слабым, что уже не боялся унижения, и молился: «Если ты есть, помилуй, помоги»³⁹¹. Поиск Бога явился в Тихомирове как поиск реального в этой жизни, попытка уйти от навязанных с детства идей.

Вспоминает Лев Александрович историю с Евангелием. Мучаясь вопросом о своём будущем, Тихомирову попались следующие строки Св. Писания: «И избавил его от всех скорбей его и даровал мудрость ему и благоволение царя египетского фараона» (Деян. апост. 7:10). «Да не государь ли это? Не на Россию ли мне Бог указывает?», - подумал тогда Тихомиров.

---

³⁹⁰ Там же. С. 343, 345.

³⁹¹ Там же. С. 344.

Этот мистический эпизод во многом определил Тихомирова в его решении обратиться к императору³⁹².

Ещё до переезда в Le Raincy Тихомиров посещал католические костёлы, поскольку опасался показываться в православной посольской церкви. В Le Raincy Тихомиров посетил протестантскую кирку, однако там, по его словам, он «не чувствовал Бога». Убранство самого протестантского храма напоминало ему «полусарай, полушколу»³⁹³.

«Религиозное чувство замечательно охватывало и привлекало мальчика, - вспоминает Тихомиров о сыне, - который больной, хилый, был в то время замечательно хорош душой, с какой-то особенной тонкостью духовного восприятия». Тихомирова, с одной стороны, радовали порывы души его сына, и он часто брал с собой Сашу в католические костёлы, отвечал на его вопросы о Боге. Однако, его постоянно тяготило чувство вины, в том, что его ребёнок не крещён, Льва Александровича пугало и то, что сын привыкнет к католичеству. По мере роста религиозных чувств укреплялось национальное самосознание Тихомирова. Лев Александрович хотел привить своему ребёнку любовь к России. «...Я начал мальчику говорить тоже о России, - вспоминает Тихомиров. - О царе я сначала ничего не говорил, кроме того, что он есть. Но я говорил о родных, о сёстрах, о дедушке и бабушке, о русской природе, о величине России»³⁹⁴.

Рост религиозно-национального самосознания происходил не только у одного Тихомирова, но и у его супруги³⁹⁵. Парадокс, однако, состоял в том, что по мере роста национально и монархически настроен, всё более бесцеремонными становятся действия русской охранной полиции и касаются даже личной жизни Тихомирова. В ход пускаются провокации, которые направлены были на дискредитацию как политических качеств Тихомирова,

---

³⁹² Там же. С. 346.

³⁹³ Там же. С. 347.

³⁹⁴ Там же. С. 347-349.

³⁹⁵ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 486.

так и личных. Так, в марте 1887 г. появляется гектографический листок, в котором Тихомирова обвиняют в убийстве, а его супругу в прелюбодеянии³⁹⁶.

8 октября 1887 г. Тихомиров с семьёй возвращается в Париж. Тихомировы поселились на Rue du Maine около предместья Монруж. В этот период Тихомиров часто посещает католическую церковь Святого Петра (Saint Pierre), который находился недалеко от дома, так что окна квартиры, фактически, находились на высоте колокольни. Интересно, что посещение католического храма в этот период связывалось для Тихомирова не только с религиозным поиском, но и тоской по родине. «После первого же ночлега утром, - вспоминает Тихомиров свой переезд на Rue du Maine, - на меня повеяло чем-то русским: слышался благовест, конечно, не наш, но всё-таки благовест. Притом колокол в церкви был большой, с хорошим звуком. Скоро он меня заманил пойти посмотреть храм». Однако, католический храм всё-таки не мог заменить Тихомирову православие. «У католиков даже при образцовой архитектуре всё же чувствуется пустота, - пишет Тихомиров. - Только алтарь в своём роде хорош и привлекает мысль и чувство к Богу»³⁹⁷.

По всей видимости, в этот период Тихомиров уже был знаком с православной церковью на Rue Daug, существующей при русском посольстве, однако, не посещал её. «Я туда давно тянулся, вспоминал он потом. - Проходя мимо и видя переулок эти золотые маковки, этот знакомый абрис, - мне так и хотелось зайти. Но я боялся и стыдился. Я – отверженец, я - враг своего народа; - как я пойду сюда, в посольскую церковь?». 26 августа 1888 г. с подачи семейства Эшенов, у которых Тихомиров работал в этот период, Лев Александрович в первый раз посетил русскую церковь. В храм он пришёл вместе со своим сыном. Это событие произвело неизгладимое впечатление на Тихомирова. Во всех воспоминаниях Тихомирова, пожалуй,

---

³⁹⁶ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 242.

³⁹⁷ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000. С. 526, 527.

нет более трогательного описания. Даже в дневнике Тихомиров, не всегда щедрый на воспроизведение своих эмоций, всё же оставил достаточно яркие строки. «Сегодня был в первый раз с Сашей в русской церкви, - пишет он в этот день. - Меня она растрогала чуть не до слёз – эти родные звуки. Сколько уже лет не был: с самой Женева. На Сашу, слава Богу, русская служба произвела огромное впечатление: он молился, видимо, с каким-то огромным желанием; всё ему нравилось, всё восторгало. По выходе из церкви он сейчас, не дожидаясь моего вопроса, начал мне толковать, как хорошо в церкви и что там гораздо лучше, чем в католической». В своих воспоминаниях Тихомиров писал: «Когда раздалось пение молитвы, мне стало страшно, - я думал, что у меня разорвётся сердце. Скажу прямо: с детства я не плакал и не умею плакать, и презираю его и не верю плачу... Но у меня тут спазмы охватили горло, - мне хотелось упасть и рыдать от горя и счастья, от стыда за своё блуждание, от восторга видеть себя в церкви, я не знаю от чего, но я даже подумал на секунду: «Господи, если у меня лопнет сердце, что же будет с мальчиком». Больше всего Тихомирова радовало то, что русская служба понравилась Саше, а значит, он своего сына «не загубил». В период своего религиозного возрождения Тихомиров повесил в знак «своего разрыва с атеизма революцией» образ Митрофана Воронежского в почётном углу комнаты³⁹⁸.

4 ноября 1888 г. Тихомиров собирался вместе с Павловским на молебен по случаю чудесного спасения царской семьи после крушения поезда в Борках. Однако Павловский предложил вызывать различные толки своим присутствием, и Тихомиров отложил это мероприятие, отправив вместо этого следующее письмо министру внутренних дел, в котором выразил свою радость по случаю спасения царя³⁹⁹. 10 декабря 1888 г. в русском посольстве Льву Александровичу было сообщено, что он помилован с отдачей под надзор полиции на 5 лет.

---

³⁹⁸ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003, С. 53, 289, 313, 396.

³⁹⁹ Там же. С. 315.

Открытый разрыв с революцией и переход на монархические позиции вызвал взрыв негодования со стороны прежних соратников Тихомирова. Со стороны очевидцев (из среды эмигрантов) и последующих истолкователей его воспоминаний (из прежних знакомых, вроде Фигнер) распространено было две версии. Версия первая «психическом помешательство». Причины этого помешательства находили разные, однако, в основном назывались его религиозные взгляды, тяжёлое положение семьи и болезнь сына. «Он был религиозен до ханжества и суеверен, как уездная купчиха», - пишет А.Н. Бах. Основой религиозности Тихомирова служила с одной стороны, его родословная: «... со времени императора Павла в семье Тихомировых прошло более двух сот попов, диаконов и другого церковного люда, - замечает Бах и отсюда делает вывод: «Неудивительно, что у него получились такие психические данные, преодолеть которые он не был в состоянии». В качестве примеров суеверия Тихомирова Бах приводит веру последнего в приметы и «паническое отношение к шпицам»⁴⁰⁰.

Эти же аргументы приводит Вера Фигнер, которые она связывает с тяжёлым экономическим положением и болезнью сына: «Симптоматичны признаки развития суеверия, веры в предзнаменования, сны и предчувствия. Дело доходит до того, что, зная, где на горизонте взойдёт молодая луна, он непременно встанет у окна так, чтобы увидеть её справа. Чаша отчаяния переполняется, когда ребёнок находится при смерти, когда измученный отец с угрозами и сжатыми кулаками заставлял сына пить лекарство, силой разжимая его челюсти. Громкий плач жены; не сантимата на лекарство и доктора; гибель в России, неприятности и расхождения в эмиграции, - всё состоялось, чтобы доканать человека...». Искренности церковного чувства Тихомирова Фигнер не верит, а видит лишь обрядоверие, рождающееся от тяжёлых экономических условий: «Он подлинный, не знающий этого, лицемер, обманывающий своего Бога, у которого только и вымалывает

---

⁴⁰⁰ Бах А.Н. Записки народовольца. М.-Л., 1929. С. 203-204.

материальные блага. Деньги, деньги и деньги – так и мелькают в записях изо дня в день. Их всё недостаточно, всё не хватает; обеспечения семьи - нет; её будущее шатко. Посты, говенье, крестные ходы и молебны – вот, что занимает его ум, и в чём состоит его религиозная жизнь. Это одна внешность без всякого внутреннего содержания». «Он положительно болен – психически болен; и его болезнь – наихудшая форма *mania religiosa*», – делает вывод Вера Фигнер⁴⁰¹. Прибылева-Корба превращение Тихомирова, «основателя страшной его врагам революционной партии «Народной Воли» в монархиста и христианина («религиозного ханжу») также объясняет «слабоумием», ставшим следствием «психического расстройства»⁴⁰².

К слову сказать, Тихомиров, действительно был суеверен, в чём он и сам признаётся в своём дневнике и воспоминаниях. Так, например, в записи от 23 сентября 1887 г. он указывает: «Стыдно отмечать такие вещи, но я начинаю *опять* мучиться предзнаменованиями. Я говорю часто в шутку, что у нас квартира несчастная, потому что в ней месяц всегда виден слева: так расположены окна»⁴⁰³. Однако, было бы большой ошибкой эволюцию его политических взглядов выводить из религиозности. Эволюция его политических взглядов началась уже в конце 1880 г. На протяжении всего эмигрантского периода мы видим их развитие и поиск соответствующего им инструмента воплощения, которым и стала монархическая власть. Религиозные же взгляды Тихомирова присутствовали до 1886 г. в зачаточном состоянии на уровне некоего мистицизма, отчасти суеверия. Главным толчком для зарождения подлинного религиозного чувства стала болезнь сына в 1886 г. Итак, религиозные чувства очень сильно переплетены с лично-семейной жизнью Тихомирова. Определённую роль играла его патриотическая позиция и национализм, роль которых, однако, не стоит преувеличивать. Религиозная составляющая, безусловно, присутствует в монархической концепции

---

⁴⁰¹ Фигнер В.Н. По поводу записок Л. Тихомирова // Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 24, 27, 28.

⁴⁰² РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 675. Л. 98.

⁴⁰³ Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 246.

Тихомирова. Складываться она начала в 1888 г. Однако тут важно разделять, как уже говорилось выше, религиозные чувства и религиозные убеждения. Вера на уровне чувств в Тихомирове возникла в 1886 г., религиозные убеждения же начали оформляться в 1888 г., а окончательно сложились и стали частью монархической доктрины, скорее всего лишь в 1890-е гг., после знакомства с Константином Леонтьевым.

Вторая версия «отступничества» Тихомирова заключается в том, что Тихомиров никогда не был настоящим революционером». Корни объяснения эволюции Тихомирова ищут в его слабости и малодушии, т.е. опять-таки в сфере нравственной, а не идейно-политической. Ко второй позиции склоняются, так или иначе, все перечисленные народовольцы. «Если бы Народная Воля процветала, если бы она победила, Тихомиров, конечно, не стал бы ренегатом». Так обосновывает свою точку зрения А.Н. Бах. «...В революцию он пошёл не по собственной инициативе, не потому, что у него было непреодолимое стремление к революционной работе, а как будто был вовлечён в неё пассивно», - делает вывод Бах⁴⁰⁴. Ему вторит и Вера Фигнер, практически дублируя его слова: «...он сделался материалистом, революционером и социалистом совершенно механически, без всякой внутренней работы, без борьбы, без того, чтоб у него возникали какие-нибудь сомнения или недоумения; сделался лишь потому, что кругом все были либерально или революционно настроены; все ругали все порядки, и он заразился чужими идеями, как заражаются тифом или холерой и заболевают не по своей вине, а потому, что вблизи находятся от заразы. Он социалист как-то произвольно, революционер как-то бессознательно...», но тут же делает оговорку «если Тихомиров не клеветает на себя» и «если верить личным воспоминаниям автора»⁴⁰⁵. Действительно в своих «Воспоминаниях», Тихомиров сам представлял таким образом картину

---

⁴⁰⁴ Бах А.Н. Записки народовольца. М.-Л., 1929. С. 203, 206.

⁴⁰⁵ Фигнер В.Н. По поводу записок Л. Тихомирова // Тихомиров Л.А. Воспоминания. М., 2003. С. 18.

своего становления на путь революции. И выводы о слабости Тихомирова во многом сделаны народолюбцами на основании логики его воспоминаний.

Многими народолюбцами отмечено влияние на него старых революционных товарищей. «...Воли у него было мало. Попав в блестящую плеяду борцов Народной Воли первого призыва, он поддавался их влиянию, жил волевыми импульсами, которые от них исходили, и применил свой талант для служения революционному делу. Но, когда их не стало, он остался без поддержки и заметался...»⁴⁰⁶ - пишет Бах. На этом же акцентирует внимание и Вера Фигнер, и Русанов, и Николай Морозов. Основания для подобного взгляда опять-таки даёт сам Тихомиров в своих «Воспоминаниях», говоря о влиянии на него Михайлова и Желябова и сетуя по поводу никудышного состава Народной Воли после разгрома партии.

В основном все народолюбцы признают за Тихомировым крупный литературный талант, ум и честность. «Тихомиров был несомненно умный, талантливый и притом честный человек», - пишет Бах. «Я знала, что он не лгал ради самосохранения, я знала, что он давно молчаливо носил нравственную смерть в своей душе, но я знала так же, что если он купил себе свободу ценою своего личного достоинства, ценою своего имени, то вверенные его чести свобода и жизнь товарищей не войдут в эту цену, не пострадают», - пишет Ольга Любатович, определяя разницу между ренегатом и предателем: «Я знала, что Тихомиров не может быть ни Гольденбергом, ни Дегаевым, и не ошибалась. А сколько мог бы он вернуть из административной ссылки, если не на эшафот, как Дегаев вернул барона Штомберга, то в каторжную тюрьму... История должна знать, помнить и быть справедливой...»⁴⁰⁷ А.Ф. Филиппов, который знал Тихомирова лично, в письме Фигнер 28 февраля 1931 г. отмечал искренность поступка Льва Тихомирова: «Ещё более я против того, чтобы прикреплять ярлык «ренегата», да ещё будто бы

---

⁴⁰⁶ Бах А.Н. Записки народолюбца. М.-Л., 1929. С. 206.

⁴⁰⁷ Любатович О. С. Далёкое и недавнее. М., 1930. С. 65.

действовавшего из-за личных выгод – на Л. Тихомирова, Вам известного своей медлительной обдуманностью действий, точностью и оценкой результатов будущего. Идею человека! Когда его имя ставят (и кто ставит – вот что удивительно) на эшафот истории «клеят отступничеством, то передо мной встают десятки солнечных дней и много лунных ночей в аллеях парка Петровско-Разумовского, где ещё витает перед глазами нашего поколения тень не В. Короленко, а даже Нечаева, - там жил в 90-х годах, на даче Л. Тихомиров. И его глубоко сердечные и поучительные признания – исповеди не как ренегата, а как революционера передо мной, студентом, перед которым ему не было подробности лгать и которого некуда и незачем увлекать ибо туда («Московские ведомости»), куда попал Тихомиров, выпусти свою покаянную в 1889 г. «Почему я перестал быть революционером?» - там мог быть он один, и то ценой драмы соглашательства»⁴⁰⁸.

Исключение среди народовольцев составляет Николай Морозов, доказывая, что слава Тихомирова создана во многом искусственно. Эта искусственность возникает от того, что «после гибели всех выдающихся членов «Народной Воли» в 1881-1883 гг., он оказался единственным наследником их деятельности, это временно окружило его ореолом, а затем а posteriori это было распространено и на его прошлый облик». Л.А. Тихомирова как бы поставили «насильно на ходули, а потому нельзя удивляться и тому, что он, наконец, с них соскочил и пошёл своей настоящей дорогой»⁴⁰⁹. Однако, мнение Морозова во многом обусловлено его субъективным отношением к Тихомирову, как редактору «Народной Воли», не пропускавшему статьи Морозова, постулирующие террористические методы борьбы. О разногласиях возникавших с Морозовым упоминает и сам Тихомиров в своих «Воспоминаниях».

---

⁴⁰⁸ РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 797. Л. 1 об.

⁴⁰⁹ Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1961. С. 684.

Таким образом, прежних соратников Тихомирова интересовала его идейная метаморфоза. Однако при этом в окружении Льва Александровича не оказалось оппонентов, готовых выступить против Тихомирова с честной аргументированной критикой (на что обратил и сам Тихомиров в своей статье «Несколько замечаний на полемику эмигрантов»⁴¹⁰), не случайно поэтому корни его эволюции революционные деятели искали собственно в сфере нравственной. Предметом критики со стороны таких оппонентов становились либо семейное положение, либо его религиозные взгляды, либо моральные характеристики последнего.

---

⁴¹⁰ Почему я перестал быть революционером? // Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007. С. 66.

Заключение.

Оказавшись за границей, Лев Тихомиров был выбит из привычной политической среды и лишился прежних товарищей. Эмигрантская колония состояла либо из осколков русских политических групп, либо из людей, не имеющих отношения к политике и никак не организованных между собой. Первые годы эмигрантского периода (до 1884 г.) единственной связующей нитью, придающей осмысленность жизни Тихомирова в эмиграции, оставалась деятельность в рамках партии «Народная воля»: переговоры с Николладзе, борьба с «дегаевщиной», организация «Вестника», переговоры с «молодыми народовольцами» и т.д. В своих воспоминаниях Тихомиров позднее сетовал на то, что оказался втянут в политику силой внешних обстоятельств, участвовал в делах партии вопреки своей воле. В то же время нельзя не заметить, что Лев Александрович принимал самые ответственные для судьбы партии решения (причём подчас единолично, как в случае с С.П. Дегаевым), участвовал во всех ключевых событиях партийной политики. Вместе с тем, взгляды Тихомирова находились в постоянной динамике, очень многое в деятельности партии его не устраивало и возмущало. Ему претили скоропалительные решения, принимаемые партией, замкнутость жизни её членов, невозможность изучать социальные и политические явления, имевшие место в России, с разных сторон (что и стало причиной сотрудничества Тихомирова с 80-го года в легально демократической печати). Всё более негативным становилось отношение Тихомирова к террору.

Тихомиров попытался создать связи во французской среде, но и эта его идея провалилась. Европа, вопреки прежним представлениям Тихомирова, оказалась миром совершенно чуждым для русских политических эмигрантов. Однако, именно изучение Европы стало для Тихомирова той точкой отсчёта, с которой началась его политическая

эволюция. В процессе развития своих политических идей Тихомиров пришёл к губительности двух альтернатив западного пути, воспринятых русской интеллигенцией: революции и парламентаризме.

В культурно-религиозном отношении Европа показалась Льву Александровичу более консервативной в сравнении с той русской интеллигентной средой, к которой принадлежал сам Тихомиров. Население городов, где ему случалось проживать (Женева, Париж), по мнению Тихомирова, оказалось сильно пропитано буржуазным духом. Как выяснил для себя Тихомиров, развитие демократических учреждений в европейских странах не соответствовало тем идеалам, о которых мечтала русская радикальная интеллигенция. В тихой небольшой Швейцарии демократические органы власти были наиболее развиты, однако они никак не влияли на духовное и интеллектуальное развитие рабочего населения, демократия оказывалась нужна лишь для решения вопросов частного, как правило, материального порядка. Во Франции, по наблюдениям Тихомирова, представительские органы скорее разрушали всякое представление о справедливости своей лживостью и продажностью; представители «народной воли» превратились в отдельно существующее сословие политиканов, озабоченное решением интересов частных групп и партий, а не общенациональных вопросов.

Претерпев разочарование в революционных методах борьбы, Тихомиров перестал видеть в своём пребывании за границей всякий политический смысл. Лев Александрович был идеологом, человеком действия. Сидеть же сложа руки он не мог. Поэтому, уяснив для себя новую миссию в качестве идеолога монархической партии, Тихомиров решает на крайне рискованный в его случае шаг: обратиться к русскому монарху не просто с покаянием, а, фактически, с предложением своих услуг.

Несмотря на смену политических проектов Тихомирова, программа его при этом не претерпела серьезных изменений: он остался сторонником

сильной власти, государственного регулирования экономических отношений, унитарного (не федеративного) государства, психологической, а не экономической основы общества. Изменялось лишь представление об инструменте воплощения в жизнь этой программы – политической власти в стране. Источники не позволяют даже сказать, насколько существенным было это изменение в эмигрантский период: в ранних произведениях нет чёткой формулировки политических предпочтений Тихомирова. Известно лишь то, что изначально, по мнению публициста, власть должна была перейти в руки революционной партии, а далее – Земскому собору. Определённо можно утверждать лишь то, что именно непосредственное знакомство с политической жизнью Европы и осмысление её через призму «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо разочаровало Тихомирова в парламентских учреждениях и заставило его, в конечном счете, признать предпочтительность монархической формы власти.

В ближайшем окружении Л.А. Тихомирову не удалось найти единомышленников. Кризис «Народной воли» совпадал для Тихомирова, как главного идеолога партии, с личным мировоззренческим кризисом. С кризисом партийным умирало в некотором смысле детище самого Тихомирова, которое он выращивал в своей публицистике. Для прочих же членов партии идеи «Народной воли» имели меньшее значение, чем её практическая деятельность, и они скорее были склонны видеть причины неудач во внешних обстоятельствах, нежели в самой идеологии. Соратники в эмиграции, зная об изменениях во взглядах Тихомирова, не вступали с ним в открытую полемику. В окружении Тихомирова предпочитали замалчивать его «новые» идеи из опасения «пагубного» влияния старого народовольца на революционную молодёжь. Публичное отречение Тихомирова в брошюре «Почему я перестал быть революционером» поставило эмигрантов в крайне неловкое положение, поскольку из данного произведения с очевидностью следовало, что изменение во взглядах Тихомирова стали происходить уже

начиная с 1880 г. В результате получалось, что Тихомиров был ведущим руководителем партии (в частности руководителем заграничного издания), но при этом уже придерживался «антиреволюционных» взглядов. Если бы в окружении Тихомирова оказались такие же честные, последовательные и главное – действительно талантливые личности, как и он сам, то, очевидно, после отречения должно было бы последовать открытое объяснение, почему с «сомневающимся» теоретиком партии долгое время (во всяком случае с 1886 г.) мирились. И основания для этого «компромисса» действительно были. Здесь, во-первых, можно было бы говорить о неоспоримых заслугах Тихомирова перед партией в её самые сложности годы; во-вторых, по правилам полемики нужно было бы согласиться с рядом критических замечаний Тихомирова и представить контраргументы по основополагающим тезисам его статьи.

Однако, вместо честной полемики в революционных кругах получили ход версии о сумасшествии Тихомирова или его политической ничтожности («никогда не был революционером»). Зачастую первой версии придерживались те, кто в той или иной степени уважал нравственность и честность Тихомирова, второй – те, кто изначально завидовал его положению в партии.

Принципиальное значение в жизни Тихомирова имели такие новые знакомые Льва Александровича за границей, как Ольга Новикова, Жюльетта Адан и семейство мадам Эшен (Чебышовой). Неслучайно ключевыми фигурами в этот период для него стали женщины. К моменту знакомства новая программа Тихомирова уже находилась в стадии активной разработки и Лев Александрович вряд ли надеялся найти в лице Новиковой или Адан политических соратниц: в этот момент ему важней была психологическая поддержка в его новых идеях. Помимо личного расположения к нему со стороны новых знакомых, в данном кругу он встретил непоколебимое уважение к самодержавной России.

Эмигрантский период стал серьёзным испытанием для семейной жизни Тихомирова. После переезда за границу семья Тихомирова оказалась расколотой: двое детей были оставлены в России (он увидел их лишь спустя 7 лет!), родители оставлены (отец умер, не дождавшись встречи с сыном). За границей у Льва Александровича родился сын, который вследствие своей болезненности требовал большого внимания и душевных сил. Груз моральной ответственности за своих детей, оставленных в России, за отца и мать, которые остались без поддержки и внимания сына, постепенно сместил центр тяжести в жизни Тихомирова из сферы политической в семейную и религиозную. Болезнь сына, тяжёлое, подчас безвыходное положение семьи – всё это стимулировало личное обращение Тихомирова к вере, который, по собственному признанию, атеистом никогда не был, но отошёл от веры под влиянием революционной среды. Религиозность Тихомирова не носила в этот период какого-либо идейного характера: говорить о сложившемся в это время православном мировоззрении невозможно точно так же, как и говорить о какой-либо целостной монархической доктрине. Поэтому выведение новых политических взглядов Тихомирова из религиозного мировоззрения представляется необоснованным.

Личное религиозное обновление Тихомирова после болезни сына в 1886 г. делит политическую биографию Льва Александровича на две половины – революционную и легальную (связанную с мыслью о создании «широкой национальной партии») – но ни к одной из них не принадлежит. И до, и после Тихомиров считал себя учителем: сначала с революционных позиций, позже (с начала 1888 г.) с легально-монархических. Лишь период пребывания в Le Raincy (предместье Парижа) – вдали от политической жизни, наедине со своей семьёй и с самим собой – единственный момент, когда Тихомиров, вырванный болезнью сына из политического контекста, перестал учить и, взяв в руки Евангелие, почувствовал себя в роли ученика.

Период религиозного поиска по времени предваряет искания в области политических идеалов: Тихомиров, отказавшись от революционных идей, не сразу стал монархистом. Религиозное обращение, в некотором смысле, оказало влияние на окончательную «очистку» взглядов Тихомирова от революционности, подготовив почву для признания принципиально новой политической силы в лице монархии. Оформление православно-монархического учения Тихомирова следует относить к более позднему периоду (начало 1890-х гг.), которое было связано не с личными переживаниями, а с интеллектуальными поисками на основе уже давно существовавших убеждений, уходивших своими корнями в народовольческий период.

Источники и литература

Источники

Архивные источники

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 102. Д-3. 1887. Д. 69, 545.

Ф. 634. Оп. 1. Д. 134.

Ф. 1762. Оп. 4. Д. 568.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 75. Оп. 1. Д. 32.

Ф. 345. Оп. 1. Д. 746.

Ф. 1158. Оп. 1. Д. 451, 675.

Ф. 1185. Оп. 1. Д. 797.

Опубликованные источники

1. Произведения Л.А. Тихомирова.

25 лет назад (Из дневника Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. Т. 1-5.

Библиотека социальных знаний. Серия первая. Т. I. «Колокол».

Избранные статьи А.И. Герцена (1857-1869). С предисловием Л.

Тихомирова. Женева, 1887.

Воспоминания Льва Тихомирова. М.-Л., 1927.

Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 107-109.

Дневник Л.А. Тихомирова 1915-1917 гг. Сост. А.В. Репников. М, 2008.

Из архива Л.Тихомирова // Красный Архив. 1924. Т. 6.

Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1933. Т. 6.

Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1935. Т. 5-6.

Из дневника Льва Тихомирова. Период столыпинщины // Красный архив. 1936. Т. 1-2.

Литература партии «Народная воля». М., 1931.

Неизданные записки Л.Тихомирова // Красный Архив. 1928. Т. 4.

Тихомиров Л.А. Апология веры и монархии. М., 1998.

Тихомиров Л. Воспоминания. М., 2003.

Тихомиров Лев. Емельян Пугачёв или бунт 1773 г. М., 1871.

Тихомиров Л. Заговорщики и полиция. М., 1930.

Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 2006.

Тихомиров Л.А. Россия и демократия. М., 2007.

Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 2002.

Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М., 2003.

Тихомиров Л.А. Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. М., 1925.

Тихомиров Л.А. Тени прошлого. М., 2000.

Тихомиров Л. Тени прошлого. Степан Халтурин // Каторга и ссылка. 1926. № 4.

2. Периодика.

Вестник народной воли. Женева, 1882-1885.

Дело. СПб., 1881-1882. № 5, 6, 12.

Московские ведомости. М., 1892-1897.

Русский вестник. СПб., 1888. № 9, 11.

Русское Обозрение. М., 1891-1895.

3. Воспоминания и переписка современников

Бах А.Н. Записки народовольца. М.-Л., 1929.

Группа «Освобождение труда». М., 1923. Вып. 1.

Дейч Л.Г. О сближении и разрыве с народолюбцами // Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 50-51.

Из архива группы «Освобождение труда». Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1: 1883-1897 гг. М., 2009.

Из прошлого русского общества. СПб., 1904.

К истории «процесса 21-го» // Красный архив. М, 1929. Т. 5.

Кузьмин Д. Народолюбческая журналистика. М., 1930.

Лавров П.Л. Годы эмиграции. Бостон, 1974. Т. 2.

Лавров П.Л. Письмо товарищам в Россию. Женева, 1888.

Любатович О. С. Далёкое и недавнее. М, 1930.

Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1961.

Переписка К.Маркса и Ф.Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951.

Письмо Исполнительного комитета – заграничным товарищам // Революционное народничество 70-х годов XIX века (сборник документов и материалов в двух томах, под редакцией С.С. Волка). М.-Л., 1965. Т. 2

Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избранные философские произведения в пяти томах. М., 1956. Т. I. С. 115-794.

Плеханов Г.В. Письмо товарищам в России. Женева, 1888.

По поводу одного предисловия. Париж, 1888

Русанов Н.С. В эмиграции. М., 1929.

Русанов Н.С. Революция или эволюция? Париж, 1888.

Серебряков Э.А. Открытое письмо Льву Тихомирову (автору «Почему я перестал быть революционером»). Женева, 1888.

Стефанович Я.В. Дневник карийца. СПб., 1906.

Сухомлин В.И. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. М., 1988.

Сухомлин В.И. Из эпохи упадка «Народной воли» // Каторга и ссылка. 1926. № 7/8.

Таратута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский – революционер и писатель. М., 1973.

Фигнер В.Н. Запечатленный труд. М., 1964.

Фигнер В. По поводу записок Л. Тихомирова // Тихомиров Л. Воспоминания. М., 2003.

4. Труды по философии, социологии и истории.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 2002.

Тард Г. Общественное мнение и толпа. М., 1902.

Тэн И. А. Развитие политической и гражданской свободы в Англии в связи с развитием литературы. СПб., 1871.

Флоренский П. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1996.

Фулье А.Ж.Э. Современная наука об обществе. М., 1895.

Фюстель де Куланж Н.Д. Древний город. М., 2010.

Эспинас А. Социальная жизнь животных: Опыт сравнительной психологии. М., 2012.

Литература

1. Монографии.

Абелинскас Э.Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология (опыт обоснования). Екатеринбург, 1999.

Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М, 1991.

Бурин С. Судьбы безвестные. М., 1994.

- Вахрушев И.С. Очерки по истории русской революционно-демократической печати 1873-1886 годов. Саратов, 1980.
- Верещагин В.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова. Ростов-на-Дону, 2003.
- Ермашов Д.В., Пролубников, Ширянец А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: Л.А. Тихомиров. М., 1997.
- Ефименко А.Р. Эволюция социально исторических и философских взглядов Л.А. Тихомирова. М., 2000.
- Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. М., 1999.
- Кан Г.С. «Народная воля»: идеология и лидеры. М., 1997.
- Лависс Э., Рамбо А. Конец века. 1870-1900 // История XIX века в 8 томах. Т. 7. М., 1939.
- Лебедев Р. Русский монархизм и идеология фашизма. Киев, 2002.
- Маевский В.А. Революционер-монархист: памяти Льва Тихомирова. Белград – Нови-Сад, 1934.
- Малинин В.А. Философия революционного народничества. М., 1972.
- Милевский О.А. Две стороны одной жизни. Барнаул, 2004.
- Начапкин М.Н. Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л.А. Тихомиров: жизнь и мировоззрение. Екатеринбург, 2007.
- Невский В.И. От «Земли и воли» к группе «Освобождение труда». М., 1930.
- Посадский С.В., Посадский А.В. Лев Тихомиров: философско-культурологические искания. СПб., 2009.
- Пролубников А.В. Концепция монархической государственности Л.А. Тихомирова. М., 1997.
- Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М, 1999.
- Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России. М., 2000.
- Репников А.В., Милевский О.А.. Две жизни Тихомирова. М., 2011.

- Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966.
- Смолин М.Б. Государственно-правовые идеи Тихомирова. СПб., 2004.
- Твардовская В.А. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983.
- Тимохина Е.А. Лев Тихомиров и русский консерватизм. Самара, 2001.
- Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866-1882 гг. М, 1978.
- Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880-1894). М., 1883.
- Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды. Саратов, 1991.
- Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866-1895 гг. М., 1979.
- Цыганов В.Н. Идея русского самодержавия и её развитие в творчестве Тихомирова. Нижний Новгород, 2000.

2. Статьи, авторефераты, тезисы, рецензии.

- Белов В.И. Незамеченная книга: [о книге монархиста Л.А. Тихомирова «Монархическая государственность»] // Наш современник. 1997. № 1. С. 192-195.
- Булычев Ю. Сверяясь с Россией: о жизни и творчестве Л.А. Тихомирова // Москва. 1992. № 2/3/4. С. 113-119.
- Бухбиндер Н.А. Из жизни Тихомирова (по неизданным материалам) // Каторга и ссылка. М., 1928. № 12.
- Вада Харуки. Лев Тихомиров: его духовный мир в последние годы жизни (1913-1923) // Россия как проблема всемирной истории. М., 1999.

- Валк С.Н. Молодая партия «Народной воли» // Проблемы марксизма. Л., 1930. № 1. С. 95-119.
- Валк С.Н. Распорядительная комиссия и Молодая партия «Народной воли» // Каторга и ссылка. М., 1931. С. 98-137.
- Валк С.Н. Рецензия на книгу «Воспоминания Л. Тихомирова» // Пролетарская революция. 1927. Кн. 8/9. С. 429-434.
- Ефименко А.Р. Л.А. Тихомиров: обзор документов личного фонда // Вестник архивиста. 1999. № 6. С. 91-67.
- Иванов А.А. Революционер и консерватор [Рец. на кн.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / сост. А.В. Репников. М., 2008] // Литературная Россия. 2008. 11 июля (№ 28).
- Исаев И.А. Превращения монархической идеи // Родина. М., 1993. № 1.
- Карнишин В.Ю. [Рецензия на кн.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / сост. А.В. Репников. М., 2008] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 271-273.
- Картавых Г.А. Социально-экономическая проблематика в легальной публицистике Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований: сб. науч. и науч.-метод. тр. преподавателей, аспирантов и студентов каф. регионологии Алтайск. гос. техн. ун-та. Барнаул, 2008. Вып. 8. С. 68-74.
- Костылев В.Н. Выбор Льва Тихомирова // Вопросы истории. М., 1992. № 6/7. С. 30-46.
- Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма. Автореф. дис. ... к. и. н. М., 1986.
- Костылев В.Н. Ренегатство Л.А. Тихомирова и русское общество в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в. // Проблемы истории СССР. М., 1980. Вып. 11. С. 151-169.
- Кублановский Ю.М. О публицистических мыслях Льва Тихомирова [Рец. на кн.: Критика демократии: статьи из журнала «Русское

обозрение» 1892-1897 гг. М., 1997] // Новый мир. 1998. № 11. С. 223-227.

Макаров В.Г., Репников А.В. Александр Дубровин и Лев Тихомиров: судьба после крушения самодержавия / Историк и время. Пенза, 2004. С. 131-144.

Милевский О.А. Еще раз к проблеме «ренегатства» Л. Тихомирова // Природа, общество, человек: регион. науч.-практ. конф. молодых специалистов. Томск, 1995. С. 23-24

Милевский О.А. Из истории русско-китайских культурных связей: Л. Тихомиров и его роль в пропаганде православия в Китае в конце XIX – начале XX веков // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Философия, история. 1999. Вып. 1 (10). С. 55-57.

Милевский О.А. К истории идейной эволюции Л. Тихомирова: последние годы эмиграции (1885–1888 гг.) // Проблемы отечественной и всеобщей истории: сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Л.И. Боженко. Томск, 1999. С. 96-111.

Милевский О.А. Л.А. Тихомиров и Б. Муссолини: две концепции «корпоративного государства»: (опыт сравнительного анализа) // Актуальные проблемы региональных исследований: сб. науч. и науч.-метод. тр. преподавателей, аспирантов и студентов каф. регионологии Алтайск. гос. техн. ун-та. Барнаул, 2006. Вып. 4. С. 89-124.

Милевский О.А. Л. Тихомиров и демократическая журналистика: анализ легальной публицистики (1880–1884 гг.) // Актуальные проблемы региональных исследований: сб. науч. и науч.-метод. тр. преподавателей, аспирантов и студентов каф. регионологии Алтайск. гос. техн. ун-та. Барнаул, 2002. Вып. 2. С. 42-67.

Милевский О.А. Л. Тихомиров и «зубатовщина» в Мосееве. 1901–1903 гг. // Актуальные проблемы региональных исследований: сб. науч. и науч.-метод. тр. преподавателей, аспирантов и студентов каф.

регионоведения Алтайск. гос. техн. ун-та. Барнаул, 2003. Вып. 3. С. 101-112.

Милевский О.А. Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 1997. Вып. 1 С. 70-74.

Милевский О.А. Л. Тихомиров о взаимоотношениях православной церкви и самодержавного государства (1892-1905 гг.) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 1997. Вып. 3. С. 37-44.

Милевский О.А. Л. Тихомиров о социально-экономической политике правительства в 1909-1913 годы. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История. Филология. 2001. Т. 6. Вып. 1. С. 175-178.

Милевский О.А. Монархическая утопия Л. Тихомирова // Духовное и социальное развитие России 1990-х годов: проблемы сохранения жизненных сил русского народа. Материалы региональной науч.-практич. конф. 1999 г. Барнаул, 2000. Вып. II. С. 112-117.

Милевский О.А. Под псевдонимом «Кар...»: (к вопросу об установлении поэтического псевдонима Л.А. Тихомирова) // Гуманитарному факультету – 15 лет: юбилейн. сб. науч. и науч.-метод. тр. преподавателей и аспирантов гуманитар. фак. Алтайс. гос. техн. ун-та. Барнаул, 2007. Вып. 2. С. 36-41.

Милевский О.А. Православная составляющая в концепции «этической монархии» Л. Тихомирова // Теология и религоведение. Барнаул, 2000. Вып. 1. С. 46-49.

Милевский О.А. Проект «идеальной монархии» Л.А. Тихомирова: утопия или реальность // Эхо: сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. М., 2001. Вып. 5. С. 10-27.

Милевский О.А. Религиозная историософия Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований: сб. науч. и науч.-метод. тр. преподавателей, аспирантов и студентов каф. регионоведения Алтайск. гос. техн. ун-та. Барнаул, 2008. Вып. 8. С. 153-191.

Милевский О.А. Русские мыслители о положении русской православной церкви в конце XIX в.: (на примере дискуссии между В.С. Соловьевым и Л.А. Тихомировым в 1892–1894 гг.). // Изв. высш. учеб. заведений. Сев.-Кавказ. регион. Обществ. науки. 1999. № 1. С. 45-47.

Минаков А.Ю. Рецензия на кн.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / сост. А.В. Репников. М., 2008 // Москва. 2008. № 7. С. 207-208.

Минаков А.Ю. Рецензия на кн.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / сост. Репников А.В. М., 2008 // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 109-111.

Мороховец Е.А. Рецензия на книгу «Воспоминания Л. Тихомирова» // Историк-марксист. М., 1927. Т. 6. С. 281-283.

Мягкова Е.М. Рецензия на кн.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / сост. Репников А.В. М., 2008 // Вестник РГНФ. 2008. № 4. С. 257-261.

Назаров В.Н. «Загадочный Лев Тихомиров» // Вопр. философии. 1992. № 5. С. 123-139.

Николаевский Б.И. О «Воспоминаниях Л. Тихомирова» // Каторга и ссылка. М., 1928. № 1. С. 174-178.

Пайпс Р. Лев Тихомиров: революционер поневоле / Неприкосновенный запас. №4 . М., 2010.

Попов Э.А. Л.А. Тихомиров и Б.Н. Чичерин: спор оппонентов // Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001. С. 188-194.

Попов Э.А. Проблема понятийно-категориального аппарата в исследованиях по истории русской монархической мысли рубежа XIX-XX вв. // Эхо: сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 4. С. 77-88.

Попов Э.А. Рабочий вопрос в неоконсервативной доктрине Л.А. Тихомирова // Вторые межрегиональные научные чтения по

актуальным проблемам социальной истории и социальной работы: науч.-теорет. конф. : тез. докл. и сообщ. 24–25 мая 2001 г. Новочеркасск, 2001. С. 33.

Посадский С.В. Историософия Л.А. Тихомирова и перспективы христианской культурологии. // Христианство и культура глазами молодых ученых. СПб., 1999. Вып. 12. С. 129 - 137.

Ремнев А.В. Крестный путь Льва Тихомирова. // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 113-133.

Репников А.В. Константин Леонтьев и Лев Тихомиров // Эхо: сб. ст. по новой и новейшей истории Отечества. М., 2000. Вып. 3. С. 7-16.

Репников А.В. Л.А. Тихомиров о «заслугах и ошибках социализма» // Провинция России: тенденции, факторы и перспективы социокультурной динамики. Материалы круглого стола «Регионы России» III Международной Кондратьевской конференции. М.-Кострома, 1998. С. 131-133.

Репников А.В. Л.А. Тихомиров о рабочем вопросе // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века: материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. М.Н. Белова. Кострома, 2001. Ч. 1. С. 92-97.

Репников А.В. Л.А. Тихомиров, «схимник от самодержавия» // Россия и современный мир. 2002. № 3. С. 178-191.

Репников А.В. Лев Александрович Тихомиров // Отечественная история. М., 2008. № 2. С.146-160.

Репников А.В. Лев Тихомиров в Сергиевом Посаде // Проблемы истории Московского края: материалы пятой науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Моск. гос. обл. ун-та. (Москва, 28 марта 2006 г.). М., 2006. С. 189-191.

Репников А.В. Лев Тихомиров о социализме // Подмосковная правда. 1999. № 1.

- Репников А.В. Лев Тихомиров – от революции к апокалипсису // Россия и современный мир. 1998. Вып. 3. С. 189-198.
- Репников А.В. Лев Тихомиров: «Царство русское кончено при Николае II» // Революция в России: история и современность: материалы третьей межрегион. науч. конф. Рязань, 2007. С. 22-27.
- Репников А.В. «...Силам добра нет доступа к власти»: (по страницам дневника Льва Тихомирова) // Историческая газета. 2006. № 6.
- Сергеев С.М. Л.А. Тихомиров и лагерь русских традиционалистов в 90-е гг. XIX в.: (материалы к истории русского традиционализма) // Христианство и политика / Л.А. Тихомиров. М., 2002. С. 606-615.
- Сергеев С.М. «Мои идеалы в вечном...»: (творческий традиционализм Льва Тихомирова) // Монархическая государственность / Л.А. Тихомиров. М., 1998. С. 3-23.
- Соловьев К.А. Рецензия на кн.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / сост. А.В. Репников. М., 2008 // Исторический архив. 2008. № 6. С. 212-214.
- Соломкина А. А. Концепция идеального государства в социальной философии Д. А. Тихомирова / А. А. Соломкина // Философский век: альманах. СПб., 1998. Вып. 12. С. 159-167.
- Соломкина А.А. Народное представительство в проектах М.М. Сперанского и Л.А. Тихомирова // Государственные реформы М.М. Сперанского в исторической ретроспективе. Новосибирск, 2005.
- Степанов А.Д. «Я увидел и отвернулся...»: (Лев Тихомиров о русской революции) // Вече: альм. рус. философии и культуры. СПб., 1994. Вып. 1. С. 95-105.
- Степанский А.Д. Рецензия на кн.: Дневник Л.А. Тихомирова. 1915 – 1917 гг. / сост. Репников А.В. М., 2008 // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Гуманитар. науки. 2008. № 2. С. 169-170.

- Сухоруких А.В. Рабочий вопрос в России: монархическая альтернатива Л.А. Тихомирова // Страницы истории и историографии отечества. Воронеж, 1999. Вып. 2. С. 82-92.
- Тростников В.Н. Он поправил самого Аристотеля: 150 лет со дня рождения Л.А. Тихомирова // Русский дом. 2002. № 2. С. 36.
- Улитин Р.Р. Вопросы взаимных отношений церкви и государства в творчестве Л.А. Тихомирова // Православная духовность в прошлом и настоящем. Н. Новгород, 2003.
- Филимонов В. Лев Тихомиров как пример для русской интеллигенции // Монархист. 1995. № 29, 30, 31/32.
- Чесноков С.В. Неизвестный Тихомиров (1852–1923) // Отечественная философия: русская, российская, всемирная. Н. Новгород, 1998.
- Чесноков С.В. Святитель Митрофан Воронежский и тайна материнского благословения Льва Тихомирова // Трибуна русской мысли. 2002. № 2. С. 94–102.
- Чесноков С.В. Роль идейно-политического наследия Л.А. Тихомирова в русской общественной мысли и культуре. Автореф. дис. ... к. и. н. Нижний Новгород, 2005.
- Чесноков С.В. «Социология господства» Макса Вебера сквозь призму теории верховной власти Л.А. Тихомирова // Полис: Политологические исследования. 2000. № 2. С. 161-171.
- Шамяунов Е.Д. Программа консервативного обновления России Льва Тихомирова // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 1. История. 1999. С. 94-102.
- Шерстюк М.В. Л.А. Тихомиров: обретение религиозного мировоззрения. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2010.
- Шерстюк М.В. Одиночество Льва Тихомирова // Россия XXI. 2002. № 2. С. 142-163.
- Hardesty Von Duane. Lev Л. Tikhomirov and the Autocratic Principle: A Study of His Conservative Thoughts. Ph. D. Dissertation. Ohio State University. 1974.

Tidmarch K. Lev Tikhomirov and a Crisis in Russian Radicalism // Russian Review. Vol. 20. 1961. № 1. P.49

Wada H. Lev Tikhomirov: His Thought in his years, 1913 - 1923 // Annals of the Institute of Social Science. University of Tokyo. 1986. № 28.